

Константин Никифоров

**МЕЖДУ КРЕМЛЕМ
И РЕСПУБЛИКОЙ СЕРБСКОЙ**

Москва 1999

Российская академия наук
Институт славяноведения

Константин Никифоров

**МЕЖДУ КРЕМЛЕМ
И РЕСПУБЛИКОЙ СЕРБСКОЙ**
(Боснийский кризис: завершающий этап)

Москва 1999

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
Н22

Автор выражает искреннюю благодарность руководству Федерального инвестиционного банка за финансовую поддержку в осуществлении настоящего издания.

Ответственный редактор доктор исторических наук,
профессор *В.К.Волков*

Рецензенты: кандидат исторических наук *А.В.Карасев*
кандидат политических наук *З.В.Клименко*

Никифоров К.В.

Н22 Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). 1990. — 262 с.

ISBN 5-8122-0113-7

Югославский кризис и его боснийская составляющая еще долго будут привлекать к себе самое пристальное внимание во всем мире. Слишком много важного для судеб всего человечества оказалось сконцентрированным на пространстве бывшей Югославии. Без преувеличения — югославский кризис сделал мир другим. Предлагаемый читателю труд вносит свой вклад в дело изучения этого важнейшего события современной истории. В нем рассказывается о боснийской войне 1992-1995 годов. Особенно подробно освещаются два последних года, которые предшествовали Дейтонским договоренностям. Именно в эти годы вокруг боснийского урегулирования развернулась ожесточенная политико-дипломатическая борьба.

Автором книги является один из бывших спичрайтеров Б.Ельцина и в то же время — профессиональный историк, специалист по истории Югославии. В годы боснийской войны он многократно бывал в Югославии и Республике Сербской, принимал непосредственное участие в разработке альтернативной позиции российского руководства в югославском урегулировании. Ситуация, в которой находился автор, предопределила и жанр книги. Он несколько необычный. Его можно назвать и мемуарным, и научно-историческим, и источниковедческим.

ISBN 5-8122-0113-7

ББК 66.4(2 Рос)

© К.В.Никифоров, 1999

© Институт славяноведения РАН, 1999

И вот еще чего не забудьте, думая о Сербии: в Сербии нас любят — горячей, искренней, почти нежной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни был, проехаться сейчас по ее окровавленным полям и городам... и вам покажется, что вы владетельный князь, пророк, сам ангел Божий — такую любовью и почтением окружают вас эти измученные люди!.. Нас так мало любят вообще и так мало уважают... И тем более должны мы дорожить этой нежной и доверчивой любовью: в ней залог не только сербского, но и нашего возрождения...

Леонид Андреев

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью»...
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Федор Тютчев

От автора

Шесть лет — с 1992 по 1998 год — проработал автор этой книги в Кремле, в группе спичрайтеров Б.Ельцина(1). Это был тяжелый труд на износ, на пределе сил. Это было время, полное надежд и разочарований. К сожалению, наши мечты не сбылись. Трудные времена для России продолжают, и конца-края этому не видно. Однако несравнимо более сложными, трагически отчаянными оказались эти годы для Югославии. Развал государства сопровождался здесь межнациональными гражданскими войнами в Хорватии и Боснии, огромными материальными и человеческими жертвами.

Как историка, отдавшего изучению Югославии почти 20 лет жизни, меня, конечно, не могли оставить равнодушным собы-

тия на Балканах. Более того, выходя за рамки должностных обязанностей, я по мере сил пытался что-то сделать, повлиять хоть в чем-то на российскую политику в этом регионе. Югославская проблематика стала для меня во время пребывания в Кремле дополнительной добровольной «обузой». Ею приходилось заниматься урывками между никогда не кончающимися спичрайтерскими обязанностями или по ночам.

Но главная трудность была даже не в этом. Остро не хватало профессионального общения, дискуссий со специалистами. Через Кремль проходила верхушка информационного айсберга, другая информация отсутствовала. Ее удавалось черпать главным образом из открытой российской периодики и из сообщений телеграфных агентств. Особым источником информации стали мои поездки в Сербию, а оттуда — в охваченную войной Боснию. Так и ездил я много раз: прямо из Кремля — транзитом через Белград — в военную столицу боснийских сербов маленький городок Пале.

Ездить приходилось самочинно, в основном по собственной инициативе, за счет своего отпуска, отгулов, за счет весьма скромного семейного бюджета, часто не превышавшего стоимости билетов на самолет. Но это дало возможность быть очевидцем многих событий, встречаться с руководителями Югославии, общаться с глазу на глаз практически со всеми лидерами боснийских сербов. Эти встречи представляли собой не только личный интерес. С тех пор прошло уже несколько лет. Настала пора поделиться с читателем увиденным и обдуманым. Надеюсь, это будет полезно всем, кто анализирует югославские события, принимает необходимые решения, кого интересует история Балкан, российская действительность, современные международные отношения.

В книге «Между Кремлем и Республикой Сербской» подробно рассматриваются всего два года, которые предшествовали Дейтонским соглашениям. Но именно эти два года были решающими и для самого югославского кризиса, и для политики России на Балканах. Жанр книги — несколько необычный. Его продиктовала уникальность самой ситуации — я смотрел на югославские события и как историк, и как их непосредственный участник. Во многом это и источниковедческий труд. Я намеренно отказался от мысли пересказать все своими словами и обильно цитирую сохранившиеся у меня рабочие материалы, чернови-

ки, наброски, записи из блокнота, сделанные иногда даже с телеэкрана, открытые документы, показываю, как и в какой обстановке они создавались. Перед тем, как уйти из Кремля, я еще раз просмотрел доступный мне архив, сделал необходимые выписки. К сожалению, по понятным причинам я не мог пользоваться документами закрытого характера. Но общую картину политико-дипломатической борьбы, происходившей вокруг боснийского урегулирования, они не меняют.

Материалы моего личного рабочего архива могут иногда в каких-то нюансах отличаться от окончательных вариантов документов. Тем не менее, эти материалы имеют большую ценность. Сделать их достоянием гласности и исторической науки — мой долг. Вокруг югославского кризиса существует слишком много домыслов и спекуляций. Только публикация документов способна их развеять, показать действительную картину происходившего. Мы все умны задним числом, но цитирование подлинных материалов предохраняет автора от соблазна что-то переделать, переписать. Они показывают, не как мы думаем сегодня, а как мы думали в момент принятия решений, когда многое было неясно, когда испытывали лимит во времени и ограничения политического свойства. Ведь писать приходилось так, чтобы наши соображения и предложения были, по возможности, приняты. Да, и влиятельных оппонентов нельзя было сбрасывать со счетов.

Югославский кризис и его важнейшая боснийская составляющая привлекли и еще долго будут привлекать к себе пристальное внимание во всем мире. Много работ было опубликовано по горячим следам. В основном это были сообщения журналистов с места событий. К сожалению, большинство корреспондентов западных СМИ приняли активное участие в развернувшейся против сербов «информационной войне»(2). Им вторили и первые исследователи. Но уже публикуются некоторые документы(3), выходят книги воспоминаний, дается первичный анализ случившегося, защищаются первые диссертации(4). Более глубокий анализ еще впереди. В этой связи необходимо отметить продуктивную деятельность Центра по изучению современного балканского кризиса при Институте славяноведения РАН.

Работы, посвященные боснийской войне, будут множиться. Слишком много важного для судеб всего мира оказалось скон-

центрированным в Боснии. Тем более, что и сам югославский кризис еще продолжается и, к сожалению, скорее всего будет продолжаться долго. С одной стороны, мир в Боснии — хрупок и держится только на иностранной военной силе. С другой — давление на сербов со стороны США и Запада в целом не уменьшается. Самый последний и яркий тому пример — 78-дневная агрессия НАТО против Югославии. Косовские события во многом повторили боснийские. Они могут повториться где-нибудь вновь. Так что книга «Между Кремлем и Республикой Сербской» — не только история, но и современность, а, возможно, и будущая политика.

Югославские события имели большой резонанс в России, и не будет преувеличением сказать, что российское общественное мнение сумело сыграть в югославоурегулировании особую, самостоятельную роль. И если за официальную Россию часто бывало стыдно, то ее честь, особенно по мере развития кризиса, спасали простые люди. Они действовали без какой-либо специально организованной пропагандистской кампании, а часто даже вопреки усилиям средств массовой информации, они поднимали свой голос прежде всего против несправедливости, по бескорыстному порыву отзывчивой на чужую боль души. Книга с искренней благодарностью адресована всем этим людям.

Конечно, один в поле — не воин. Моим усилиям на югославском направлении сочувствовали товарищи по работе, посильно помогали многие российские и сербские политики, специалисты из разных организаций, архивисты, русские и сербские друзья. Всем им я глубоко признателен. Без них никогда не было бы ни этой книги, ни того дела, о котором она повествует.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Ильин А., Кадацкий В., Никифоров К., Пихоя Л. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России. М., 1999.

2. Американский журналист П.Брок обработал 1500 статей из газет и журналов, вышедших на Западе в 1992 г. и пришел к выводу, что «соотношение публикаций против сербов и в их пользу составляет 40:1». Цит по: Гуськова Е. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1998. С. 7.

3. См., например: Югославия в огне. Документы, факты комментарии (1990-1992). Современная история Югославии в до-

кументах. Т. 1. М., 1992; Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993). Современная история Югославии в документах. Т. 2. М., 1993; Гуськова Е. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995 гг.). М., 1998.

4. См., например: Мартынова М. Этнические аспекты современного балканского кризиса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1996; Пономарева Е. Распад югославской модели федерализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1995; Клименко З. Кризис и распад югославской федерации. 1990-1996 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1999.

Введение

Истоки национально-религиозного размежевания и войны на территории бывшей Югославии во многом следует искать в истории. Не случайно именно на историю, на так называемое историческое право ссылались и все стороны конфликта. Именно в этой сфере находили они оправдание своим действиям и обоснование своих целей.

И хотя историческое право мало что решает, надо все же сказать, что здесь у сербской стороны позиции были более прочные. Хорватия (исключая ранее средневековье) никогда не была независимым государством. Босния и Герцеговина — вообще понятие скорее географическое, нежели политическое. И, если уж говорить о существовании каких-либо государственных образований, включавших боснийские и герцеговинские территории, то в основном — о сербских.

Сербские племена заселили центральную часть Балканского полуострова в VII в. Скоро у них появились первые княжества, в том числе в Травунии и Хуме (ныне Герцеговина) и в Боснии. В середине X в. часть территории Боснии и Герцеговины входила в первое крупное объединение сербских земель. Еще через 100 лет сложилось второе государственное объединение сербов — Зетская держава (Зета — современная Черногория).

После распада этой державы боснийские земли развивались отдельно, но не изолированно от сербских. Высшего расцвета Боснийское государство достигло во второй половине XIV в. при Твртко I. Оно включало Хум, Травунию и южную Далмацию. Твртко I принял в Сербии у гроба архиепископа Савы в монастыре Милешево титул сербского короля, а его войска участвовали в битве объединенных сербских сил против турок на Косовом поле (1389 г.). Захватив Сербию, Турция начала наступать и на Боснию, которая была окончательно завоевана в 1463 г.

Босния и Герцеговина занимали особое место в Османской империи. Это были самые отдаленные от центра, пограничные провинции. В силу этого турки держали здесь значительные воен-

ные силы и для создания внутренней опоры проводили активную политику исламизации. По мнению ряда специалистов, исламизации способствовало и распространение в средневековой Боснии богомильской ереси. И будто бы именно богомилы оказались наименее стойкими в вопросах сохранения своей веры. Другие исследователи подчеркивали, что процесс исламизации прежде всего православного населения активно проходил в XVIII в., продолжался в XIX в., а случаи обращения в ислам встречались вплоть до 1912 г.

Освободительная борьба сербов против турецкого ига привела в первой трети XIX в. к созданию автономного Сербского княжества. Тогда же и позже возникали планы объединения всех югославянских («югославизм») или сербских («великосербизм») земель, находившихся под властью как Турции, так и Австрии. Особенное распространение югославизм, в том числе и в Хорватии, получил в период, предшествовавший революциям 1848–1849 годов.

Во многом поворотным моментом для судьбы сербского народа стал Восточный кризис 1875-1878 годов, начало которому положило крестьянское восстание в Боснии и Герцеговине. При этом повстанцы выступали за объединение Боснии и Сербии. Кризис завершился русско-турецкой войной, принесшей Сербскому княжеству полную независимость.

В предварительном мирном договоре в Сан-Стефано Россия зафиксировала также предоставление автономии Боснии и Герцеговине. Однако под нажимом других великих держав в Берлине договор был пересмотрен. Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию этого края, который формально продолжал оставаться под юрисдикцией Турции. В отличие от своих собратьев в Сербии, получивших независимость, боснийские сербы, таким образом, лишь поменяли турецкого «хозяина» на австрийского.

Австрийские оккупационные власти стали проводить в Боснии политику предоставления льгот и преимуществ католической церкви и хорватскому населению. При посредничестве хорватских клерикальных кругов и воспользовавшись младотурецкой революцией, Австро-Венгрия в 1908 г. объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. В следующем году за небольшую плату аннексию была вынуждена признать Турция.

Победы сербской армии в Балканских войнах вызвали у боснийских сербов, которые составляли тогда большинство в оккупированной провинции, надежды на скорое освобождение. Несмотря на преследования властей, активизировались различные молодежные организации. Член одной из таких организаций Г.Принцип застрелил в Сараево наследника австрийского престола Франца-Фердинанда, что, как известно, послужило поводом к первой мировой войне.

Следующий судьбоносный перелом в истории Боснии и Герцеговины произошел в 1918 г. Поражение в первой мировой войне привело к распаду Австро-Венгрии. На короткое время на ее югославянских землях было образовано Государство словенцев, хорватов и сербов. Именно это государственное образование, в котором западные — боснийские и хорватские — сербы были самостоятельно представлены наравне с другими народами, объединилось затем с Сербией и Черногорией в единую державу. Сербское правительство во главе с Н.Пашичем в эйфории победы пошло на то, чтобы объединение сербских земель произошло не в великосербском (всесербском), а в югославянском варианте.

Таким образом, можно сказать, что до 1848 г. были определенные надежды на прочное южнославянское объединение, на складывание своего рода южнославянской нации. (Вместо Словении в орбите объединительного процесса была тогда Болгария). Ничего уникального в этом не было. Подобные процессы происходили в то время в Германии и Италии. После же 1848 г. и особенно Берлинского конгресса 1878 г. этот исторический шанс был упущен. Объединение югославян задержалось на 70 лет и произошло уже на этапе сложившихся наций. Передача Боснии под власть Австро-Венгрии во многом предопределила печальную участь этого края совсем в другое время, через 100 с небольшим лет.

Королевство Югославия, в котором сербы занимали доминирующее положение, так и не стало устойчивым, прочным государством. Казалось, его руководство перепробовало все варианты региональной политики — от унитаризма до выделения хорватских земель в особую автономию (бановину) с исполнительной властью (возглавляемой баном) и законодательным органом (сабором). Все было тщетно. Сербско-хорватские отношения ос-

тавались крайне напряженными, растаскивали страну, в середине которой была Босния, в разные стороны, грозили ее потенциальным распадом.

Однако не внутренние причины оказались решающими. «Первая» Югославия была насильственно разрушена в 1941 г в результате военной агрессии и разделена затем между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. Тогда же гитлеровской Германией на территориях Хорватии, Боснии и Герцеговины и частично Сербии было создано марионеточное «Независимое государство Хорватия». До 1945 г. в Югославии тесно переплелись две войны — освободительная и гражданская. Главным театром военных действий вновь стала Босния. В ее горах находились основные силы и партизан И. Броз-Тито, и сторонников королевской власти — сербских четников Д. Михайловича. Там же активно действовали хорватские фашисты — усташаи.

Их цель — «одну треть сербов выслать, одну треть заставить принять католическую веру и одну треть уничтожить» и их кровавые злодеяния хорошо известны. От рук усташей в годы второй мировой войны погибло около 800 тыс. (по другим подсчетам — еще больше) сербов. Огромная цифра для небольшого народа. В его исторической памяти этот геноцид не может быть забыт, тем более, что во «второй», «титовской» Югославии фактически никто за него так и не был осужден. Считалось, что это может повредить официально провозглашенному курсу на укрепление «братства и единства» югославских народов. И именно вторая мировая война в значительной степени привела к тому, что сербы перестали быть в Боснии самым многочисленным этносом.

После 1945 г. начался новый этап в совместной истории югославян — этап федеративного государства. Федерация создавалась по советскому «образу и подобию». Это значит, что были повторены и многие ее пороки — произвольное создание новых наций и произвольное определение границ, дробление единых исторических и национальных организмов. При этом курс был взят на ослабление позиций сербов по принципу: «слабая Сербия — сильная Югославия». Так, треть сербов оказалась вне Республики Сербии — в основном в Боснии и Герцеговине и в Хорватии. Причем в последнюю, кроме собственно Хорватии и Славонии вошли Далмация (объединилась с другими хорватскими

территориями в 1918 г.) и Истрия (объединилась — в 1945 г.). Далее, только в Сербии были образованы две автономии (Воеводина и Косово) и отдельно от нее создана Республика Черногория, жители которой весь предыдущий период считали себя сербами.

Босния и Герцеговина повторила свою незавидную судьбу. Эта была единственная республика, созданная не по национальному, а по историко-географическому принципу. В ней оказалось три народа: сербы, хорваты и мусульмане (по самоназванию принявших ислам славян, главным образом сербов). Мусульманское население Боснии и Герцеговины не только было провозглашено отдельной нацией, но и стало претендовать на доминирующие позиции в этой республике. Конечно, это не могло не породить скрытой напряженности. Сербы (как и большинство жителей Балкан) — народ «исторический». Они не забыли почти 500-летнее невыносимое турецкое иго. А боснийские мусульмане все еще часто воспринимаются в сербском самосознании как «турки».

Да и сами боснийские мусульмане по мере развития своего самосознания стали выдумывать себе неславянские или по крайней мере отдельные от сербов и хорватов корни. В последнее время мусульмане все чаще стали называть себя бошняками, босанцами или боснийцами. Эти названия подхватили и за рубежом. Но они, как и прежнее название, не совсем удачные. Как будто живущие в Боснии сербы и хорваты уже боснийцами, то есть жителями этого края, не являются. И наоборот, трудно назвать боснийцами мусульман, проживающих в сербском Санджаке (Рашке), хотя этнически они практически не отличаются от мусульман Боснии.

Кстати, попытки создания «боснийской нации» из мусульман (например, как наследников особой богомильской традиции) уже происходили во время австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины. Тогда была даже напечатана «Грамматика боснийского языка», якобы в чем-то отличающегося от сербскохорватского. После начала современного югославского кризиса на территории боснийских мусульман вновь начали спешно создавать «собственный язык», менять некоторые слова, например сербскохорватское приветствие «здраво» на арабское — «мерхаба».

В «федерализм» советского образца югославское руководство внесло и немало самобытного. Это было связано с теорией и

практикой так называемого «самоуправления», родившегося из нового прочтения марксистской классики руководителями Югославии И.Броз-Тито, Б.Кидричем, Э.Карделем и другими. Главный теоретический вывод, который они сделали, заключался в том, что государство должно начать отмирать не при коммунизме, а сразу после «революционной фазы социалистической революции». Сначала — в экономике, потом и в других сферах, в том числе и в сфере межнациональных отношений.

В политической системе югославский эксперимент свелся к своего рода «подкраске фасада». При всех нововведениях режим оставался по сути авторитарным и коммунистическим. При проведении различных экономических преобразований (в частности, направленных на либерализацию хозяйственной деятельности) были заметные положительные сдвиги. Тенденция же децентрализации государства, замены федеративного устройства на конфедеративное, которая последовательно развивалась по наступательной линии, принесла одни разочарования.

По Конституции 1974 г. автономные края в Сербии получили фактически права республик, а сами югославские республики связывали уже по существу конфедеративные отношения. После этого Югославия все больше представляла собой формальное объединение национальных образований. Причем борьба с этатизмом, то есть засильем государства, спустившись с общесоюзного уровня, так и застопорилась на уровне республиканском. Это привело к разрушению общегославского рынка, замыканию республик в своих границах и формированию мощных национальных элит.

На этапе идейного краха коммунизма и изменения политического режима эти республиканские элиты не смогли трансформироваться в демократические. Не помог даже относительно высокий уровень жизни. Одновременно образовавшийся после распада Союза коммунистов Югославии вакуум не мог быть заполнен общегославскими государственными структурами.

Приходится признать, что в сфере национальных отношений и региональной политики югославское руководство соединило все пороки как советской модели, так и своих собственных теоретических построений.

Глава I

Начало и развитие югославского кризиса

Устойчивость и жизнеспособность Югославии зависела прежде всего от отношений, которые складывались между Сербией, Хорватией (11% всего населения сербы) и находящейся между ними Боснией и Герцеговиной (32% — сербы, 17% — хорваты, 44% — мусульмане). Именно по этой оси и началось основное противостояние, связанное с приходом к власти в республиках в результате всеобщих альтернативных выборов националистических лидеров, провозглашением республиками независимости и развалом Югославии, который обернулся затяжными военными действиями(1).

Разрушение Югославии объективно (и субъективно) было направлено против сербов — самого многочисленного народа этой страны, жившего в пяти из шести ее бывших республиках. Исключение составляла только Словения. Если другие народы бывшей Югославии образовывали свои национальные государства, то сербы оказывались разделенными на той территории, где они проживали в течение веков. Сербский вопрос стал в югославском урегулировании ключевым, от его решения зависело разрешение всего кризиса.

Межнациональное противостояние в Югославии состояло вначале из попыток федеральной армии не допустить распада государства. Затем это противоборство обернулось поочередно двумя тесно связанными, но все-таки отдельными межэтническими гражданскими войнами — хорватской (1991–1995 гг.) и боснийской (1992–1995 гг.), когда сербы в Хорватии и Боснии взяли за оружие, чтобы отстоять свое существование в новых условиях, не допустить нового геноцида своего народа. Боевые действия в хорватской войне велись между хорватами и крайними сербами, а в боснийской — между боснийскими сербами и мусульманами, хорватами и мусульманами, боснийскими сербами и хорватами (в меньшей степени) и даже между различными группировками мусульман в Боснии и Герцеговине. Все сто-

роны, как это обычно и бывает в гражданской войне, отличались крайней жестокостью.

Сама Сербия не имела четкого плана действий. Была только цель — сохранение если не всей Югославии, то, по крайней мере, тех территорий в Хорватии и Боснии, на которых компактно проживали сербы. Но не было ясности, как идти к этой цели. Отсюда — постоянные шараханья из стороны в сторону, непоследовательность, взаимоисключающие решения.

В центре событий всего югославского кризиса и главным театром военных действий стала Босния — это, как мы показывали, вечное «яблоко раздора» между сербами и хорватами, отягощенное вдобавок усилившимся мусульманским фактором. Условно боснийскую войну можно разделить на два периода — до и после 1994 г. Именно на рубеже 93-го и 94-го годов произошел перелом. Изменились как характер боевых действий, так и степень вмешательства в вооруженный конфликт других государств. В частности, более активно стала подключаться к поискам путей мирного урегулирования Россия.

К 1994 г. в основном закончился период крупномасштабных военных действий. Как известно, боснийские сербы довольно успешно решили свои проблемы. Они еще 9 января 1992 г. создали свое государственное образование — Республику Сербскую (первое название — Сербская республика Боснии и Герцеговины) и контролировали около 70% территории, связанной на севере Боснии через узкий Посавинский коридор (в районе города Брчко — 5 км). Расширение и укрепление этого коридора являлось по сути последней крупной задачей, которую еще предстояло решить.

Хорватия, участвуя в боснийской войне, была заинтересована прежде всего в присоединении населенной хорватами части Герцеговины, где было также провозглашено создание гособразования Герцег-Босны (июль 1992 г.), и в разъединении сил боснийских и краинских сербов путем захвата западнобоснийских земель. Только таким способом можно было улучшить уязвимую во всех отношениях дугообразную конфигурацию хорватских земель. Боснийские хорваты не были самостоятельной силой в конфликте и всецело зависели от политики Хорватии. В целом хорватская община сохранила свои довоенные позиции и территории в Боснии и Герцеговине.

Больше всех возникшим территориальным размежеванием были недовольны боснийские мусульмане, пытавшиеся добиться унитарного государства и создать исламский режим, охватывающий всю Боснию. И если формально доминирование мусульман в Боснии соблюдалось (международное сообщество в качестве центральных боснийских органов власти признавало созданные мусульманами властные институты), то фактически реальность была далека от этого. После периода крупномасштабных военных действий боснийские мусульмане контролировали лишь 1/5 территории Боснии. Кроме того, в районе городов Велика-Кладуша, Цазин и Бихач образовалась не подчинявшаяся Сараево автономия западнобоснийских мусульман — так называемая «Западная Босния» или «Цазинская краина».

Целью центрального мусульманского правительства было распространить контроль на всю Боснию, в частности захватить территории, контролируемые сербами вдоль реки Дрина. Это должно было обеспечить им создание так называемого «зеленого коридора» — сухопутной связи от Сараево через удерживаемые на востоке анклавов до населенного преимущественно мусульманами Санджака (Рашки) и албанцами Косово в Югославии, а также до албанского населения западных областей Македонии. По искомому коридору боснийским мусульманам открывался бы выход в исламский мир через Албанию. В целом главные надежды мусульманская община возлагала на помощь извне — от исламских и западных стран. Расчет строился на внешнюю военную интервенцию.

Таким образом, планы противоборствующих сторон были более или менее ясны. Фактически сербы пытались вернуться к нереализованному в 1918 г. варианту великосербского (всесербского), а не югославянского объединения. Точно также хорваты стремились осуществить великохорватский вариант разрыва с югославским прошлым — второй раз за свою историю, если считать короткий период существования Независимого государства Хорватии. В отношении раздела Боснии планы сербов и хорватов объективно совпадали. Это порождало многочисленные слухи о существовании тайной договоренности между президентами Сербии С. Милошевичем и Хорватии Ф. Туджманом. Публиковался даже примерный план раздела Боснии между двумя этими государствами, который хорватский президент набросал якобы при встрече со своим сербским визави в ресторане на бан-

кетном меню. И, наконец, мусульмане А.Изетбеговича, настаивая на единой и унитарной Боснии и Герцеговине, пытались осуществить «великомусульманский», охватывающий всю страну, вариант устройства своей общины.

В целом в югославском кризисе вновь обозначилось неразрешимое противоречие между двумя основополагающими принципами современных международных отношений: правом нации на самоопределение и нерушимостью границ. Казалось, что после Заключительного акта конференции в Хельсинки, это противоречие, по крайней мере по отношению к Европе, было разрешено. Однако после объединения Германии, распада СССР, развала Югославии, разделения Чехословакии оно вновь появилось на повестке дня. Причем, что было самым опасным, в зависимости от собственных интересов приоритет западными державами отдавался то одному принципу, то другому.

Проявилось и второе противоречие — между соблюдением прав человека и суверенитетом государства. В международном праве этот вопрос был лишь поставлен, но уже явочным путем отдельные страны во главе с США присвоили себе право трактовать положение с правами человека во всем мире. При этом часто не учитывались исторические условия и культурные традиции других стран, еще чаще — не соблюдался принцип равного, одинакового к ним отношения. Нарушение прав человека стало рассматриваться избирательно, прежде всего как повод для вмешательства во внутренние суверенных государств и даже как повод для применения силы, для «гуманитарной интервенции». Такой интервенционизм стал самостоятельным источником международных осложнений(2).

Важно подчеркнуть, что в начальный период югославского кризиса сербами была одержана лишь военная, но никак не политическая победа. Более того, ими была полностью проиграна информационная война, а это в конце XX века стало иметь огромное и чуть ли не решающее значение. Во всем мире журналисты настойчиво формировали образы сербских варваров и коммунистов, хорватских демократов и мусульманских жертв. Как по мановению невидимой дирижерской палочки, западные комментаторы начинали то одну, то другую пропагандистскую кампанию по дискредитации сербов. Другой частью информационной политики Запада было всемерное раздувание угрозы большой войны в Европе. Все это готовило почву для возможно-

го военного вмешательства. Хотя стоит сказать, что конфликт был локализован территорией Балкан, а при отсутствии вмешательства извне — исключительно пространством бывшей Югославии. Объективная информация отсутствовала почти полностью. По справедливому признанию С. Пархоменко, «ситуация свидетельствовала о поражении, которое потерпело здесь интернациональное журналистское сообщество»(3).

О российской прессе надо сказать особо. На начальном этапе югославского кризиса она бездумно пересказывала западные публикации и сводки мировых телеграфных агентств. В какой-то степени российских журналистов оправдывала почти полная неосведомленность о сути происходившего. Но уже тогда, с самого начала конфликта, появилась и группа аналитиков, которая сознательно заняла ярко выраженную анти-сербскую позицию.

Среди этих аналитиков образовалось даже два своеобразных крыла. Первое — представляло собой «донкихотствующих специалистов по балканской истории», которые, забыв про российские интересы, стали отождествлять себя со страной изучения (прежде всего Хорватией) и повели борьбу с явно вымышленными образами(4). Часто эти аналитики выступали апологетами Австро-Венгрии, а появление Югославии считали нелепой исторической случайностью. Отсюда следовал естественный вывод о том, что распад Югославии — благо для населявших ее народов и для всего мира.

Другое крыло было представлено «национал-нигилистами», которые, ретранслируя западные взгляды, присвоили себе право быть главными экспертами по ряду вопросов, не обременяя себя их доскональным изучением. Чаще всего они выступали как «лицо заинтересованное», поскольку регулярно «подкармливались Западом»(5). Эти «национал-нигилисты» в основном группировались в нескольких центральных газетах, находившихся на западнических, либеральных позициях.

Впрочем, обозначенное нами деление было весьма условным. Оба этих течения часто переплетались. Все эти аналитики усиленно, почти одними и теми же словами пропагандировали тезис о том, что особые, проверенные в веках отношения между русскими и сербами это — ни что иное, как миф или стереотип; что суть сербской политики — использование России для обслуживания своих интересов; что сербы повернутся на Запад, как

только добьются своих целей. Муслимовался, в частности, тезис о том, что сербы уже один раз вызвали мировую войну, от которой именно Россия больше всех пострадала. (Хотя злополучный выстрел Г.Принципа был лишь поводом. Если бы его не было, нашли бы любой другой. — К.Н.). С удовольствием вспоминался и конфликт между И.Броз-Тито и И.Сталиным в 1948 г. как якобы отражавший глубинные противоречия между двумя народами. Даже стилистика у этих аналитиков была схожей — «о братьях-сербах» хорошим тоном считалось говорить исключительно иронически. В целом стараниями представителей обоих течений для Запада очень долго создавалась во многом обманчивая картина российского общественного мнения.

Постоянное и не только информационное вмешательство в югославский кризис других государств стало его важной составляющей и характерной особенностью. Да и вызван он был не только внутренними, но и внешними причинами. Боевые действия, по более поздним заключениям самих западных политиков и экспертов, были во многом спровоцированы поспешным, нарушавшим конституцию Югославии признанием мировым сообществом независимости в пределах административных, внутренних границ Хорватии и затем Боснии и Герцеговины. Во втором случае это было еще и грубым нарушением конституции БиГ, запрещавшей менять статус республики без согласия всех трех национальных общин.

На начальном этапе кризиса активную роль в нем пытались играть Европейское Сообщество / ЕС (с 1992 г. — Европейский Союз) во главе с явно симпатизировавшей хорватам Германией и в меньшей степени Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе / СБСЕ (с 1995 г. — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе / ОБСЕ), где активную позицию занимала Австрия. ЕС совместно с ООН организовало переговоры между конфликтующими сторонами. Они проводились в рамках Международной (Женевской) конференции по бывшей Югославии (МКБЮ). Любопытно признание первого посредника в югоурегулировании от Европейского Сообщества лорда П.Каррингтона: «Я согласился на роль, предложенную мне 12 странами, на некоторых условиях. Одно из этих условий предполагало, что не будет международного признания той или другой из шести югославских республик до тех пор, пока они не скрепят свои различия глобальным соглашением»(6).

В рамках МКБЮ было создано шесть рабочих групп, а также специальная Арбитражная комиссия под руководством французского специалиста по конституционному праву Р.Бадинтера. Изучив ситуацию, Арбитражная комиссия рекомендовала не признавать словенской и хорватской независимости. Она подчеркнула, что самоопределение не означает выхода из Югославии и должно рассматриваться в качестве принципа, исходящего из защиты индивидуальных прав человека.

Однако произошло иначе. Ситуацию взорвала Германия. Она фактически отказалась от соблюдения принципа нерушимости границ в послевоенной Европе и оказала решающее давление на ЕС с целью признания независимости Словении и Хорватии. Буквально за одну ночь позиции стран ЕС кардинальным образом поменялись. Вечером оно было 9:3 против признания, а наутро уже 9:3 — за признание(7). Не случайно в Хорватии в то время самым популярным шлягером стала песня «Спасибо, Германия».

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении Боснии и Герцеговины. В феврале 1992 г. на конференции под патронажем Европейского Сообщества в Лиссабоне все три боснийские общины согласились на принципы конституционного устройства и предварительную карту раздела Боснии на три национально-государственных образования. Этот документ, направленный на преобразование Боснии в своего рода конфедерацию, известен как «план Кутильеро» — по имени принимавшего участие в его разработке португальского дипломата. И вдруг последовало внезапное признание Боснии странами ЕС. Это перечеркнуло все планы. Мусульмане покинули конференцию, и война стала неизбежной. По свидетельству очевидцев, непримиримость мусульманского руководства была также во многом спровоцирована американским послом в Югославии У.Циммерманом(8).

Понятно, что вместо односторонних действий всегда предпочтительнее другой путь: вначале решение всех спорных внутренних вопросов, уточнение границ, определение статуса автономий, проведение плебисцитов, обменов территориями или населением и т.п. Это может происходить под международным контролем и, возможно, даже при жестком стимулировании поиска договоренностей. И лишь затем, при условии соблюдения и ряда других условий (о которых можно спорить, но которые следовало бы узаконить в международной практике) — признание. Та-

кая процедура, во-первых, остудит сепаратизм, а во-вторых — хорошая профилактика военных конфликтов. Предварительного решения политических, экономических и территориальных и других проблем перед признанием требуют нормы международного права, в частности, Заключительный акт Хельсинской конференции(9).

Раздел без договоренностей, как правило, означает войну. Это понимали все — и желающие приобрести независимость югославские республики, и западные державы. Но все же и те, и другие выбрали именно этот путь. К отягощенной старыми обидами исторической памяти югославских народов и национальным перекосам, которые были порождены советским и югославским экспериментами, добавились крах коммунизма и вмешательство мирового сообщества.

Нельзя не сказать и о том, что явное покровительство отдельным участникам конфликта в ущерб другим продолжалось и после признания югославских республик независимыми государствами. Не случайно именно в связи с югославским кризисом вновь получил широкое хождение термин “двойные стандарты”. Их главным проявлением стало применение против сербов экономических санкций — инструмента, ставшего в наше время едва ли не самой распространенной “дубинкой” Запада. Анти-сербские санкции были введены 30 мая 1992 г. (резолюция СБ ООН № 757) без всяких временных ограничений и затем только ужесточались — в том же 1992 г. (резолюция № 787) и в 1993 г. (резолюция № 820). Попутно заметим, что в настоящее время действует до 60 видов эмбарго, санкций и блокад, которые США ввели против различных стран мира. Однако антисербские санкции, по мнению многих специалистов, были, наверное, самыми жестокими за всю историю.

Было приостановлено членство Югославии в ООН, хотя она и была одним из соучредителей всемирной организации, в СБСЕ, в других международных организациях. Остальные, отколовшиеся от Югославии республики, в том числе Босния и Герцеговина, были в ООН и другие международные организации приняты. Чуть позже, в мае 1993 г., в Гааге был создан Международный трибунал по расследованию преступлений, совершенных в бывшей Югославии (МТБЮ), также возбуждавший уголовные дела преимущественно против сербов.

Еще в сентябре 1991 г. Совет безопасности ввел эмбарго на поставки оружия и военного снаряжения в бывшую Югославию, которое затем распространилось и на выделившиеся из нее новые государства. После заключения соглашения о прекращении огня между хорватским военным руководством и командованием югославской народной армии в марте 1992 г. в Хорватию был введен 14-тысячный контингент миротворческих сил ООН по охране (сокращенно СООНО или по-английски — UNPROFOR). Ввод миротворческих сил ООН и размещение их в буферных зонах, отделявших сербонаселенные районы от остальной Хорватии, не давали хорватской войне возобновиться вплоть до мая 1995 г.

Иначе обстояло дело в Боснии, которая не входила первоначально в мандат СООНО. Туда было послано лишь 100 военных наблюдателей. Затем миротворцы стали помогать в осуществлении поставок гуманитарной помощи и постепенно оказались втянутыми в войну. Они оказались брошенными не в места разъединения противоборствовавших сторон, а в самое пекло гражданской войны в никогда не существовавшем государстве, где все воевали со всеми. Их ввод был осуществлен фактически без обязательного в таких случаях согласия всех сторон конфликта. Был нарушен и такой принцип направления миротворческих сил, как «абсолютное, полное и стабильное прекращение огня»(10). И уже тогда началось скрытое подыгрывание миротворческих сил и действовавших в Боснии различных международных организаций противникам сербов. На глазах всего мирового сообщества миротворчество неумолимо превращалось в средство достижения узкоэгоистических интересов участвовавших в нем стран.

В состав миротворческих сил входили военнослужащие из разных государств. Самый большой контингент был французский. Американцев не было, и они наотрез отказывались посылать в Боснию сухопутные войска. Дестабилизирующим фактором стало и более позднее разрешение на участие в миротворческой операции ООН в Боснии турок. Этим игнорировался принцип ООН, запрещающий участие в миротворчестве бывших оккупантов и соседних государств. Сербь неожиданно осознали, что турецкое иго принадлежит не только истории, а турецкие газеты восторженно писали о том, что впервые с османских времен турецкие войска вступили на территорию Балкан. Со-

став миротворческих сил ООН все время увеличивался и в 1994 г. достиг уже в общей сложности более 35 тыс. человек.

Кроме того, под защитой миротворческих сил ООН на территориях, окруженных армией боснийских сербов, было создано шесть так называемых “зон безопасности” (центральная часть Сараево, Тузла, Бихач, Жепа, Сребреница и Горажде). В этих городах сохранялась мусульманская администрация, а сербское население фактически находилось в положении заложников. Следует отметить, что мусульмане не выполнили требование Совета Безопасности ООН о демилитаризации этих зон, а превратили их в районы накопления, вооружения и обучения своих вооруженных сил. Вопреки названию, “зоны безопасности” были постоянным очагом напряженности. Забегая вперед, можно сказать, что почти все последовавшие в боснийской войне наступательные операции мусульман были совершены как раз из этих «зон безопасности».

Наличие мусульманских городских анклавов, окруженных сербскими сельскими районами, объяснялось историческими причинами. Сотни лет турецкие власти не разрешали сербам проживать в городах. С другой стороны, именно поэтому крестьянское сербское население всегда владело большими землями, чем мусульмане. Так, по разным подсчетам, до боснийской войны у сербов было во владении около 64% территории Боснии и Герцеговины.

Постепенно конфликт стал привлекать к себе все более пристальное внимание и военного блока НАТО. В октябре 1992 г. его ВВС начали операцию по наблюдению и контролю над соблюдением режима запретов на полеты над Боснией. С июня 1993 г. началась совместная операция Североатлантического альянса и Западноевропейского союза (ЗЕС) по принудительному выполнению режима санкций и военного эмбарго. Для этого в Адриатическом море было сконцентрировано беспрецедентное за период после второй мировой войны количество военных кораблей — более 20. Все это делалось по решению Совета Безопасности ООН, и со всеми этими резолюциями соглашалась Россия.

Таким образом, с самого начала произошла интернационализация конфликта. И это имело решающее значение для всех последующих событий.

Начиная с 1993 г. и особенно с его второй половины, усилия западных держав в югославском кризисе возглавили США, ко-

торые вначале «проспали» конфликт, а затем принялись наверстывать упущенное и заявили о наличии у них стратегических интересов на Балканах. Бросалась в глаза откровенно промусульманская и антисербская позиция этого государства. Кроме того, с самого начала американцы были настроены гораздо более агрессивно, чем европейцы. При разрешении конфликта они открыто делали ставку на силу и лишь потом на дипломатию. Впрочем, разделить эти два понятия было трудно. Милитаризация американской внешней политики стала свершившимся фактом. Американцы еще в более ранний период перестали, по сути, делать разницу между дипломатией и военной силой. Другими словами, военная сила перестала быть альтернативой дипломатии, а стала ее неотъемлемой частью. Американская политика стала исходить из того, что ни одна дипломатическая инициатива не может быть выдвинута без прочной опоры на военную угрозу.

Целью США в Боснии было не допустить полной самостоятельности европейцев и возвращения на Балканы России, а также установить стратегическое партнерство с исламскими странами, которое было поколеблено «Бурей в пустыне». Вскоре проявилась и более общая цель США: на примере бывшей Югославии подтвердить свое лидерство в мире после «холодной войны», придумать новую роль для НАТО, создать на основе этого универсальную модель системы европейской безопасности.

По свидетельству работавшего в Белграде представителя Службы внешней разведки России генерала В. Зайцева, в январе 1994 г. после принятия решения о расширении НАТО на восток у США уже существовали планы использовать конфликт в Югославии для создания условий по перебазированию американских войск из Германии на Балканы. Тем самым появилась бы «возможность контролировать как пути через Черное море к Каспийскому нефтяному бассейну, так и через Малую Азию к Персидскому нефтяному району»(11).

Особо активная на первом этапе кризиса, Германия, вмешиваясь в югославские дела, спешила продемонстрировать свой новый после объединения статус и через экономическое поглощение Хорватии реализовать давние планы получения выхода к Адриатическому морю. Великобритания и Франция непосредственных целей в югославском кризисе не имели. Иногда на предварительной стадии обсуждения они позволяли себе выска-

зывать особое мнение, но, когда дело доходило до принятия решений, всегда поддерживали более жесткую позицию США и Германии, дисциплинированно демонстрировали атлантическую солидарность.

Российская дипломатия в конце 1991 и начале 1992 г. еще выступала за сохранение Югославии, однако не предпринимала никаких самостоятельных шагов и лишь воздавала должное усилиям международных организаций. Затем ее позиция по вопросу целостности Югославии изменилась, и российское правительство вслед за США и европейскими государствами поочередно признало независимость Словении, Хорватии и Боснии, «исходя из права народов на самоопределение как одного из основных принципов «международного права». И далее российская дипломатия следовала в фарватере западной политики (голосования за антисербские санкции, за создание «бесполетной зоны» и т.п.). За два года конфликта ей так и не удалось выработать собственную, самостоятельную позицию в югокризисе(12).

Российский министр иностранных дел А.Козырев так описывал согласие России на введение антисербских санкций: «...политическое руководство России было едино в понимании главной задачи: урезонить Белград, используя разные методы, прежде всего наши традиционные связи с Сербией и влияние на Балканах. ... Три месяца мы блокировали в Совете Безопасности ООН введение санкций против Белграда, уверяя, что наша дипломатия, наши особые отношения с сербами дадут желаемый результат. ... И я помню, как вернулся в Москву после очередной игры в кошки-мышки в Белграде, и Ельцин сам мне первый сказал: все, Андрей Владимирович, хватит давать себя дурить, голосуем за санкции. Мы проголосовали, и я считаю, что это было правильно, принципиально»(13).

Однако на введение Россией санкций против сербов повлияли прежде всего идеологические мотивы (югославский режим рассматривался в Москве как посткоммунистический) и чисто циничный расчет получить от Запада обещанный многомиллиардный кредит, который так и не был получен.

Трудно удержаться, чтобы не привести очень хлесткие, но справедливые замечания известного российского дипломата, бывшего посла в Германии Ю.Квицинского о начальном этапе деятельности России по югоурегулированию. «Российская позиция, — писал он, — поначалу отнюдь не была ни просербской,

ни даже ей нейтральной. То, что словенцы и хорваты не хотели жить в одном с сербами государстве, считалось очень даже правильным и похвальным... А то, что сербы в ответ не хотели жить в одном государстве с хорватами, это, разумеется, было не чем иным, как проявлением сербского национализма и имперских амбиций. Так выглядела довольно долго «российская объективность» на югославском направлении».

Югославская политика России, подытоживает дипломат, «болталась как известная субстанция в проруби, к тому же вызывая растущую критику со стороны самих россиян. Одним словом, это был пример того, к чему ведет парад дилетантизма и идеологическая, на сей раз «демократическая» зашоренность» (14).

Собственно, А.Козырев никогда и не скрывал свою «идеологическую зашоренность». Он даже позволил себе легкую критику США за то, что они поздно признали независимость югославских республик. «Вначале, — писал он, — еще до распада СФРЮ, США упорно не замечали требований суверенитета той же Боснии и других союзных республик, до последнего выступали за сохранение единства государства, несмотря на его коммунистическую природу. ...не потому ли и в Вашингтоне столь силен антиюгославский накал, что есть чувство первоначальной вины?» (15)

Вопиющее незнание региона, его истории, сути разразившегося конфликта также были характерной чертой российской дипломатии. Практически все ведущие дипломаты, отвечавшие в России за югоурегулирование, не имели никакого отношения к Югославии в своей предыдущей деятельности. Сам А.Козырев на одном из первых заседаний парламентского комитета по международным делам «путал Словению и Славонию, думал, что все народы этого региона — православные, не знал, где находится Дубровник. Он надменно и свысока относился к сербам, цинично называя их «наши клиенты». И никогда не стремился понять эти народы» (16).

Но определенную эволюцию в деятельности российской дипломатии к 1994 г. все же можно было заметить. Внешне, на словах, МИД после безоговорочной поддержки западной линии стал постепенно дистанцироваться от однозначно антисербской позиции. На фоне информационной волны, поднятой на Западе, даже такая пассивная и соглашательская позиция выглядела чуть ли не как защита сербских интересов. Отмеченной нами

«фразеологической» эволюции МИДа способствовало то, что к этому времени против прежних методов югославского урегулирования все активнее стала выступать российская политическая элита. Официальная политика России в югославском кризисе подвергалась сильной критике, как справедливой и конструктивной, так и в угоду сиюминутным интересам, становясь разменной монетой в борьбе оппозиции с властью.

Прошедшие в конце 1993 г. выборы в Государственную Думу со всей очевидностью показали, что прозападнический курс не пользуется в обществе популярностью. Это не могли не учитывать Кремль и вся исполнительная власть. А главное — улетучились иллюзии не только о полномасштабной финансовой помощи, но и на тот счет, что Запад не будет хотя бы использовать в своих целях временную слабость России. Расширение НАТО на восток, препятствия любым формам реинтеграции на постсоветском пространстве, дискриминационные меры во внешней торговле и т.п. ярко показали, что это совсем не так. «Медовый месяц» между Россией и Западом заканчивался.

Начал изменяться также общий тон российских средств массовой информации, которые все больше выступали против одностороннего давления на сербов. Правда, такие подвижки в общественном мнении не отразились на группе немногочисленных, но очень активных журналистов и аналитиков, о которых мы уже говорили. Они до самого конца оставались на старых, по существу антисербских позициях. И на таком фоне российскому МИДу было намного легче продолжать проводить свою политику. Хорошо понимавший это, министр иностранных дел А.Козырев одним из первых российских политиков стал очень активно сотрудничать со СМИ.

Но в целом, повторим, примерно с этого времени, многое приходилось делать уже закулисно. Довольно точно тогдашнюю позицию российского МИДа охарактеризовал М.Леонтьев: «Сегодня Россия не стремится к какой-либо самостоятельной политике в регионе..., руководствуясь лишь двумя соображениями: продемонстрировать лояльность и дееспособность своим новым западным союзникам ... и отбрыкаться от обвинений в предательстве «братьев сербов и черногорцев», более или менее искусно маневрируя перед отечественными патриотами»(17).

К 1994 г. провалились два международных плана урегулирования конфликта в Боснии. Первый план был сформулирован в

октябре 1992 г. Он получил название плана Вэнса-Оуэна по именам двух сопредседателей координационного комитета Женевской конференции по бывшей Югославии — специального посланника Генерального секретаря ООН Сайруса Вэнса и Дэвида Оуэна, заменившего лорда Каррингтона в качестве посредника от ЕС. План Вэнса-Оуэна предусматривал деление единой Боснии и Герцеговины на 10 провинций или кантонов (по три получала каждая община и одна — столичная — оставалась смешанной). Этот план представлял собой чисто теоретическое построение, полностью оторванное и от жизни, и от реальной ситуации в этой бывшей югославской республике.

Тем не менее, и в нем просматривалась определенная тенденция. Мирное урегулирование не рождалось в переговорном процессе конфликтующих сторон, а навязывалось извне. План Вэнса-Оуэна предоставлял существенные преимущества боснийским хорватам, частично, по мнению мусульман, ущемлял их права и значительно подрывал жизнеспособность сербской общины, у которой преднамеренно отбирался северный сухопутный коридор. По плану разрозненные кантоны боснийских сербов занимали всего 42% территории Боснии и Герцеговины.

Кроме того, отводимые сербам земли были самыми бедными. А в преимущественно горной Боснии и Герцеговине качество территорий имело гораздо большее значение, чем количество. Приведем некоторые цифры. Из 31,4 млрд. долл. (в такую сумму было оценено все имущество Боснии и Герцеговины) на долю мусульман приходилось бы 18 млрд., хорватов — 7,3 млрд. и сербов — только 6,1 млрд. Из 920 км. железнодорожных путей 500 км. приходилось бы на мусульманские кантоны, 260 км. — на хорватские и только 160 км. — на сербские. Из 3900 мегаватт энергетических мощностей существующих электростанций мусульмане получали бы 1765 мегаватт, хорваты — 1220 мегаватт и сербы — всего 905 мегаватт. В распоряжении сербов не оставалось бы «ни одного из заслуживающих внимания месторождений бокситов, свинца, цинка, железной руды или соли и, соответственно, крупных промышленных предприятий» (18).

Вследствие всего этого план оказался неприемлемым для боснийских сербов. Правда, их лидер Р.Караджич под давлением С.Милошевича его все-таки подписал на встрече противоборст-

вовавших сторон в Афинах, но затем воспользовался негативным решением своего парламента и отверг. Он заявил, что боснийским сербам нет необходимости создавать в Боснии десять «Нагорных Карабахов»(19).

В день проведения встречи в Афинах президент США Б.Клинтон собрал в Вашингтоне свою «боснийскую команду». В отличие от европейцев, было решено не поддерживать план Вэнса-Оуэна, так как для его реализации потребовалось бы вводить в Боснию американские сухопутные силы. Курс был взят на фактический отказ от соблюдения военного эмбарго, чтобы вооружить мусульман, и на нанесение воздушных ударов авиации НАТО по сербам(20).

Второй план, относившийся к осени 1993 г., был разработан тем же Дэвидом Оуэном и заменившим С.Вэнса Турвалдом Столтенбергом. План Оуэна-Столтенберга оказался более реалистичным, так как в его основу была положена идея раздела остающейся формально единой Боснии на три национальные части. Эти национальные территории должны были составить между собой мягкую федерацию или конфедерацию. План предполагал, что для обеспечения жизнеспособности мусульманской общины (выходы к морю и к реке Сава) сербы и хорваты отдадут ей часть территорий. В целом территория мусульман составила бы 30% территории Боснии и Герцеговины. Однако переговоры по территориальному размежеванию зашли в тупик. Мусульмане вели их явно недобросовестно, оставаясь на позициях унитарной Боснии и Герцеговины. В итоге боснийские сербы и хорваты согласились с планом Оуэна-Столтенберга, а мусульмане его отклонили. Причем надо отметить, что, если на сербов было оказано мощное давление в связи с их отказом от плана Вэнса-Оуэна, отказ мусульман был воспринят международными посредниками совершенно спокойно(21).

Хотя оба плана не получили поддержки всех противоборствовавших сторон, в них уже просматривался переход от более или менее унитарной Боснии с чересполосицей множества вновь создаваемых этнических образований к относительно децентрализованному государству из реально существовавших (по крайней мере на тот момент) национальных территорий. Движение в сторону закрепления ситуации, возникшей в том числе и в результате войны, вызывало бурную критику мусульманского руководства и некоторых иностранных наблюдателей. Но не мень-

шей критике можно было подвергнуть желание вернуться к положению, которое и вызвало боснийскую войну. Тем более, что для этого нужно было развязать еще одну войну, но уже с участием иноземных войск.

Особо надо отметить, что международные планы боснийского урегулирования были характерны и тем, что впервые за более чем 200-летнюю историю балканское урегулирование вырабатывалось без участия России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о возникновении в югославских республиках «этнократических кланов» см.: Волков В. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5.

2. См.: Тренин Д. Введение // Косово. Международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 19.

3. Пархоменко С. Балканская война — глазами дилетантов // Сегодня, 1994, 13 мая.

4. См.: Морозов А. И в Австрии к штыку приравняли перо // Там же, 1995, 6 октября.

5. См.: Айрапетова Н. НАТО стремится изолировать Россию от остальной Европы. Интервью с В.Волковым // Независимая газета, 1998, 23 декабря.

6. Цит. по: Гуськова Е., Карасев А. Балканская трагедия: 90-е годы XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 303; см. также: Гуськова Е. Урегулирование на Балканах... С. 8.

7. См.: Буха А. Аргументы за Республику Српску. Нови Сад, 1996. С.57-58.

8. См., например: Avramov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslaviji. Novi Sad. 1997. S.287; Гуськова Е. Урегулирование на Балканах... С. 15-17.

9. См.: Волков В. Югославия: искать не «врага», а решение // Московские новости, 1993, 21 февраля.

10. Вахрамеев А. Международные организации и югославский кризис // Балканы: между прошлым и будущим. М., 1995. С.97.

11. Зайцев В. Тайные планы США становятся явными // Независимая газета, 1999, 13 апреля.

12. Гуськова Е. Кризис на Балканах и позиция России // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии.

1990-1993. М., 1993. С. 42. Более подробно о деятельности российской дипломатии в 1991-1993 гг. см. там же.

13. Велехов Л. «Покровительствуя Милошевичу, мы оказали ему плохую услугу». Андрей Козырев о роли России в югославском урегулировании // Итоги. 1999. № 9.

14. Квицинский Ю. Нероны преславные и Калигулы, доблестью сияющие // Российская Федерация. 1995. № 3. С.54-58.

15. Козырев А. Преображение. М., 1995. С. 125.

16. Гуськова Е. Смогла бы Россия отдать Куликово поле? // Независимая газета, 1999, 23 апреля.

17. Леонтьев М. Шансы «ностальгической геополитики» // Сегодня, 1993, 23 марта.

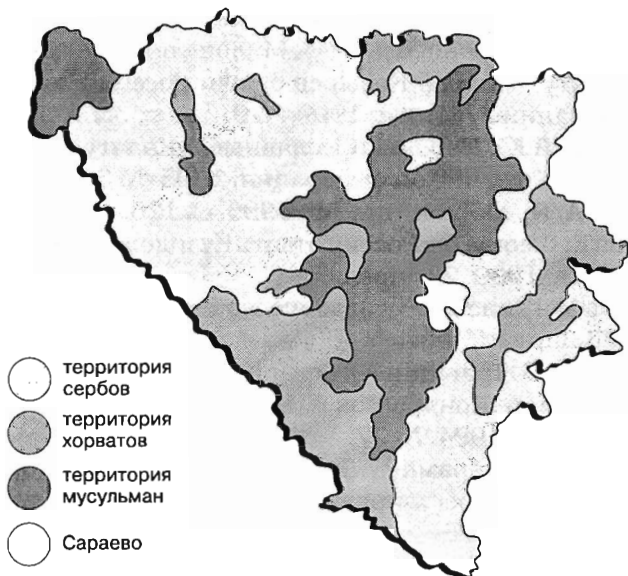
18. См.: Волков В. Трагедия Югославии... С. 22.

19. См., например: Кондрашов А. Белград давит и маневрирует // Эхо планеты. 1994. № 27.

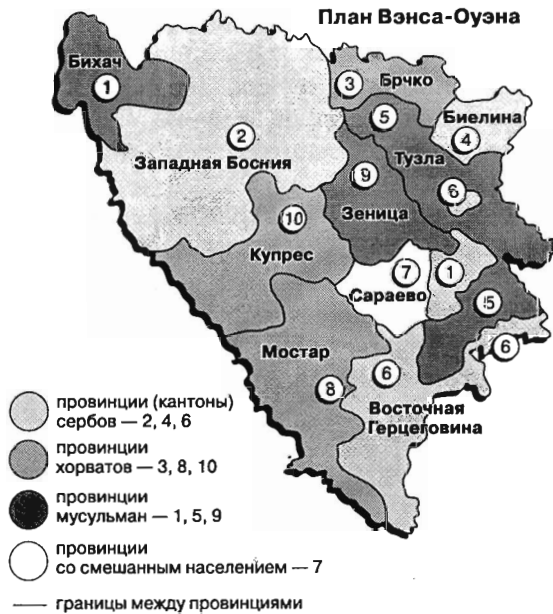
20. Программа «Панорама // Би-Би-Си, 1995, 31 октября.

21. См.: Гуськова Е. Урегулирование на Балканах... С. 26-35.

План Кутильеро

План Вэнса-Оуэна

Глава II

План контактной группы

10–11 января 1994 г. на саммите стран НАТО было принято решение о всемерной поддержке миротворческой операции ООН в Боснии. В частности, в качестве такой поддержки допускались ракетно-бомбовые удары авиации, совершавшей облеты Боснии и Герцеговины. Через 20 дней, 31 января под давлением США Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали также официально заявил о возможности использовать «в целях миротворчества» воздушные удары авиации НАТО. Его представитель в бывшей Югославии Я.Акаси получил полномочия принимать решения на этот счет по запросу командующего миротворческими войсками ООН. Был придуман принцип так называемого «двойного ключа», когда решение о применении военной авиации принималось совместно представителями Генерального секретаря ООН и военного командования НАТО.

Представитель России поддержал соответствующую резолюцию Совета Безопасности ООН. Позже МИД оправдывался тем, что его обманули, что он не так трактовал резолюцию СБ ООН и предполагал, что потребуется еще одно обсуждение и голосование, прежде чем авиация НАТО будет использована в Боснии. Слушать все это было по меньшей мере странно. Крайней некомпетентностью, доходящей до анекдота, справедливо назвал этот случай известный российский политолог, член Президентского совета А.Мигранян(1).

Теперь американцам и возглавляемому ими блоку НАТО не доставало только повода для демонстрации серьезности своих намерений. Таким поводом стал взрыв на центральном рынке Маркале в мусульманской части Сараево 5 февраля 1994 г. Взрыв унес жизни 68 человек, еще около 200 получили ранения. В его организации еще до проведения расследования были обвинены боснийские сербы. Совет НАТО моментально пригрозил им нанесением воздушного удара, если они не отведут тяжелую артиллерию на расстояние в 20 км от Сараево.

Однако штаб миротворческих сил в Загребе направил секретный доклад в ООН в Нью-Йорк, в котором говорилось, что «мусульмане по крайней мере два раза в течение последних 18 месяцев обстреливали Сараево, вызвав человеческие жертвы», и что мина, взорвавшаяся на рынке, скорее всего «была выпущена с территории, контролируемой мусульманами, а не сербами...» Это не укладывалось в нужный сценарий, и ход доклада дан не был. Д.Оуэн оправдывался: «Не могу сказать, что вопрос о виновнике взрыва на рынке в Сараево не имел никакого значения. Но основным вопросом для меня было прекращение обстрела города»(2).

Позже в своей книге воспоминаний с претенциозным названием «Балканская Одиссея» Д.Оуэн признался, что еще тогда у него не было сомнений: «Наиболее квалифицированные эксперты по баллистике ... высказали мнение, что минометы находились на расстоянии 1 100-1200 метров и что это — позиция боснийской правительственной армии». Писал он и о том, что осада Сараево была не одна: не только со стороны сербов, о чем писали все газеты Запада, что каждодневно снимали ведущие телекомпании мира, но и со стороны мусульман, которые держали в кольце сербские районы города. Мусульманские власти специально препятствовали отъезду из своей части города пожилых людей и детей. Их присутствие в Сараево было наиболее эмоциональным пропагандистским оружием, чтобы заставить американцев ввязаться в войну на их стороне(3).

Кризис вокруг Сараево удалось разрешить активными действиями России и прежде всего специального представителя президента по югославскому урегулированию В.Чуркина. Он уговорил боснийских сербов уступить стратегические позиции около Сараево российским миротворцам, которые совершили в трудных зимних условиях стремительный марш-бросок из Восточной Славонии в Хорватии. (Так российские военнослужащие впервые попали в Боснию. С этого момента в бывшей Югославии стало находиться два российских миротворческих батальона: «русбат-1» в Восточной Славонии и «русбат-2» в районе Сараево. В первом было около 1000 чел. И во втором — чуть более 500).

Рейд десантников произвел большой эффект. Был однако и настораживающий момент. Россия больше уговаривала сербов, чем препятствовала опасной тенденции вооруженного вмеша-

тельства Североатлантического блока в конфликт на территории бывшей Югославии, явно вне зоны его ответственности. Причем с самого начала такое вмешательство НАТО в гражданскую войну в Боснии замыслилось на стороне одного из ее участников. Никаких дополнительных решений Совета Безопасности ООН уже как бы и не требовалось. В жизнь проводилась весьма сомнительная и опасная мысль о том, что для агрессивных действий НАТО достаточно ранее принятых резолюций СБ ООН.

Заряженное ружье должно выстрелить. 27 февраля в небе над Баня-Лукой два американских F-16 сбили 4 устаревших сербских самолета (первый бой НАТО за всю ее историю), а уже через два месяца возник новый кризис, связанный с другой «зоной безопасности» — вокруг города Грражде. События развивались по ставшей затем обычной схеме: наступление мусульман из города, находившегося под защитой ООН, контрнаступление сербов и угрозы бомбовых ударов со стороны НАТО. На этот раз авиация блока эти удары осуществила 10 и 11 апреля 1994 г. Решение было принято командующим миротворческими силами ООН британским генералом М.Роузом. Он обратился за поддержкой к командованию НАТО после формального согласия представителя генерального секретаря ООН в Боснии Я.Акаси. Так «натовский джинн» был выпущен из бутылки.

Никакого специального решения СБ ООН не было. Никаких консультаций с Россией проведено также не было. НАТО начала действовать практически самостоятельно. Российская дипломатия, к сожалению, восприняла это как должное и не могла предложить никакой контригры. Правда, по ее просьбе боснийские сербы прекратили осаду Грражде и отвели войска. Но нельзя было эксплуатировать одну и ту же идею, без конца повторять сараевский вариант и не делать ничего больше. Складывалось, однако, впечатление, что ничего отличного от Запада делать и не хотелось. Представитель президента России по югоурегулированию В.Чуркин говорил отъезжавшей в Боснию делегации Государственной Думы: «Передайте там сербам, что игрушки с ними кончились, передайте, дескать, что им теперь врежут по настоящему, и мы натовцев, наконец, поддержим...»(4)

Деятельность США была связана еще с двумя крупными событиями первой половины 1994 г., которые внесли существенные коррективы в боснийское урегулирование.

Во-первых, 18 марта 1994 г. в Вашингтоне при непосредственном участии американцев, написавших для нее конституцию, была провозглашена так называемая Федерация Боснии и Герцеговины, объединившая территории, контролируемые мусульманами и хорватами, и получившая поэтому в обиходе название Мусульманско-хорватская федерация (МХФ). Мысль объединить две из трех враждовавших боснийских общин пришла в голову немецким и французским политикам еще в конце 1993 г. В Германии и начались мусульмано-хорватские переговоры, но затем их участников вывезли в США. Активное вмешательство американцев и предопределило успех всей затеи.

Созданная Федерация (что очень важно) получила право образовать конфедерацию с Хорватией. Об этом говорила Статья 1 Предварительного соглашения о создании конфедерации. Статья 5 этого соглашения предполагала, что Хорватия и Федерация «согласуют как можно скорее меры в области обороны, включая координацию оборонной политики и создание объединенного командования в случае войны или непосредственной угрозы для любой из сторон»(5).

В рамках новой боснийской Федерации мусульманские районы оказывались связанными между собой и получали выход к морю. Мусульмане и хорваты договорились о распределении мест в будущем общем руководстве и о том, что будет создано восемь кантонов. Два из них будут принадлежать хорватам, четыре — мусульманам и еще в двух (в центральной Боснии и по реке Неретва на юге) власть будет делиться на паритетных началах. То есть в определенной степени при создании Мусульманско-хорватской федерации были использованы идеи из плана Вэнса-Оуэна.

Однако в реальной жизни, кроме объединения сил против сербов, мало что изменилось. Появилось только еще больше проблем правового плана. Как указывает Е.Гуськова, договор между боснийскими хорватами и мусульманами оставлял слишком много вопросов. «Чей статус выше — Республики Боснии и Герцеговины или Федерации? Почему мусульман и хорватов на переговорах теперь будет представлять Федерация, то есть часть Республики Босния и Герцеговина, а не признанная Босния и Герцеговина? Если переговорный процесс продолжит команда Федерации, то почему ее возглавляет президент Боснии и Герцеговины, а не Федерации? Или возможны конфедеративные отно-

шения с Хорватией, то чей международный статус выше: конфедерации или федерации? Возможно ли создание самостоятельной территории в БиГ с большинством сербского населения? И так далее, так далее»(6).

Тем не менее, распад бывшей югославской республики Боснии и Герцеговины становился все более осязаемым и уже не только на поле боя, но и на бумаге. Пойдя на это, США взамен получали единый антисербский фронт и, хотя разыгрывали карту «защитника мусульман», не допускали появления в Европе нового мусульманского государства. Территориальные уступки теперь можно было требовать только от отказавшихся вступить в Федерацию (а следовательно — и в конфедерацию с Хорватией) боснийских сербов. В целом США посчитали, что коалиция мусульман и хорватов должна иметь 51% территории Боснии и Герцеговины, то есть сербов принуждали отдать около 20%. Даже в этом практичные американцы оставались бизнесменами — контрольный пакет акций должен был перейти к их союзникам.

Вторым крупным шагом американского руководства было инициирование создания так называемой международной контактной группы по урегулированию в Боснии и Герцеговине (КГ) из представителей США, Германии, Великобритании, Франции и России. Эта группа должна была содействовать установлению контактов (отсюда и название) между противоборствовавшими сторонами, облегчать им поиск мирного урегулирования. Каждая из пяти стран делегировала в группу по одному своему представителю. В обязанности этих представителей («политических директоров») входила подготовка документов для встреч министров иностранных дел стран-посредниц. Первое заседание контактной группы на уровне министров иностранных дел состоялось 13 мая 1994 г. в Женеве.

Очень скоро, однако, роль контактной группы заметно изменилась. По сути она во многом заменила собой Международную конференцию по бывшей Югославии и из чисто технического органа стала главным механизмом боснийского (а позже — всего югославского) урегулирования, решала широкий круг вопросов вплоть до целесообразности введения санкций или применения силы. А консенсус, бывший необходимым условием работы этого совещательного органа, как-то постепенно перестал соблюдаться. И все же вначале казалось, что после создания контактной группы Россия будет, наконец, в более полном объеме

допущена к боснийскому урегулированию и начнет играть более активную и самостоятельную роль на Балканах.

Вообще возникновение такого института, как контактная группа, заслуживает особого исследования. Сам состав группы воспринимался в первый момент как альтернатива Совету Безопасности ООН (в котором место Китая заняла Германия). Потом оказалось, что в этом псевдосовете безопасности у России отсутствует право блокирующего голоса. Еще позже стало ясно, что контактная группа была лишь промежуточным звеном между СБ ООН и Советом НАТО, где у России никакого голоса не было и в помине.

Контактная группа разработала третий по счету международный план мирного урегулирования в Боснии. Однако сразу надо сказать, что план контактной группы касался прежде всего территориального разграничения между Мусульманско-хорватской федерацией и Республикой Сербской в уже названной пропорции — 51 на 49 процентов. Все другие вопросы должны были рассматриваться только после согласия сторон на предложенную карту. Причем такое согласие требовалось в ультимативной форме, оно должно было быть безусловным, ответ по формуле «да, если...» признавался как отказ.

Строго говоря, с этого момента международные посредники уже перестали быть таковыми, а все больше становились самостоятельной и доминирующей стороной в конфликте. Тем более, что речь шла уже о полномасштабной вовлеченности в боснийские дела военного блока НАТО. Характерно, что такое вмешательство НАТО во главе с США в конфликт обеспечивалась при любом решении боснийских сторон и прежде всего сербов. В случае их отказа от мирного плана НАТО была призвана добиваться претворения его в жизнь силой (расширение «зон безопасности», возможность наносить по сербам удары с воздуха и т.п.). Если же сербы принимали карту территориального разграничения, то НАТО вообще должна была заменить на территории БиГ подразделения миротворческих сил ООН.

Карта территориального разграничения вполне устраивала самую малочисленную хорватскую общину, получавшую дополнительные земли на западе бывшей югославской республики. (Всего хорватам в рамках Федерации отводилось 17% территории Боснии и Герцеговины). Неоднозначно восприняли эту карту мусульмане, жаждавшие еще больших приобретений. И, на-

конец, от сербской стороны требовали самых больших уступок. Согласно предложенной карте, северный сухопутный коридор сужался всего до 3 км за счет передачи мусульманам части города Брчко. Создаваемый мусульманский коридор от Сараево до Горажде фактически еще раз делил сербские территории, к тому же значительно расширились контролируемые мусульманами земли в Восточной Боснии в районе «зон безопасности».

Вновь не могло устроить боснийских сербов и качество оставляемых у них территорий. На отдаваемых сербами землях оставалось 13 наиболее развитых в экономическом и культурном отношении городов, большинство крупных предприятий, электростанций и рудников. В целом считалось, что Республика Сербская получила бы лишь 20% промышленного потенциала довоенной Боснии и Герцеговины. К тому же, с оставляемых земель пришлось бы переселять около 400 тыс. человек.

Показательно, что в разработке карты территориального разграничения активно участвовали западные военные специалисты, которые очень точно вносили в нее детали, особо болезненные для сербов. Американский представитель в контактной группе ежедневно консультировался с мусульманами и хорватами. Сербы же были брошены на произвол судьбы. Российский представитель в контактной группе А.Никифоров(7) с ними по вопросам карты не советовался, а специальный представитель президента России В.Чуркин вообще заявил, что с боснийскими сербами нельзя иметь дело. Оба российских дипломата, сделав на югославском кризисе неплохую карьеру, потеряли к тому времени к Боснии особый интерес. Они готовились к переезду в места нового назначения: А.Никифоров — послом в Словению, а В.Чуркин — в Бельгию. Последний почти открыто говорил, что ему надоело заниматься «провинциальными политиками» и «нетесанными сербскими крестьянами».

События первой половины 1994 г. и особенно разработка карты территориального разграничения Боснии и Герцеговины свидетельствовали о том, что в боснийском урегулировании наступает решающий момент. И участие России в этом урегулировании выглядело не лучшим образом. Тем не менее, российское внешнеполитическое ведомство было наотрез против какого-либо вмешательства в свои дела и тратило огромные усилия на борьбу за сохранение сложившейся монополии в деле югославского урегулирования.

Разумеется, за внешнюю политику любой страны отвечает прежде всего министерство иностранных дел. Но очень сложная югославская проблема вышла далеко за рамки работы только по дипломатической линии. Она напрямую затрагивала национальные интересы России, привлекала к себе внимание ее силовых ведомств, федеральных и даже региональных органов власти. Казалось, что координация и объединение усилий заинтересованных структур власти для выработки позиции по отношению к югокризису абсолютно необходимы. По такому пути пошли в то время и практически все западные страны. Но в России было иначе.

Мне, как и некоторым моим знакомым и коллегам, с самого начала казалось, что у России должно быть собственное лицо в деле югоурегулирования, что пора, наконец, отойти от коллективной позиции с Западом и спокойно занять свою историческую нишу на Балканах, отказаться от политики санкций, ультиматумов, одностороннего давления на сербов. Конечно, сказанное отнюдь не означало спора с Западом по любому поводу и тем более перехода на старые конфронтационные позиции по отношению к нему. Не было и никакой нужды безоговорочно поддерживать С.Милошевича, сербский национализм и т.п. Но одновременно не было никакой необходимости в переключении на сербов вины других, делать из Ф.Туджмана или А.Изетбеговича «демократических жертв сербской агрессии», поддерживать национализм хорватов или мусульман.

Хотелось лишь объективного подхода ко всем югославским народам, большего учета в российской политике как специфики балканских условий, так и национальных интересов России. Ведь в конце концов речь шла о долгосрочных российско-сербских связях, а не о конъюнктурных моментах, связанных с западной финансовой помощью или с позицией некоторых лидеров наших стран. Было неясно, почему демократические, рыночные реформы в России (были ли они последовательно таковыми — другой вопрос) не могут сочетаться с отстаиванием национальных интересов, с более активной внешней политикой. Ведь даже образец для российских реформаторов — США, страна с демократическим внутренним устройством, на внешней арене не стеснялись проводить не только активную, но и чисто имперскую, агрессивную политику.

Однако как-то повлиять на российскую политику на Балканах было очень трудно. Хотя я и работал в Кремле, мои спичрайтерские обязанности даже отдаленно не были связаны с разработкой такой политики. Правда, я написал две-три записки по югославской проблематике Б.Ельцину (одну — в соавторстве с А.Миграняном), но никакого отклика на них не было. В Службе помощников президента, к которой относилась и немногочисленная группа спичрайтеров, вопросами внешней политики занимался помощник президента по международным делам Д.Рюриков. Он был человеком чиновничьего склада, идеи не генерировал, а главное, являлся по существу помощником не президента, а А.Козырева, чьи поручения в то время точно и безоговорочно выполнял. К тому же Д.Рюриков в югославских вопросах не разбирался и старался ради собственного спокойствия в них особо не вникать.

В целом можно сказать со всей определенностью, что, как бы это ни казалось странным, югославским кризисом на протяжении длительного периода в Кремле вообще никто не занимался. И такое положение сохранилось бы и дальше, если бы в начале 1994 г. помощником президента по национальной безопасности не был назначен Юрий Батурина. Теперь события в Югославии косвенно попадали в сферу его интересов.

Пользуясь дружескими отношениями, я поделился с ним тревогой по поводу югоурегулирования и посетовал на свою невосребованность. У Ю.Батурина — человека творческого и разностороннего — интерес к Югославии существовал давно, еще со студенческих лет, совпало и наше видение происходивших на Балканах процессов. Решили попытаться что-нибудь предпринять. Как специалист по Югославии я в основном сосредоточился на содержательной части — подготовке концепции урегулирования, разработке и написании необходимых материалов и документов. Ю.Батурина же, по мере возможности, обеспечивал их дальнейшую реализацию, что в кремлевских условиях было делом сложным и неблагодарным.

С чего начать — вопрос не стоял. Нам было ясно, что для корректировки российской позиции необходима поездка Ю.Батурина в бывшую Югославию. Только после этого было бы уместно доложить президенту свои соображения, сформулировать конкретные меры. Идея поездки в Югославию начала материализовываться весной, когда Москву посетил Р.Караджич, награв-

денный литературной шолоховской премией за поэтические труды. Конечно, это было лишь поводом, и лидер боснийских сербов занимался прежде всего налаживанием политических контактов. Он был принят несколькими российскими политиками, пригласил его в Кремль и Ю.Батури́н. Разговор получился дружеским и откровенным. В конце беседы Караджич пригласил Батурина посетить Пале.

Мы написали записку Б.Ельцину, в которой обосновывали необходимость поездки Ю.Батурина в Югославию с целью активизации российской внешней политики на балканском направлении. Эта записка, в частности, заканчивалась словами о том, что «успех поездки будет способствовать не только посредническим миротворческим усилиям... Полномасштабное возвращение России на Балканы, откуда она в настоящее время все больше вытесняется, подтвердит ее статус великой державы. В противном случае, бросая сербов на произвол судьбы, Россия теряет свое лицо, падает ее международный престиж»(8).

Немногим позже Б.Ельцин получил и полное горечи письмо от президента Сербии С.Милошевича. Характерно, что это письмо было доставлено в Кремль, минуя официальный путь через МИД. Дело в том, что даже в то, во многом решающее для всего югоурегулирования время обращения Милошевича к Ельцину безнадежно застревали на Смоленской площади. Последнее из них пылилось в недрах МИДа уже несколько месяцев. Кроме того, неформальный путь доставки письма давал Милошевичу возможность быть предельно откровенным.

Приведем это важное и много объясняющее послание полностью. С.Милошевич писал: «Из беседы 30 июня с Вашим дипломатом г. А.Никифоровым я сделал вывод, что в ходе работы международной контакт-группы по Боснии России, несмотря на предпринятые усилия, не удалось добиться, чтобы предложенные карты раздела БиГ в равной степени учитывали интересы сербов.

Карты подготовлены таким образом, что под вопрос поставлено даже и существование северного коридора, который сербский народ назвал «коридором жизни». Предложенные карты представляют собой шаг назад по отношению к вопросу о Посавине, решение которого было согласовано мною и хорватским президентом Ф.Туджманом несколько месяцев назад в Женеве. Новые карты предполагают присоединение к мусульманской

территории еще нескольких городов, хотя предыдущие предусматривали передачу всех важнейших городов, за исключением Бани-Луки, мусульманам. В. Чуркину и А. Никифорову хорошо известны подробности этого вопроса, поэтому нет необходимости его детализировать.

Обращаюсь к Вам с просьбой в весьма критический момент для сербского народа и прошу Вас оказать поддержку в достижении справедливого решения. Карты будут окончательно предложены на рассмотрение только на совещании министров иностранных дел 5 июля в миссии России в Женеве. До того момента никто официально не будет ознакомлен с их содержанием, поскольку, со слов А. Никифорова, работа над ними продолжится до 4 июля. Сербы поддерживают предложение России о разделе БиГ в соотношении 51 и 49 процентов. Однако это не должно означать, что в рамках указанных процентов мусульманам должны отойти наилучшие части территории, а сербам — только леса и ущелья и при этом их территория была бы еще расчленена и лишена выходов к геостратегическим районам (реки, инфраструктура, индустриальные зоны, города). С целью пересечения сербского «коридора жизни» мусульманам отдается даже тупик возле г. Брчко, не имеющий для них стратегического значения, т.к. он упирается в р. Сава и границу БиГ. При всем этом не предусматривается даже снятие санкций, с помощью которых осуществляется геноцид над сербским народом, а всего лишь предлагается их незначительное ослабление.

Уважаемый господин Президент, если Россия не в состоянии сделать больше для выработки справедливого решения, следует хотя бы побеспокоиться о сохранении русско-сербских отношений и заявить о своей особой позиции, отличной от остальных пяти (так в письме. — К.Н.) членов контакт-группы. Тем самым были бы сохранены русско-сербские отношения. Если Россия совместно с другими странами будет выступать за предложенные контакт-группой решения, то ни один серб не сможет это воспринять иначе, как давление России на сербский народ в интересах мусульман. Тот факт, что Россия к тому же будет организатором данного заседания мининдел, еще больше подчеркивает этот политический эффект братоубийственного характера.

Прошу Вас, уважаемый господин Президент, не допустить такого развития событий.

P.S. Несмотря на то, что беседа с А. Никифоровым велась только в присутствии Вашего посла и руководителя моего кабинета,

я не указал ему на перечисленные выше опасности и свой комментарий ограничил лишь просьбой к господину Козыреву выступить на заседании мининдел в Женеве хотя бы против самых очевидных недостатков предложенного плана.

Многую достигнута договоренность с президентом РС Р.Караджичем о том, что ни он, ни его окружение не будут делать никаких публичных заявлений до официального получения предложений по картам 5 июля в Женеве»(9).

Хорошо писал С.Милошевич в то время. И его письмо произвело на президента России должное впечатление. Но, по-видимому, решающую роль в решении Б.Ельцина послать в Югославию Ю.Батурина сыграл директор Службы внешней разведки Е.Примаков, который и в силу своего положения, и в силу накопленного богатейшего опыта прекрасно разбирался в реальном положении дел на Балканах. Именно после его беседы с президентом на поездку в Югославию было дано добро.

Опасаясь препятствий со стороны А.Козырева, мы готовили поездку довольно скрытно(10). Но, конечно проблемы не ограничивались технической стороной дела. Надо было продумать содержание всех бесед, а главное — концептуальный подход ко всему кризису. Поразмыслив, мы (я, Ю.Батурин, наши коллеги в Кремле, эксперты из других организаций) пришли к выводу, что пора не просто корректировать существовавшую политику, а начать формулировать альтернативную модель югославского и, в частности, боснийского урегулирования.

Логика была довольно простой. Причиной войн, возникших на территории бывшей Югославии, как мы уже упоминали, было «новое издание» сербского вопроса. Значит, этот вопрос надо было как-то решать. Альтернативой его решения, как, к сожалению, уже случалось в истории, могло быть только уничтожение, изгнание или ассимиляция сербов. Полностью он решался двумя способами — югославским или всесербским объединением. Югославия уже распалась, и шансов на ее воссоздание не было. Против же сербского объединения были не только воевавшие с сербами хорваты и мусульмане, но и мощные западные державы во главе с единственной сверхдержавой США. Нужен был компромисс. Его находение подсказывали не теоретические схемы, а реальная ситуация, которая складывалась в Боснии и Хорватии.

В принципе, после трех лет войны даже сторонникам единой Боснии должно было стать ясным, что это искусственное, нежизнеспособное государство. А если так, то ее нужно было каким-то образом разделить. Самым естественным путем было бы не препятствовать сербской части Боснии присоединиться на тех или иных условиях к Югославии, а хорватской — к Хорватии. Оставшаяся мусульманская часть могла бы при желании образовать собственное государство либо присоединиться к Хорватии или Сербии. Первый вариант уже начал осуществляться после образования Мусульманско-хорватской федерации.

Раздел боснийской территории не создавал опасного прецедента насильственной перекройки границ европейских государств, так как ни Боснии в реальности не существовало, ни другого подобного эфемерного образования в Европе не было. И в любом случае раздел Боснии вызвал бы гораздо меньше жертв (прежде всего тех же боснийских мусульман), чем игра в принципы и бесконечные попытки оживить мертворожденное государство. Об этом начинали открыто говорить и некоторые авторитетные западные специалисты, которых трудно было заподозрить в симпатиях к Сербии или России. Такой позиции придерживался, в частности, бывший госсекретарь США Г.Киссинджер. Правда, на это не были готовы многочисленные посредники и миротворцы, которые без конца, к месту и не к месту повторяли слова о морали и нравственности, но больше всего беспокоились о продвижении собственных интересов и сохранении своего лица.

Что же касается Хорватии, то там ситуация была иной. Страсть хорватов к созданию своего государства во многом была причиной развала и «первой», и «второй» Югославии. К середине боснийской войны с помощью прежде всего Германии Хорватия была уже прочным, настроенным на военный лад государством. Было ясно, что она не только в любом случае сохранит свою государственность, но и будет делать все возможное, чтобы покончить с «восставшими сербскими районами». Обе эти задачи были для нее взаимосвязанными — без Сербской Краины, которая фактически делила ее на несколько частей, Хорватия как государство существовать не могла. И поэтому здесь оптимальным вариантом представлялась широкая автономия сербского населения. Это было бы нормальным цивилизованным решением в рамках общеевропейской практики. Да и сами

европейские страны признали независимость Хорватии при условии соблюдения прав сербского меньшинства.

Исходя из того, что в Боснии и Хорватии происходят гражданские войны, в которых, как правило, не может быть ни правых, ни виноватых, то и урегулирование должно было быть одинаково хорошим и плохим для всех. Значит, прежде всего нужно было попытаться преодолеть двойные стандарты и добиться равного отношения ко всем сторонам конфликта. Подчеркнем, именно равного, никакого предпочтения сербам, лоббирования сербским интересам в наших разработках не было. В этом не было необходимости. В те годы реализация принципа равных прав уже означала бы огромный и даже решающий шаг вперед, в направлении справедливого для всех урегулирования.

Принцип равных прав и был положен в основу формирующейся альтернативной модели боснийского урегулирования. Он предполагал и конкретные меры. Так, если МИД начинал выступать за полное исключение из переговорного процесса Республики Сербской, то необходимо было, наоборот, вернуть боснийских сербов в переговорный процесс, где они должны были быть представлены наравне с мусульманско-хорватской коалицией. Этот принцип означал и возможность установления конфедеративных связей между Республикой Сербской и Югославией, так как аналогичное право уже получила Мусульманско-хорватская федерация по отношению к Хорватии.

Не вдаваясь в детали, можно сказать также, что если МИД выступал за западную модель поэтапного решения боснийского конфликта — сначала карта, а затем — все остальное, то альтернативная модель решения была пакетной, то есть к карте территориального разграничения добавлялись и другие элементы мирного плана, прежде всего — вопросы конституционного устройства. Предполагалось, что к урегулированию в Боснии гораздо скорее приведут переговоры по часто встречающейся в мировой практике формуле “земля в обмен на мир”, нежели — по формуле “земля, а затем разговоры о мире”.

Были и чисто технические моменты. Например, кроме работы российских дипломатов в контактной группе (единство которой провозглашалось МИДом высшей ценностью) альтернативная модель допускала и другие формы посредничества, в том числе самостоятельные шаги России. Кстати, разные формы посредничества не стеснялись по мере необходимости использовать другие страны контактной группы.

Особой, самостоятельной формой посредничества и стала поездка Ю.Батурина в Белград и Пале по поручению президента России. Она проходила с 14 по 18 июля 1994 г., то есть мы едва успели до 20-го числа, когда боснийским сторонам надлежало дать ответ по карте территориального разграничения контактной группы. Вчетвером (Ю.Батурина взял с собой двух своих сотрудников — В.Мушкаева и О.Петрина) мы из-за санкций смогли улететь только в Будапешт, а оттуда уже на машинах переехали в Югославию. В Белграде нас практически сразу принял сербский президент, которому Ю.Батурина вручил ответное послание Б.Ельцина.

Мне довелось готовить текст этого письма и, работая над ним, я понимал, что мои руки связаны уже неоднократно высказанной официальной российской позицией — карту территориального разграничения Боснии сербы должны подписать в любом случае. Значит, было необходимо чем-то компенсировать это очень болезненное для них решение, дать им что-то взамен, предоставить какие-то гарантии. Об этом и шла речь в послании. Я попытался составить его, как говорится, на грани фола, но в то же время именно на грани. В противном случае оно бы не было подписано, и пришлось бы ехать в Белград с пустыми руками. Понятно, что это резко снизило бы уровень посреднической миссии. Руководство Сербии жаждало узнать мнение российского президента из первых уст, а не в пересказе, пусть даже его помощника.

В итоге в своем послании Б.Ельцин советовал сербской стороне, «взвесив все плюсы и минусы», все же подписать карты территориального разграничения — «от сербов только и ждут отказа, чтобы вновь обвинить во всех смертных грехах». Далее шли гарантии: «позитивный сербский ответ развяжет руки для постановки вопроса о полной отмене санкций, а не только об их приостановке или поэтапном снятии. Обещаю Вам — сделаем это в максимально короткое время. Откроется реальная перспектива для пересмотра конституционного устройства Боснии и Герцеговины и признания независимости Республики Сербской, для нахождения политического статуса Республики Сербская Краина. Не останемся мы в стороне и в деле оказания сербским землям полномасштабной помощи по восстановлению экономики. В общем дел много, а на произвол судьбы Россия сербов не бросит никогда.

Этому залог — наша общая история, наши традиционные братские отношения. Вы вспоминаете их в своем письме совершенно справедливо. Здесь разногласий между нами нет. Мы должны бережно сохранить и оставить нашим потомкам это бесценное наследие отцов.

Но, если уж говорим об исторических корнях взаимного тяготения русского и сербского народов, то давайте также задумаемся о нашем будущем. Уверен, что уже сейчас мы, уважаемый господин Президент, можем заложить его прочные основы. Россия — за любые формы (политические, военные, экономические) тесных союзнических отношений с Сербией, как бы она ни называлась и кто бы ни входил в ее состав. Это — воля наших народов и — потому — долг их руководителей»(11).

Милошевич читал письмо Ельцина с явным нетерпением, советуясь иногда с присутствовавшим на беседе своим помощником. Хотя я, конечно, много знал про президента Сербии, но вблизи видел его впервые. Как мне показалось, он был очень напряжен и имел несколько затравленный вид, который никак не вязался с его имиджем хладнокровного и расчетливого политика, обладавшего в Югославии почти неограниченной властью.

Слободану Милошевичу было в то время 53 года. Он родился в Сербии, но его семья была из Черногории. Еще в школе проявилась его склонность к общественной деятельности: он был активистом и лидером комсомольской организации, уже в 18 лет вступил в партию. Общественная работа интересовала юного Слобу гораздо больше, чем учеба, дружеские посиделки или занятия спортом. Его одноклассницей была будущая жена Мирьяна Маркович, которая стала чуть ли не единственным его другом и любовь к которой он пронес через всю свою жизнь.

Восхождение на политический Олимп началось для С. Милошевича в середине 80-х годов, причем решающую роль в этом сыграли два человека — тесть Момчило Маркович (крупный функционер титовского призыва) и руководитель среднего поколения сербских коммунистов Иван Стамболич. Именно Стамболич, как на буксире, тянул Милошевича за собой вверх, делая очередные шаги по партийной лестнице. Однако в 1987 г. Милошевич на неожиданно созванном пленуме партии отправил своего покровителя в отставку и сам стал в Сербии человеком «номер 1».

Для этого им была использована «косовская карта». Первым из сербских коммунистов такого масштаба, он начал широко разрекламированную кампанию по защите косовских сербов, проблема которых действительно существовала. Он добился принятия новой сербской конституции, по которой автономия края Косово была существенно урезана. Вскоре все руководящие посты в краевом правительстве заняли сербы. Инспирировав так называемые «антибюрократические революции», Милошевич вскоре привел своих людей к власти в Воеводине и Черногории.

После «бархатных революций» в Восточной Европе он переименовал коммунистическую партию в социалистическую. Однако сохранил все рычаги власти и имущество в ее руках. Милошевич до конца выступал за сохранение в Югославии жесткой федерации, а когда ее распад стал свершившимся фактом, постарался сохранить хотя бы все сербские земли. Сделать это можно было только силой, а Милошевич оказался одинаково не готов ни к миру, ни к войне. Тем не менее во время многочисленных кризисов он проявил редкое умение маневрировать и предпринимать неожиданные ходы. Милошевич так и не стал публичным политиком, его сила была в другом — в закулисной борьбе, «схватках под ковром». Он был непревзойден в умении подбирать и перетасовывать свою свиту. Единственным постоянным советником для него так и осталась любимая жена. Причем М.Маркович тоже не гнушалась политики и даже создала собственную прокоммунистическую партию «ЮЛ», что по-сербски значит «июль» или в расшифровке — «югославские левые».

Одни в Югославии возносили Милошевича до небес, другие считали главным злодеем. И за границей никак не могли определить, кто он: коммунист, националист или прагматик? По-видимому, последнее было все же точнее. В зависимости от обстоятельств Милошевич мог повернуть в любую сторону. Главным для него всегда оставалась только власть. Как и абсолютное большинство сербов, Милошевич ожидал поддержки от России, относительно, от кого бы она ни исходила. Но не прочь был и заигрывать с Западом, когда считал, что это ему выгодно.

В отношении России, как и в других делах, он оставался хорошим тактиком, но не стратегом. Во время августовского путча 1991 г. сербский президент отмолчался, но в его окружении были люди, которые публично симпатизировали «гэкэчепистам». Частично последствием этого и была по существу недру-

жественная сербам политика России в разразившемся кризисе. Но и сам Милошевич, вмешиваясь в кризис и даже иницилируя его, проявил большую самонадеянность, не проинформировав и не получив хотя бы косвенного одобрения от России — единственного потенциального союзника среди великих держав. В сентябре-октябре 1993 г. во время событий, связанных с российским «Белым домом», руководство Югославии вело себя осторожнее.

Но вернемся к нашей беседе. С. Милошевич старался предстать гостеприимным и радушным хозяином. Без особых формальностей он пригласил нас за журнальный столик, предложил кофе, освежающие напитки. Сам сербский президент курил сигары и отхлебывал виски из широкого низкого стакана. Реплики Милошевича позволяли понять, что его позиция со времени написания письма Ельцину изменилась, что он уже сделал вывод о невозможности противиться плану контактной группы. Увидев, что и Ельцин в начале послания советует подписать предложенный план, он удовлетворено хмыкнул, как бы найдя подтверждение собственным мыслям. Еще более очевидно было, что между ним и Караджичем «пробежала кошка». Даже перед иностранцами он не постеснялся назвать руководителей боснийских сербов «идиотами». И вообще всячески отговаривал нас ехать в Пале, настойчиво предлагая вместо этого вызвать Караджича в Белград.

Двухчасовые переговоры с С. Милошевичем показали, что основной проблемой для него являлась отмена санкций ООН. В качестве первого шага он просил отменить хотя бы резолюцию СБ ООН об ужесточении этих санкций (Имелась в виду резолюция № 820, принятая в связи с возражениями боснийских сербов по поводу плана Вэнса-Оуэна. — К.Н.). Сразу после принятия плана контактной группы Милошевич ожидал визита Ельцина. Одно появление президента России в Белграде могло бы, по словам Милошевича, решить сразу много проблем. Пока же для развития взаимовыгодных контактов он просил вернуться к идее встречи премьер-министров России и Югославии, чему, по его мнению, препятствовал российский МИД.

Позже С. Милошевич передал ответ на послание российского президента. В нем сербский руководитель еще раз вернулся к теме возможного усовершенствования плана контактной группы. По-видимому, это произошло после внимательного изучения ельциновского письма.

Милошевич писал, что «еще большее значение имеют два оставшихся (кроме карты территориального разграничения. — К.Н.) вопроса в пакете, которые еще не определены и от которых в значительной мере зависит качество всего пакета. Первый вопрос — это вопрос конституционного устройства, которое должно быть достаточно свободным, чтобы не повредить праву на самоопределение ни одного из трех народов в бывшей Боснии и Герцеговине. Второй вопрос — это вопрос о снятии санкций, который должен быть радикально решен в этот, как я считаю, самый подходящий момент, таким образом, чтобы санкции были сняты в кратчайший срок — как раз так, как Вы пишете в Вашем письме»(12).

В тот же день на вилле в Дединье, престижном районе Белграда, где нас разместили, состоялась еще одна встреча — с президентом Республики Сербская Краина Миланом Мартичем. Она показала, что краинские сербы были настроены крайне непримиримо и выступали исключительно за независимость с последующим присоединением к другим сербским землям. Никакие компромиссные варианты их не устраивали. Промежуточным решением представлялось М.Мартичу лишь консервация положения, то есть выход на своего рода «кипрскую модель». Вся беседа проходила в присутствии доверенных лиц С.Милошевича, и нам показалось, что лидера краинских сербов это изрядно тяготило.

На другой день, несмотря на продолжавшиеся неоднократные уговоры не ехать, мы отправились в Пале, которое и было основной целью нашей поездки. Ведь давать ответ по карте контактной группы, отдавать часть своей территории надлежало именно боснийским сербам и никому другому.

Находящееся примерно в четырех-пяти часах езды от Белграда, Пале представляло собой живописное место в предгорьях, где жители Сараево имели свои дачи, а во время зимней Олимпиады проходили соревнования по горным лыжам. По улицам городка бродили коровы и овцы, бегали собаки, и трудно было поверить, что это и есть военная столица сражающегося самопровозглашенного государства. На некий партизанский штаб походила и резиденция Р.Караджича, где собирались его политические друзья и толпились вооруженные бородачи в «камуфляже», журналисты, местные жители и т.д. И все-таки в этом хаосе был определенный и довольно четкий порядок.

Конечно, основная заслуга в его наведении принадлежала президенту Республики Сербской Радовану Караджичу. Ему было 49 лет. Будущий лидер боснийских сербов родился в Черногории, а свое происхождение вел чуть ли не из рода знаменитого сербского просветителя и реформатора литературного языка Вука Стефановича Караджича. Затем семья переехала в Боснию. Там Р.Караджич и вырос, окончил медицинский факультет Сараевского университета по специальности психиатрия. В 17 лет он вступил в коммунистическую партию, но в 1968 г. был из нее исключен за участие в студенческом движении. Несколько месяцев за свое вольнодумство сидел в тюрьме, но обвинение по обыкновению было не политическим, а уголовным — якобы обнаружилось махинации вокруг строительства его дачи в Пале. Дело было закрыто за недоказанностью обвинений, но сам Караджич с тех пор оставался своего рода диссидентом, общаясь с такими же, как он, сараевскими интеллектуалами.

Тем не менее, до войны Р.Караджич был вполне зажиточным, преуспевающим человеком, так как, кроме работы в главной боснийской клинике, имел еще вместе с женой Лилянкой хорошую частную практику. Занимался также групповым психоанализом, в том числе со спортивными командами. Одновременно пробовал свои силы в поэзии, издал несколько сборников стихов, в том числе для детей. Активной политической деятельностью Караджич занялся в 1989 г., когда стал председателем Сербской демократической партии в Боснии. Он был основателем и первым президентом Республики Сербской.

Мне всегда казалось невероятным, что кучка сербских интеллигентов из Сараево во главе с Караджичем смогла организовать и повести за собой полуторамиллионную крестьянскую массу, создать впервые после Твртко I сербское государство в Боснии. К слову, из двух вице-президентов РС один — Н.Колевич был филологом, крупным специалистом по творчеству В.Шекспира, другая — Б.Плавшич — профессором-биологом. Известным ученым, знатоком немецкой классической философии был министр иностранных дел А.Буха, а специалистом в области государственного и международного права его заместитель Р.Лукич. Похожей биографией обладали и другие руководители боснийских сербов. Их было совсем немного, квалифицированных кадров катастрофически не хватало. Например, в министерстве иностранных дел фактически было всего человек пять, имевших

определенный потенциал и подготовку для данной работы. И все-таки, в отличие от единой Боснии, Республика Сербская была реальностью.

Р.Караджич производил впечатление внимательного собеседника, человека относительно мягкого (по крайней мере по сравнению с другими лидерами боснийских сербов), иногда даже по-интеллигентски нерешительного. Он был человеком верующим и по-настоящему, без показухи расположенным к России и русской культуре. Как и у всех вождей «первой волны», у него не было никакой бюрократической чванливости. Все свои письма и другие документы он писал сам, не стесняясь иногда спросить совета у присутствовавших. Но вместе с тем, по его высокой фигуре и пышной шевелюре на гордо поднятой голове было видно, что он хорошо понимает, что уже вошел в историю своего народа.

Наученные горьким опытом общения с российскими дипломатами, боснийские сербы приняли нас довольно настороженно. У них была непримиримая позиция по карте разграничения, и они наперебой стали излагать нам свои претензии. И дело было не в процентах, а в качестве территорий. Караджич на наших глазах прочертил шариковой ручкой отличные от контактной группы внутренние границы Боснии в той же пропорции 49 на 51 процент и попросил передать получившуюся карту Ельцину, объяснив, что эта одна из возможных карт, с которой он готов немедленно согласиться.

Руководители боснийских сербов требовали также, чтобы им показали и другие элементы мирного плана, по крайней мере — проект конституционного устройства Боснии и Герцеговины. В позиции боснийских сербов была логика, ведь в противном случае их фактически принуждали согласиться на «кота в мешке». Они жаловались на российских дипломатов, просили не оставлять их одних, а консультировать и заступаться на переговорах (куда они не были даже допущены).

Спорить с такими доводами было трудно, да и не хотелось. Мы сами рассуждали подобным образом, готовя материалы к поездке. Надо было искать выход из положения. Почти восемь часов обсуждали мы создавшуюся проблему. С предложенной картой нельзя было соглашаться, но нельзя было и отказываться. Нельзя было даже давать ответ по формуле «да, если...», что заранее считалось отказом. Поэтому ответ решили искать по

формуле “да и...”. Ю.Батулин, уединившись с Караджичем в соседней комнате, набросал даже с ходу проект резолюции для скупщины (парламента) Республики Сербской. Мне представляется, что сделал он это в своем стиле — тонко и изящно. Все пожелания им были вынесены в преамбулу, в постановочной же части никаких «если» не было, хотя и там была дополнительная страховка от развития событий в нежелательную для сербов сторону.

Вот этот уникальный документ:

«Стремясь к установлению и сохранению мира;
уважая усилия международного сообщества по урегулированию кризиса в Боснии и Герцеговине;

сознавая, что карта разграничения конфликтующих сторон является неотъемлемой частью конституционного соглашения, которое еще предстоит согласовать и подписать;

будучи убежденными, что ратификация данного соглашения должна быть проведена строго в соответствии с конституционной процедурой Республики Сербской;

имея в виду имеющиеся договоренности по взаимному обмену территориями и уточнению линии разграничения, в том числе Декларацию « _____ » от « _ » _____ 199 г.;

констатируя, что фактическая линия разграничения устанавливается посредством физической демаркации на основе общепринятых в демократическом обществе форм народного волеизъявления;

предполагая, что фиксация линии разграничения должна осуществляться специальной группой, создаваемой на паритетных началах, и под международным контролем;

учитывая, что для установления правового режима внешних границ, Республика Сербская должна иметь возможность заключения международно-правовых соглашений;

подразумевая, что подписание (парафирование) карты разграничения, подготовленной международной контактной группой, является в юридическом смысле фиксацией состояния, в котором начинается обсуждение конституционного соглашения, обязательного для представления на ратификацию,

парламент РС постановляет:

1. Предоставить Президенту РС Радовану Караджичу право подписать карту разграничения конфликтующих сторон, подготовленную международной контактной группой.

2. Поручить Президенту РС Радовану Караджичу вести переговоры по проекту конституционного соглашения, неотъемлемой частью которого должна являться карта разграничения, согласованная конфликтующими сторонами.

3. Представить парафированный текст конституционного соглашения на ратификацию парламента РС»(13).

Как и Милошевич, Караджич написал письмо президенту России. Причем, если послание Милошевича было, по-видимому, результатом работы его аналитиков, то Караджич написал его собственноручно, набрав текст минут за двадцать на персональном компьютере. К слову сказать, текст пару раз «смывало», так как в Пале выключалось электричество.

Р.Караджич писал: «... с большим удовлетворением имели возможность контактировать с Вашими сотрудниками.

Что касается плана контактной группы, то мы не хотим отвергать его в целом и будем пытаться в парламенте получить как можно более гибкую резолюцию. Однако настроение в нашем народе и парламенте полностью негативное, так как этот план не гарантирует сербскому народу минимум для существования и выживания. ... И так как конституционное решение не известно, а соответственно у сербского народа нет точной гарантии в отношении права на самоопределение и права распоряжаться собственной судьбой внутри предложенной Унии, то нам будет очень трудно убедить депутатов дать какой-либо позитивный ответ на предложенный план.

Поскольку это затрагивает судьбу целого сербского народа, а он, к сожалению, был не в состоянии влиять на разработку этого плана, то, возможно, было бы справедливым и необходимым, чтобы народ общепризнанным демократическим путем высказался о своей дальнейшей судьбе и тем самым о судьбе предложенного плана...

... предполагается присутствие в бывшей БиГ 50000 военнослужащих НАТО, а это, уверены, никак не может отвечать ни сербским, ни русским интересам.

Было бы хорошо, если нельзя найти справедливое решение для всех сторон, то найти решение, которое будет иметь равные недостатки для всех...

Разрешите еще раз, глубокоуважаемый Президент, попросить Вас быть с нами в тесном контакте, так как мы уверены, что сербский вопрос не может рассматриваться отдельно от судьбы России»(14).

Вернувшись в Москву, Ю. Батулин проинформировал о состоявшейся поездке главы МИДа А. Козырева: «... сообщаю Вам, что, выполняя задание Президента РФ, я возвратился из неофициальной поездки в Союзную Республику Югославию и Республику Сербскую в Боснии и Герцеговине.

В течение целого дня велись интенсивные переговоры с лидером боснийских сербов Р. Караджичем. Его достаточно непримиримую позицию по карте, предложенной контактной группой, удалось переломить, найдя формулу резолюции парламента боснийских сербов... То, что парламент Республики Сербской не дал сразу однозначно отрицательный ответ, косвенно подтверждает деятельность Караджича в нужном направлении. Не знаю, насколько резолюция парламента будет совпадать с предложенным выходом из создавшегося положения. Вы ее узнаете, наверное, раньше меня.

Поскольку мировое сообщество предупредило боснийских сербов давать ответ без всяких «если», это условие, по идее, должно распространяться и на решение Мусульманско-хорватской федерации. Если в резолюции парламента РС будут найдены какие-то оговорки, желательно отметить, что и мусульмане с хорватами дали ответ: поддерживаем, при условии сохранения территориальной целостности Боснии и Герцеговины.

Сербская сторона рассчитывает на поддержку России в закреплении в конституционном проекте для Боснии и Герцеговины права Республики Сербской на установление конфедеративных отношений с СРЮ... Во время бесед высказывалась неудовлетворение деятельностью МИДа РФ... От обсуждения данной темы я уклонился».

Получив батулинскую записку, А. Козырев был буквально взбешен. Прямо на полях чужого письма, забыв даже слово «уважаемый», он размашисто написал: «Надо информировать до, а не после...» (15)

Реакция Козырева на вторжение в его епархию была прогнозируемой. Менее ясным представлялось возможное решение скупщины боснийских сербов в городе Пале. Мы ждали его с понятным нетерпением. Наконец, стало известно и оно. В отношении предложений контактной группы парламента Республики Сербской постановил:

«Исходя из реальности, в соответствии с которой на территории бывшей БиГ существует два государства — Республика Серб-

ская (РС) и Мусульманско-хорватская федерация (МХФ) — Скупщина РС на своем заседании, состоявшемся 18-19 июля 1994 г., принимает декларацию, которую необходимо рассматривать как единый документ.

1. Скупщина не имеет возможности принять решение о мирном плане контактной группы, потому что:

а) Скупщине не известны все элементы мирного плана (принципы конституционного устройства, договор о прекращении враждебных действий, вопрос Сараево, вопрос выхода к морю, договор об осуществлении плана, договор о снятии санкций в отношении сербского народа);

б) над предложенной картой необходимо и дальше работать.

2. Скупщина выступает за прочный мир и дает полномочия делегации на продолжение переговоров.

3. Предложение контактной группы о территориальном разграничении может служить в значительной степени в качестве основы для дальнейших переговоров.

4. После переговоров Скупщина примет решение о мирном плане в целом. Она считает, что осуществление отдельных элементов мирного плана может начаться исключительно после принятия мирного плана по БиГ в целом.

5. Скупщина отклоняет возможность какого-либо присутствия иностранных вооруженных сил в регионе без ее предварительного согласия» (16).

Таким образом, парламент боснийских сербов уклонился от четкого ответа «да» или «нет». Мне его решение представлялось менее удачным, чем резолюция, предложенная Ю. Батуриным. Но, по-видимому, решение парламента Республики Сербской было тем максимумом уступок, на который боснийские сербы могли пойти, да и то только в результате подключения к переговорам лиц, к которым они испытывали доверие. По свидетельству очевидцев, атмосфера в зале заседания была очень напряженной. Но с самого начала Р. Караджич оборонил фразу о том, что решение парламента может стать сюрпризом для всех. Возможно, он имел в виду предложенный нами вариант действий. Но депутаты были единодушны — план не подписывать. Принятие в целом умеренного постановления произошло исключительно благодаря верхушке боснийских сербов, и стоило ей немалых усилий (17).

И хотя позже Запад оценил «декларацию» как отказ от мирного плана, ее все-таки можно было рассматривать как шаг навстречу мирному урегулированию. Боснийские сербы признали предложение контактной группы «в значительной степени в качестве основы для дальнейших переговоров», а подписать карту были согласны после согласования всего пакета мирного урегулирования. В их ответе можно было, кроме карты (пункт 1-б), насчитать еще шесть элементов мирного урегулирования (пункт 1-а). Правда, решение подписать мирный план в пакете фактически было их условием. И это противоречило ультиматуму международного сообщества.

С другой стороны, хотя ответ Мусульманско-хорватской федерации был признан в Женеве как безусловное «да», это тоже было не совсем так. Как упоминалось, МХФ высказалась за подписание карты территориального разграничения, но на предусмотренные планом контактной группы дальнейшие переговоры была согласна пойти лишь при условии сохранения целостности Боснии и Герцеговины. А это уже относилось к другому элементу мирного плана — принципам конституционного устройства.

Поэтому, если отойти от словесного обрамления, то можно сказать, что решения боснийских сербов и мусульманско-хорватской коалиции были во многом схожи. Только сербы хотели ясности по семи элементам мирного урегулирования, а их соперники — по двум. Казалось, что обрушивать за это на Республику Сербскую весь гнев и военную мощь мирового сообщества было по крайней мере неразумно.

Об этом же просил российского президента С.Милошевич: «Хотя руководство Республики Сербской (далее РС) под мощным давлением парламента и общественного мнения РС отступило от договоренности, которую я с ним достиг в ночь с 18 на 19 июля, все же пункт 3 принятой декларации, который только и относится к предложенной контактной группой карте, по-прежнему основывается на позиции, которую Вы мне рекомендовали занять: «принять в качестве основы»... Было бы хорошо, если бы российская дипломатия в этих условиях настаивала на том факте, что ответ в принципе является положительным, поскольку предложение контактной группы и представляет собой основу для того, чтобы в двусторонних переговорах пойти на дальнейшие изменения, обмена и т.д.» (18)

Но еще до того, как президент России получил это послание, у него побывал Ю. Батулин с отчетом о состоявшейся поездке. Нам было приятно, что сама поездка была названа хорошо подготовленной (и не только Б. Ельциным, но и Е. Примаковым), а ее итоги — высоко оценены. Радовало и то, что Ю. Батулину было поручено и далее не выпускать из вида югославское направление.

В тот же день у Б. Ельцина под впечатлением батутинского доклада состоялся нелюбезный разговор с главой МИДа, которому было указано на недостатки в работе. Через несколько часов после этого А. Козырев вызвал к себе на Смоленскую площадь корреспондента телевидения, которому заявил, что решение боснийских сербов по карте территориального разграничения представляет собой “определенный шаг вперед в деле боснийского урегулирования” (19). Тогда же Б. Ельцин решил для продолжения начатой работы направить в бывшую Югославию министра обороны России П. Грачева.

Однако, как скоро стало понятно, заявление А. Козырева диктовалось лишь конъюнктурными соображениями. На деятельность МИДа оно не оказало ни малейшего воздействия. Не были, в частности, использованы определенные расхождения между западными странами. Так, в отличие от США и Германии, Франция заняла в первые дни умеренную позицию: декларация парламента Республики Сербской — возможная база для продолжения процесса мирного урегулирования. А МИД Великобритании признал, что при выработке мирного плана контактная группа подверглась сильному давлению со стороны американцев и пошла у них на поводу. Не были использованы авансы, которые давали спецпредставитель Генерального секретаря ООН Я. Акаси и сопредседатель Женевской мирной конференции Д. Оуэн, заинтересованные в продолжении переговорного процесса между боснийскими сторонами.

Не было у российского МИДа и попыток сыграть роль посредников в налаживании, например, переговоров между президентами Сербии и Хорватии. Ф. Туджман был в них очень заинтересован и даже предпринимал в этом направлении определенные шаги. В отличие от А. Изетбеговича, он, естественно, не ставил условием переговоров с Югославией предварительное урегулирование в Боснии. Туджман добивался признания Республики Сербская Краина частью территории Хорватии и за это был го-

тов отдать прилегающий к Черногории мыс Превлаку, который запирает выход из Которской бухты Адриатического моря. Были и другие вопросы, которые могли решить два президента и сдвинуть с места мирное урегулирование, направить его по несколько другому, чем намечалось, курсу.

Вместо всего этого А.Козырев решил командировать в Югославию своего заместителя В.Чуркина («в нагрузку» к П.Грачеву) с заданием оказать на С.Милошевича и Р.Караджича дополнительное «мощное воздействие» (причем, не требуя взамен никакого аналогичного давления Запада на мусульман и хорватов) (20). Логика МИДа была странной. Милошевич и так, без всякого давления извне, был крайне заинтересован в отмене санкций, делал для этого все, что от него зависело. В свою очередь и Караджич, принимая план контактной группы за основу (хотя и с оговорками), сделал, по-видимому, все что мог. Дополнительное давление на боснийских сербов неминуемо вело лишь к ожесточению их позиции, к возможному отказу от, на самом деле, трудного и болезненного решения.

Приходилось привыкать постепенно к изощренным приемам козыревской дипломатии, даже осваивать некоторые из них для пользы дела. Так, позже мы, по примеру Козырева, когда это только от нас зависело, всегда рекомендовали посылать вместе с ним еще и министра обороны. Связка Козырев-Грачев в югославских делах стала со временем довольно устойчивой. Российского министра иностранных дел она явно тяготила, но зато всем остальным было спокойнее. И надо сказать, что далеко не столь блестяще образованный, как А.Козырев и другие высокопоставленные дипломаты, П.Грачев последовательнее и активнее многих из них отстаивал российские интересы в боснийском урегулировании.

П.Грачев и В.Чуркин также взяли с собой в Югославию послания от Б.Ельцина С.Милошевичу и Р.Караджичу. Они были подготовлены МИДом, но несколько скорректированы после критики Ю.Батуриным первоначальных очень резких проектов. Тем не менее позиция российской дипломатии в них просматривалась довольно четко.

Президент России писал С.Милошевичу, названному, правда, почему-то президентом Сербской Республики (по-русски название гособразования боснийских сербов не устоялось: иногда его называли Республикой Сербской, а иногда Сербской Республи-

кой. — К.Н.): «Я принял решение о направлении для встречи с Вами П.С.Грачева, чтобы исключить всякую неясность в отношении оценки нынешнего момента... Ответ боснийских сербов принять за согласие никак не получается. Питать каких-либо иллюзий на этот счет не стоит... Все оговорки Караджича могут обсуждаться после четкого положительного ответа по карте... Ваше содействие необходимо для того, чтобы Р.Караджич, другие сербские руководители откликнулись на мой призыв дать принципиальный положительный ответ на предложения контактной группы»(21).

В таком же духе было составлено и послание Р.Караджичу, которое, судя по всему, являлось первым непосредственным обращением российского президента к лидеру боснийских сербов: «По нашему твердому убеждению, план контактной группы следует принять... Вы должны понять, что время работает не на Вас. Затяжка с установлением мира принесет лишь новые страдания. Ценой немалых усилий нам удалось убедить партнеров не воспринимать ответ, данный Вами контактной группе, как окончательный. ... есть еще возможность скорректировать его»(22).

И все же П.Грачев пытался продолжать проводить в Югославии ту политику, основы которой заложил Ю.Батуриин. На переговорах с Р.Караджичем в Белграде министр обороны России (В.Чуркин по существу играл роль статиста, и боснийские сербы не хотели с ним даже встречаться. — К.Н.) в обмен на подписание карты контактной группы обещал руководству Республики Сербской:

1. Отмену санкций в отношении СРЮ.
2. Предоставление конституционного устройства БиГ.
3. Предоставление РС выхода к Адриатическому морю.
4. Равнозначный обмен анклавными территориями.
5. Обеспечение безопасного существования Посавинского коридора (шириной в 6-10 км. и глубиной в 100 км.)(23).

Он также жестко возражал против планов замены миротворческих сил ООН на войска НАТО. Как заявил П.Грачев, Североатлантический союз «не является еще миротворческой организацией»(24).

Чуть позже Р.Караджич так оценил визиты Батурина и Грачева: «Я получил от Ельцина гарантии будущей помощи со стороны России, гарантии нашего послевоенного развития в духе политического и экономического сотрудничества с Россией.

Если бы не было этого послания от президента России, я не уверен, что мы вообще пошли бы на диалог»(25). Активностью России в те дни были не на шутку встревожены американцы. Они заговорили даже, что для восстановления потерянной ими инициативы, которая перешла к русским, потребуется 2–3 недели.

Результаты переговоров с П. Грачевым, а также послание президента России были рассмотрены на закрытом заседании скупщины Республики Сербской 27 и 28 июля 1994 г. На этом заседании было принято специальное заявление, которое дополняло декларацию парламента от 19 июля. Как и раньше, в заявлении не было сформулировано однозначного ответа «да» или «нет». Говорилось лишь о дальнейшем переговорном процессе для (1) доработки карты территориального разграничения, (2) предоставления боснийским сербам права на самоопределение, (3) межобщинного разграничения г. Сараево и прилегающих к нему районов, (4) обеспечения выхода Республики Сербской к Адриатическому морю, (5) заключения договора о прекращении враждебных действий, (6) отмены санкций в отношении СРЮ.

Парламент боснийских сербов считал, что для продолжения мирных переговоров существуют все условия. Однако в случае выдвижения новых ультиматумов он уполномочивал своего председателя М. Краишника объявить референдум для выяснения отношения народа к предложению контактной группы. Этот референдум должен был пройти под контролем международных наблюдателей(26).

Одновременно парламент принял обращение к президентам Б. Ельцину и С. Милошевичу, в котором говорилось, что, уважая их пожелания и предложения, депутаты вновь рассмотрели свою позицию в связи с мирным планом. Они пришли к выводу, что контактная группа очень плохо выполнила свою работу и, «если бы не было рекомендаций от вас, самых близких нам президентов», сотрудничество с ней было бы прекращено. «Согласие с незавершенным и неизвестным мирным планом стало бы началом конца сербского народа на тех территориях, где он веками проживал, первым шагом к национальному самоубийству»(27).

В беседе с журналистами Р. Караджич сказал: «Я думаю, что мы каким-то образом все же примем план контактной группы, но в качестве условия потребуем пояснений и дополнительных предложений, касающихся деталей территориального размежевания и обеспечения мировым сообществом независимости и суверенитета Республики Сербской»(28).

Тогда же 29 июля состоялась новая встреча С.Милошевича с Р.Караджичем и военным руководством боснийских сербов. Лидеры РС заявили, что подпишут план контактной группы, если министры иностранных дел держав, входивших в контактную группу, на встрече в Женеве 30-31 июля предоставят боснийским сербам право на установление формы государственности как внутри Боснии, так и в отношениях с соседними странами, в том числе с Югославией. Они требовали также твердых гарантий начала процесса снятия санкций против СРЮ и их полной отмены после отвода войск боснийских сербов на определенные планом границы(29).

Вся эта борьба накануне новой женевской встречи министров иностранных дел стран контактной группы и лидеров противоборствовавших сторон не оказала на российский МИД никакого воздействия. Фактически решение российской дипломатией уже было принято. Это подтверждает и то, что еще перед поездкой А.Козырев запросил у президента разрешение на «выработку позиции по приемлемому для России объему возможных дополнительных санкций в отношении СРЮ»(30). Сходные по смыслу идеи озвучил и вылетавший в Женеву В.Чуркин: «После того, — заявил он, — как боснийские сербы отвергли мирный план контактной группы, придется, как это ни больно, рассматривать вопрос об ужесточении санкций против Югославии и усилении режима «зон безопасности» вокруг шести городов в Боснии»(31).

На встрече в Женеве были подготовлены две резолюции для Совета Безопасности ООН — на случай отказа или согласия боснийских сербов подписать карту территориального разграничения Боснии и Герцеговины. В первом варианте предусматривалось новое ужесточение санкций против СРЮ. Во втором варианте — поэтапное снятие антисербских санкций. Сначала — разрешение на полеты самолетов гражданской авиации в Белград и Подгорицу, а также приостановка ограничений на участие сербов в спортивных, научных и культурных мероприятиях. Это смягчение должно было действовать 180 дней с возможным продлением, если к тому времени боснийские сербы отведут войска на предусмотренные картой контактной группы границы. Снятие всех ограничений — после признания СРЮ независимости и территориальной целостности Боснии и Герцеговины и Хорватии. Но вторая резолюция была лишь призвана

создать видимость объективности. Как мы показывали, решение парламента боснийских сербов уже априори было признано державами контактной группы, включая Россию, как отказ от мирного плана.

Таким образом, гарантии, даваемые Б.Ельциным боснийским сербам через Ю.Батурина и П.Грачева (отмена санкций, благоприятное конституционное устройство для Республики Сербской, обеспечение ее выхода к Адриатическому морю, равнозначный обмен анклавами и расширение Посавинского коридора), не получили в Женеве никакого отражения. Более того, к вопросу о снятии санкций вдруг примешалась проблема урегулирования в Хорватии, хотя вводились они исключительно в связи с ситуацией в Боснии. Так можно было бесконечно увязывать снятие санкций со все новыми и новыми условиями, например, с проблемами Косово.

Сразу после Женевы А.Козырев полетел в Белград, чтобы очередной раз убедить Милошевича оказать давление на боснийских соотечественников. Самолет Козырева приземлился на военном аэродроме, и сразу оттуда глава российского МИД отправился в загородную резиденцию. Отдохнув и поохотившись с сербским президентом, А.Козырев заявил, что «Слободан Милошевич действительно выступает за принятие плана, и теперь весь вопрос только в том, хватит ли у него политической воли, чтобы склонить к этому же боснийских сербов»(32).

В какой-то степени дни, проведенные с А.Козыревым, оказались для С.Милошевича моментом выбора. С одной стороны, была линия, начатая Ю.Батуриным и поддержанная П.Грачевым, которую мы назвали альтернативной моделью боснийского урегулирования. Это позиция проводилась в те дни довольно настойчиво. Достаточно сказать, что только с 21 июля по 4 августа 1994 г. президенту России было передано семь развернутых записок по боснийскому урегулированию, то есть в среднем по одной записке в два дня. Вряд ли по какой другой проблеме он получал в то время столько информации и конкретных предложений.

С другой стороны, существовала прозападная, козыревская линия. Конечно, возможностей у главы МИДа было несравненно больше, чем у его оппонентов. Именно он осуществлял внешнюю политику, вел все переговоры, и ему практически ничего не стоило подписать любой документ у Б.Ельцина. По-видимо-

му, измученный санкциями Милошевич посчитал визит Батурина лишь эпизодом, а точку зрения Козырева — официальной российской позицией. Тем более, что и сам Козырев не уставал повторять, что именно он проводит президентскую внешнюю политику. В этом смысле С.Милошевича можно было понять.

Хотя, на наш взгляд, он явно поспешил и не до конца разобрался в ситуации, не извлек из нее максимум возможного. Более того, это была серьезная, может быть, роковая ошибка. Борьба вокруг югоурегулирования в российских верхах еще только начиналась. Да и на Западе не было еще такого агрессивного антисербского единодушия, как в конце войны. Ситуация не была безнадежной, и можно было попытаться выйти из нее хотя бы с минимальным ущербом. Вместо этого было решено сразу и бесповоротно сдать все позиции. С.Милошевич посчитал, что, порвав с боснийскими сербами и провозгласив себя «фактором стабильности» и «гарантом мира» на Балканах, ему удастся локализовать давление Запада на сербов Хорватией и Боснией. Но было ясно, что это даст лишь временную передышку, что остаться в стороне Югославии и самому Милошевичу не удастся.

Итак, под влиянием А.Козырева, обещавшего помощь в снятии санкций, С.Милошевич резко поменял свой курс. Он фактически не только отказался от помощи западным сербам, не по своей вине оказавшихся за пределами Сербии, но даже согласился оказывать на них необходимое для Запада давление. Какие-то интересы у него оставались, возможно, только к Восточной Боснии и Восточной Славонии, то есть к районам, примыкавшим к Сербии и находившимся соответственно под контролем боснийских и краинских сербов. Но даже на эти территории президент Сербии уже, похоже, был готов махнуть рукой.

После встречи с Козыревым он отправил руководителям боснийских сербов очень резкое письмо, в котором ультимативно потребовал немедленно принять план контактной группы. По его словам, и по вопросу о «неизбежных изменениях карты», и по вопросу сохранения «территориальной целостности и суверенитета Республики Сербской» уже даны «публичные гарантии России», а потому нет причин не подписывать план. Если же руководители боснийских сербов откажутся, то Югославия прервет с ними все отношения, так как это будет означать «самое большое предательство сербских национальных интересов». «Вы не имеете права, — писал С.Милошевич, — больше ждать, прими-

те решение о согласии с планом. Этого требуют интересы государства и народа»(33).

Надо признать, что наша активность в какой-то степени сыграла с президентом Сербии злую шутку. На обещанной нами помощи активно спекулировал МИД, который в дальнейшем не ударил палец о палец, чтобы ее реально оказать. В этом плане боснийские сербы о положении в России были информированы лучше. И они понимали, что обещанные гарантии ничего не стоят, пока не будут хоть как-то зафиксированы в решениях контактной группы или других международных организациях.

Заметим попутно, что в самой Сербии далеко не все политические силы поддержали поворот в политике Милошевича. Кроме его правящей Социалистической партии, за подписание плана контактной группы выступали председатель Сербской партии обновления В. Драшкович и лидеры ряда мелких демократических партий, типа Гражданского союза Сербии (В. Пешич). Они считали, что государственные интересы сербов в Сербии и государственные интересы западных сербов не совпадают, и поэтому были против борьбы за объединение сербских земель. Скорее они испытывали ностальгию по распавшейся Югославии и строили фантастические планы ее воссоздания.

Против подписания плана были председатель националистической Сербской радикальной партии В. Шешель и два ведущих лидера демократической оппозиции З. Джинджич (Демократическая партия) и В. Коштуница (Демократическая партия Сербии). Так, последний справедливо считал воссоздание Югославии чистой утопией и был за образование сербского государства, охватывающего весь сербский этнический простор. Это государство, по его мнению, должно было существовать наряду с другими национальными государствами, уже возникшими на пространстве бывшей Югославии. Против поворота в политике Милошевича, отказа от помощи соотечественникам выступала влиятельная Сербская Православная Церковь. И даже руководители югославской армии и спецслужб восприняли новую политику без малейшего энтузиазма, а когда могли, то и саботировали ее.

На давно зревший разрыв с Р. Караджичем повлияли и личные мотивы. Лидер боснийских сербов стал превращаться в фигуру общесербского масштаба, в реального конкурента сербского президента. Кроме того, были, как упоминалось, идеоло-

гические расхождения. С.Милошевич и особенно его супруга М.Маркович никак не могли расстаться с коммунистическим прошлым. А руководители боснийских сербов демонстративно опирались на традиции «сербских белогвардейцев» — четников, на православную церковь, однозначно высказывались против социалистического, титовского наследия.

В итоге, как известно, решение боснийских сербов было признано в Женеве как отказ от плана контактной группы, поскольку не являлось безусловным «да». А югославское руководство 4 августа 1994 г. прервало все связи с Республикой Сербской и даже ввело против нее экономическую блокаду, перекрыв все границы.

Мы попытались объяснить побудительные причины решения С.Милошевича. Но нет объяснений, почему, за малым исключением, сербы в Югославии так равнодушно, так спокойно отреагировали на блокаду своих братьев, которые вели тяжелейшую борьбу за свое выживание на другом берегу Дрины. Даже к сербским беженцам из Боснии и Хорватии отношение было часто откровенно негативным. Конечно, это во многом вытекало из размытости сербского национального сознания в период титовской Югославии, из жесточайших экономических санкций. Но, думается, дело было и в другом, ведь сербский народ знал и более тяжкие испытания. Бывают моменты, когда непомерная тяжесть бедствий и лишений, отсутствие ясных целей и какой-либо перспективы ломают в народе что-то самое важное. Говоря словами великого русского историка В.Ключевского, по-видимому, «это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение»(34).

После переговоров в Женеве и Белграде российские дипломаты, посчитав дело сделанным, разъехались в отпуска. Возможность вести свою собственную игру в боснийском кризисе МИД не использовал. Более того, он взял на себя неблагоприятную роль навязывания плана контактной группы сербам Боснии руками сербов Югославии, вносить в их ряды раскол. Был здесь и своего рода парадокс. С одной стороны, от Милошевича требовали усилить давление на руководство боснийских сербов, с другой, заставили его ввести против них блокаду, что делало это давление проблематичным.

Наметившаяся эволюция в деятельности российского МИДа была весьма своеобразной. После изменения риторики, которая

в известной мере стала не такой антисербской, российская дипломатия в определенной степени активизировала и свою практическую деятельность. Однако самостоятельности у нее не прибавилось. С подачи Запада позиция российского МИДа стала все больше сводиться к усилению давления на боснийских сербов. Если раньше все сербы для российского МИДа были в общем-то националистами и агрессорами, то теперь их начали делить на «плохих» и «хороших». Первыми оказались сербы в Боснии, вторыми — в Югославии. По видимому, свою роль сыграла и внутренняя оппозиция. Прислушавшись к критике, руководители российской дипломатии решили, несмотря на идеологические разногласия, начать сближение с бывшим коммунистом С. Милошевичем. Но свято место пусто не бывает. Одновременно главным «агрессором и националистом» стал для них другой серб — приверженец, как сказали бы ранее, «капиталистического пути развития» Р. Караджич.

Оценивая ситуацию в бывшей Югославии в этот период, П. Волобуев и Л. Тягуненко писали, что «итог дипломатических усилий А. Козырева пока таков: сербы оказались обманутыми, а Россия из посредника между ЕС и сербами превратилась в их заурядного притеснителя». И второй момент. НАТО все настойчивее стала стремиться подменить ООН. По словам Р. Караджича, создавалось впечатление, «словно блок НАТО и существует из-за двух миллионов западных сербов»(35).

27–28 августа 1994 г. боснийские сербы на референдуме решительно отвергли предложенный им так называемый мирный план контактной группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мигранян А. Россия в поисках идентичности. М., 1997. С. 390.
2. Программа «Панорама» // Би-Би-Си. 1995, 31 октября.
3. Цит. по: Живкович Н. Интриги «Одиссея» // Советская Россия, 1996, 17 октября.
4. Цит. по: Пархоменко С. Балканская война — глазами дилетантов // Сегодня, 1994, 13 мая.
5. Предварительное соглашение о создании конфедерации между Федерацией Босния и Герцеговина и Республикой Хорватия.
6. Гуськова Е. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М., 1998. С. 135.

7. Дипломат Алексей Никифоров — однофамилец автора книги. Во избежание путаницы отметим, что в книге встречаются ссылки на статьи журналистов Андрея Батурина и Ивана Иванова, являющихся однофамильцами политиков Юрия Батурина и Игоря Иванова. Упоминается также генерал Геннадий Иванов.

8. Личный рабочий архив.

9. Милошевич С. — Ельцину Б. 1994, без даты.

10. О ней стало известно, когда мы уже вернулись. См.: сводки Интерфакса, 1994, 28 июля.

11. Ельцин Б. — Милошевичу С. 1994, 13 июля. Кстати, вопрос о союзнических отношениях или даже союзе с Югославией стал активно обсуждаться только в октябре 1998 г. в связи с событиями в Косово. После начала агрессии НАТО против Югославии в марте 1999 г. скупщина этой страны официально обратилась с просьбой о присоединении к Союзу России и Белоруссии.

12. Милошевич С. — Ельцину Б. 1994, 15 июля.

13. Проект резолюции скупщины Республики Сербской. 1994, 15 июля. Черновик проекта Ю. Батурина передал мне прямо в Пале для истории.

14. Караджич Р. — Ельцину Б. 1994, 15 июля.

15. Батурин Ю. — Козыреву А. 1994, 19 июля; Козырев А. — Батурина Ю. 1994, 20 июля.

16. Декларация Скупщины Республики Сербской. 1994, 18-19 июля.

17. Батурин А. Сербы показали миру розовый конверт. Мир теперь не знает, что с ним делать // Известия, 1994, 22 июля.

18. Милошевич С. — Ельцину Б. 1994, 20 июля.

19. Личный рабочий архив.

20. Чуркин В. — Батурина Ю. 1994, 21 июля; Батурин Ю. — Чуркину В. 1994, 22 июля.

21. Ельцин Б. - Милошевичу С. 1994, 26 июля.

22. Ельцин Б. — Караджичу Р. 1994, 26 июля.

23. Личный рабочий архив.

24. Батурин А. Боснийские сербы сказали «да» генералу Грачеву? // Известия, 1994, 28 июля.

25. Эйсмонт М. Радован Караджич намерен защитить Россию от НАТО // Сегодня, 1994, 2 августа.

26. Личный рабочий архив.

27. Там же.

28. Сводки ИТАР-ТАСС, 1994, 29 июля.
29. Личный рабочий архив.
30. Там же.
31. Юсин М. Виталий Чуркин: Сербь оказались в плену своих побед // Известия, 1994, 30 июля.
32. Личный рабочий архив; см. также: Щедрунова Е. Сербам опять дали отсрочку // Сегодня, 1994, 2 августа.
33. Личный рабочий архив.
34. Ключевский В. Исторические портреты. М., 1990. С. 65.
36. Волобуев П., Тягуненко Л. Критический этап югославского кризиса // Правда, 1994, 30 сентября.

Глава III

Признание равных прав

После вспышки дипломатической активности вокруг карты раздела Боснии, подготовленной контактной группой, наступило некоторое затишье. Интерес в России к югославским делам заметно ослабел. В этих условиях было необходимо сохранить возникшие контакты с руководством боснийских сербов, которое оказалось в полной изоляции и о позиции которого в российских верхах было известно чрезвычайно мало. А ведь именно от Республики Сербской зависела во многом судьба мирного урегулирования в Боснии и во всей бывшей Югославии.

Пришлось выстраивать собственную неформальную цепочку доставки информации из Пале в Москву и обратно. В этом мне очень помог представитель Республики Сербской в России Тодор Дутина, с которым мы, став добрыми друзьями, были в тесном, практически ежедневном контакте. Вначале он числился сотрудником посольства СРЮ в России, но затем, после введения Белградом блокады Республики Сербской, оказался на улице и должен был возвращаться домой. Тем более, что российский МИД его фактически игнорировал, предпочитая иметь контакты с представителем мусульманского руководства Боснии. Но мы все-таки помогли Т.Дутине остаться в России. Благодаря содействию столичного мэра Ю.Лужкова и личной энергии он позже создал и возглавил Гуманитарный и информационный центр Республики Сербской в Москве. Мы обдумывали с Дутиной необходимые, на наш взгляд, шаги руководства боснийских сербов. А уже он, чаще всего через работавших в России сербов, отправлял информацию в Боснию. Несколько позже в Москву стал часто прилетать министр иностранных дел Республики Сербской А.Буха. Возможности обмена мнениями, естественно, увеличились.

В Югославии я сотрудничал со своим старым приятелем Олегом Голубовичем, который в те годы был, если можно так сказать, политическим советником Р.Караджича на общественных

началах. Кстати, именно с Олегом мы организовали первый визит лидера боснийских сербов в Москву. Его помощь была неопределима, поскольку в военных условиях добраться самостоятельно до Боснии было довольно трудно, не было ни транспорта, ни бензина. О.Голубович помогал мне и в налаживании контактов с другими руководителями боснийских сербов, которых хорошо знал. Когда я приезжал в Белград, он, несмотря на дела, самочувствие и т.п., не говоря ни слова, сразу заводил свою машину, и мы мчались в Пале. А по дороге было время все детально обсудить и обдумать.

Хорошо помню, как невидимая граница между сербами по реке Дрина становилась все менее прозрачной, превращаясь постепенно в границу между двумя государствами с проверкой документов и таможенным досмотром. Затем появились и посты международных наблюдателей. Введение блокады против боснийских сербов со стороны Югославии показалось контактной группе недостаточным условием даже для частичного, чисто символического смягчения санкций. Она дополнительно потребовала от СРЮ размещения на границе с Боснией контрольных постов миротворческих сил ООН.

В очередной записке Б.Ельцину мы предлагали, чтобы контроль на пограничных переходах осуществляли военнослужащие из российского контингента. Причем, не просто так, а по специальному соглашению, заключенному на строго определенный срок между Россией и Югославией. Но это предложение не прошло. Фактически А.Козырев в очередной раз принудил Белград выполнить новое требование международного сообщества без всякой корректировки.

Российский МИД лишь предложил С.Милошевичу, чтобы эти посты назывались «гуманитарными». Естественно, что от такой игры словами мало что менялось. В любом случае представители западных стран получали возможность внимательно отслеживать ситуацию в СРЮ. Создавался также очень опасный прецедент, ведь теперь при желании можно было потребовать организации подобных наблюдательных постов в Косово, Санджаке (Рашке), на сербско-македонской границе и т.п.

Но вернемся к нашей «информационной цепочке». Фактически нам троим (Дутине, Голубовичу и мне) удалось обеспечивать бесперебойную связь Пале и Москвы вплоть до окончания боснийской войны. Достаточно сказать, что письма Р.Караджича

оказывались на столе у Б.Ельцина буквально в считанные дни. Такой оперативности могли бы позавидовать президенты великих держав. Важно было и то, что каждое письмо лидера боснийских сербов было хорошим поводом для написания очередной записки президенту России с изложением ситуации в бывшей Югославии и новыми предложениями по возможному реагированию. Хотя, конечно, это не могло заменить постоянного присутствия российских представителей в Республике Сербской.

Одно из первых писем Р.Караджича по созданной «цепочке» было доставлено нами в начале сентября 1994 г. Оно позволяет хорошо почувствовать обстановку того времени. Лидер боснийских сербов писал: «Пользуюсь этим случаем, чтобы от имени сербского народа Республики Сербской поблагодарить Вас за личное участие в нахождении политического решения и установления мира в бывшей Боснии и Герцеговине, в которой уже 29 месяцев продолжается гражданская война. От своего имени хочу особенно отметить тот факт, что ... Ваш личный представитель господин Батурин предоставил драгоценную информацию и дал советы, которые были нам очень полезны.

Однако должен сказать, что наши начальные идеи и позиции, возникшие на основе Ваших рекомендаций, инструкций и советов, не нашли отклика и понимания у членов контакт-группы. Мы уверены, что в этой организации главную роль при поддержке немца играл американский представитель и что все остальные ее члены в конце концов присоединились к американскому решению... Может показаться парадоксальным, но мы располагаем информацией, что американская сторона намеренно предложила полностью неприемлемые карты для сербов...

Среди нас существует общее убеждение, что судьба сербского народа неразрывно связана с русской судьбой. Это состояние духа, сформированное историческим опытом, дает мне право обратиться к Вам с просьбой, чтобы лично Вы, уважаемый господин Президент, включились еще более непосредственно в разрешение конфликта в бывшей Боснии и Герцеговине. В этом смысле я имею смелость сообщить Вам о наших дальнейших планах и намерениях и сделать определенные предложения...

Сведения и сообщения о положении дел в бывшей Боснии и Герцеговине, о поведении воюющих сторон и о позиции Республики Сербской имеют, как правило, некорректный характер. Это нанесло огромный ущерб сербской стороне. Поэтому думаем, что

было бы необходимо как можно скорее послать Вашу миссию в Республику Сербскую. Было бы очень полезно, если бы эта миссия состояла из трех человек: один офицер — военный представитель, один дипломат и один журналист, который непосредственно и постоянно помогал бы российским средствам массовой информации... Думаю, нет нужды говорить, что в моральном и политическом смысле для нашего народа значило бы присутствие российской миссии в Республике Сербской...

Несмотря на результаты референдума, я ожидаю, что международное сообщество будет настаивать на выполнении решений контакт-группы как на определенном рамочном соглашении, в границах которого необходимо продолжить дипломатический и политический процесс. В связи с этим мы уже выражали готовность после удовлетворения наших минимальных требований участвовать в этом мирном процессе.

Прежде всего речь идет о праве на самоопределение. Это право дано всем народам в бывшей Югославии, кроме сербов, и каждый из них реализовал это право и создал собственное национальное государство, за исключением сербов, оставленных в бывших югославских республиках — Хорватии и Боснии и Герцеговине. Нелогично и неприемлемо, когда хорваты и мусульмане в бывшей БиГ как два суверенных народа создают общее федеративное государство, а затем — и конфедерацию с Хорватией, а сербам в Республике Сербской отказано и в одном, и в другом. Одновременно такие международные документы, как Сен-Жерменский договор, Корфская декларация и многочисленные другие, а на их основе и была образована Югославия, гарантировали сербам к западу от реки Дрина те же права, которые хорваты и словенцы уже реализовали...

Если же говорить о блокаде Республики Сербской со стороны Югославии, то лично я убежден, что от этого трагического сербского раскола не выиграет даже тот, кто его осуществил. ... я был бы Вам глубоко признателен за шаги в направлении преодоления существующего положения. Было бы чрезвычайно полезно и эффективно, если бы Вы рекомендовали Югославии не идти дальше военных и политических санкций, так как санкции в виде разрыва экономических связей наносят ущерб и нам, и Югославии...»(1)

Мы поддержали просьбу лидера боснийских сербов о посылке в Пале российской миссии и даже подготовили соответствующую

щее поручение президента министру иностранных дел А.Козыреву. Но реализации оно, к сожалению, не получило. В то время не мы одни понимали важность присутствия в Республике Сербской российских представителей. Так, насколько мне было известно, эту идею поддерживал и побывавший в Югославии Е.Гайдар. (Надо признать, что в отношении сербов он, проживший несколько лет в Белграде, был настроен довольно объективно. Однако из всех российских радикальных демократов национально ориентированную позицию в вопросах югоурегулирования публично озвучивал лишь один Б.Федоров).

18 и 22 сентября 1994 г. Р.Караджич прислал еще два письма российскому президенту. Их общий смысл виден из содержания записки Ю.Батурина Б.Ельцину: «Республика Сербская сейчас в полной изоляции. Единственный канал тонкой связи остался у Караджича только с Вами. Конечно, он заинтересован его расширять. Отсюда его настоятельные просьбы посылки российского представителя в Пале (МИД РФ не согласен) и предложение о включение представителя РС в состав российской делегации на мирных переговорах по боснийскому урегулированию (реально речь может идти, наверное, только о представлении Россией интересов боснийских сербов)...

Главное: Караджич пишет, что согласен на компромисс, причем впервые фактически единственным его условием называет признание права РС на самоопределение, оставляя пока в стороне территориальные споры... Он справедливо вспоминает, что Россия уже давала гарантии обеспечить боснийским сербам это право в ходе мирного урегулирования, и просит президента РФ выступить с подобной инициативой.

На переговорах с Б.Клинтоном и Б.Бутросом-Гали (Б.Ельцин собирался тогда в США. — К.Н.) можно было бы обсудить эту очень значительную подвижку в позиции Караджича. То есть при подписании боснийскими сербами существующей карты территориального разграничения одновременно должна быть официально признана Республика Сербская...

... в настоящее время ряд авторитетных бывших государственных деятелей Франции, Великобритании и США (в частности, Киссинджер) предлагают Караджичу свои посреднические услуги с целью нахождения развязки боснийского кризиса. Караджич пока отказывается, так как хочет, чтобы в качестве посредника выступал только представитель России. Однако, учи-

тывая положение лидера боснийских сербов, долго отказываться он не сможет. России же важно вновь не оказаться на вторых ролях»(2).

Одновременно Р.Караджич заявил, что при сохранении собственных валюты, армии, полиции, законодательства и самостоятельной внешней политики он согласен на «Унию по европейскому типу» с Мусульманско-хорватской федерацией(3).

Мы настолько «завалили» Б.Ельцина информацией о Боснии и, в частности, о лидере боснийских сербов, что в Нью-Йорке он, давая интервью, сказал, что встречался только что с Р.Караджичем. Сейчас уже не помню, с кем он его перепутал. Но тогда это вызвало изрядный переполох. Все знали, что президент Республики Сербской сидит в полной изоляции в своей резиденции в Пале и никак не может оказаться в Америке.

Тем не менее, ситуация становилась все более ясной. Мирного урегулирования можно было достичь уже в тот период, добавив к карте контактной группы хотя бы еще один элемент мирного плана — конституционное устройство Боснии и Герцеговины. Разумеется, оно должно было базироваться на принципе равных прав двух боснийских государственных образований. Это все больше понимали и европейские представители в контактной группе. На их переговорах с С.Милошевичем были подтверждены международные гарантии безопасности внутренних межобщинных границ в БиГ, возможность территориальных обменов и главное — право Республики Сербской на конфедеративные связи с Югославией. Однако против последней договоренности резко выступил представитель США(4).

В этот момент Б.Ельцину пришло еще одно письмо от Р.Караджича. Лидер боснийских сербов писал: «Принимая во внимание, что до сих пор ни один серьезный шаг мы не предпринимали, не ставя Вас в известность, я чувствую необходимость оповестить Вас первым из всех других о том, что мы очень близко подошли к окончательному решению об отказе в гостеприимстве силам ООН...

К сожалению, Ваши представители по проблемам мирного урегулирования в бывшей Боснии и Герцеговине и представители в контакт-группе как будто глухи и к Вашим советам, и к сербским требованиям. Ни одно сербское требование не было учтено.

Обстановка здесь изо дня в день ухудшается. Силы ООН изо дня в день все больше ведут себя пристрастно — как союзники мусульман. Более того, они этого даже не скрывают. После ужасной резни, учиненной над двадцатью сербами в демилитаризованной зоне около Сараево, генерал М.Роуз откровенно заявил, что «силы ООН — не беспристрастны, так как они посланы на помощь стране — члену ООН»... Нисколько не лучше положение и в том, что касается НАТО. В ее поведении, как и в поведении сил ООН, все больше оккупационных и все меньше миротворческих элементов.

Применение двойных стандартов с целью нанести ущерб Республике Сербской — все очевиднее. И Вы сами можете заметить, что нелогично мусульманам и хорватам иметь право на федеративную связь между собой и конфедеративную с Хорватией, а сербам из Республики Сербской не иметь права даже на конфедеративную связь с сербами из Сербии...

Но перед тем, как мы примем окончательное решение, мы бы хотели услышать Ваше слово...»(5)

Не все обращения Р.Караджича были бесплодны. Капля камень точит. И на другой день нам совместно с запиской на имя Б.Ельцина удалось подготовить поручение президента России А.Козыреву, которое, наконец, было подписано. Эта была важная победа.

Вот текст того поручения: «На очередном заседании контактной группы в Нью-Йорке поставить вопрос о конституционном устройстве Боснии и Герцеговины. Наша позиция — при подписании боснийскими сербами мирного плана они должны получить право на конфедеративные отношения с Югославией. До рассмотрения этого вопроса рекомендовать Р.Караджичу (возможно, через назначаемого нового спецпредставителя Президента РФ) воздерживаться от требования к силам ООН покинуть территорию Республики Сербской. Информировать, что письмо получено и внимательно рассмотрено»(6).

Право Республики Сербской установить конфедеративные отношения с Югославией действительно было рассмотрено среди других вопросов на состоявшемся через два дня заседании контактной группы в Нью-Йорке.

О том, как проходила дискуссия, видно из отчета российской делегации. Приведем интересующий нас пункт: «Право боснийских сербов на конфедерацию». В нем говорилось: «Мы решитель-

но поставили этот вопрос, заявив, что без его решения невозможно мирное урегулирование в БиГ. Европейцы нас поддержали, уточнив дополнительно, что именно на условии равенства прав народов БиГ они поддержали создание Федерации, да и сам мирный план КГ.

Только американцы по-прежнему против публичного заявления от имени КГ о равенстве прав. Они признают, что этот пункт адекватно отражен в рабочем документе КГ, переданном сторонам 20 июля с.г. Они не возражают в принципе против такого подхода. Однако они считают неприемлемым в настоящий момент заявления КГ об этом, поскольку это помешает им в работе с Федерацией, которая и без того разваливается, а также, по их мнению, явится слишком щедрым подарком для Пале. Все же удалось условиться, что до конца месяца будет сформулировано заявление КГ по этому вопросу (проект поручено подготовить нам)»(7).

Отказ от двойных стандартов, подтверждение уже достигнутых договоренностей цинично трактовались американцами как «слишком щедрый подарок» для боснийский сербов. Фактически в это время в деле боснийского урегулирования четко наметилось два пути: продолжение силовых методов (ужесточение блокады боснийских сербов, усиление режима охраняемых ООН «зон безопасности», воздушные удары НАТО, чрезмерные требования к СРЮ) или переход к традиционным принципам миротворчества, укрепление доверия и активная дипломатическая деятельность на местах. За смягчение силовых акцентов в юго-восточном кризисе в той или иной мере выступали представитель Генерального секретаря ООН Я.Акаси и европейская дипломатия. Даже в США Пентагон и разведка критиковали свою администрацию за чрезмерно жесткую политику по отношению к Республике Сербской. В то же время на саму администрацию давило республиканское большинство в конгрессе.

Агрессивная линия администрации и госдепартамента США побеждала и не давала продвинуться к мирному урегулированию. Американская дипломатия твердо выступала против конфедеративных отношений Республики Сербской и Югославии, против реального снятия или ослабления антисербских санкций. В Македонии и Албании американцы планомерно готовили «второй фронт» против якобы потенциальной сербской военной угрозы, наращивали военное присутствие, создавали ин-

фраструктуру, а в перспективе — военные базы. США также в одностороннем порядке отказались фактически соблюдать введенное Советом Безопасности ООН эмбарго на поставки вооружений боснийским мусульманам, заявив, что они перестают осматривать корабли, пересекавшие Адриатику.

И все это происходило в условиях нового мусульманского наступления в Боснии, начатого 23 октября из «зоны безопасности» около Бихача. В короткий срок сербы потеряли тогда около 250 кв. км территории, а США публично поддержали действия мусульман. Российский МИД (в отличие от негативной реакции Великобритании и Франции) опять промолчал, сделав вид, что ничего особенного не случилось. Более того, российская дипломатия по-прежнему была против размораживания любых контактов с боснийскими сербами. С резким протестом выступила только Государственная Дума, которая рекомендовала президенту и правительству «с учетом новой ситуации принять меры по нейтрализации деструктивных действий США» и «взвесить целесообразность включения данного вопроса в качестве экстренного в повестку дня Совета Безопасности ООН»(8).

Мы оценивали действия американцев как своего рода «пробный шар», как очередную попытку снизить порог допустимости военного вмешательства в конфликт. И если адекватной реакции не будет, то урегулирование в Боснии станет развиваться по силовому сценарию. Поэтому мы также рекомендовали Б.Ельцину предпринять некоторые шаги, в том числе поручить МИДу добиваться проведения специального заседания контактной группы. На нем было бы целесообразно согласовать усилия по прекращению военных действий и началу прямых переговоров о размене территориями между противоборствующими сторонами. Причем давление третьих стран на участников конфликта должно было быть исключено. Международному сообществу следовало признать свершившийся факт — раскол Боснии по этническому признаку и в соответствии с картой контактной группой(9).

Р.Караджич писал в те дни президенту России: «Разрешите прежде всего выразить огромную благодарность нашего народа России и Вам лично за оказываемую нам поддержку в условиях мусульманского наступления. Позиция России в поддержку равноправного отношения ко всем конфликтующим сторонам выражает совесть человечества...

...наши солдаты, обороняющие свои дома, борются храбро как никогда. Мы надеемся, что выдержим, хотя и находимся в изоляции и испытываем большие трудности.

Мы хотим, чтобы Россия еще больше включилась в урегулирование нашего кризиса. Как США стали гарантом при подписании конфедеративного соглашения между Республикой Хорватией и Мусульманско-хорватской федерацией из Боснии, так было бы правильно, если бы и Россия стала гарантом при подписании конфедеративного соглашения Союзной Республики Югославии и Республики Сербской. Полагаю, что с подписанием такого соглашения нет необходимости затягивать. Это стало бы новым ключевым моментом в разрешении кризиса. Может быть, следовало бы уже через несколько недель подписать в российском посольстве в Белграде протокол об этом, а само соглашение обязательно заключить в Москве в Вашем присутствии. После этого осталось бы завершить переговоры о границах. В этом вопросе мы готовы на компромиссы, но карта будущего территориального разграничения должна учитывать интересы трех народов, то есть справедливо распределить природные богатства...

Разрешите предложить Вам и усиление военного присутствия России в нашем регионе. США в конце этого месяца заключают военные соглашения с Хорватией, имеющие огромное значение для Балкан. Мы до сих пор не соглашались принять иностранные войска на своей территории, кроме российских частей в районе Сараево. Большее участие российских войск в регионе дало бы повод и для усиления политического и дипломатического присутствия России» (10).

К сожалению, несмотря на все наши усилия идея сербской конфедерации пробуксовывала. Тем временем представитель России вновь проголосовал на Совете Безопасности ООН за фактически антисербскую резолюцию № 958. Этой резолюцией был дан карт-бланш авиации НАТО бомбить уже не только боснийских, но и хорватских сербов из Республики Сербская Краина. Сфера действия НАТО вне зоны ее ответственности была еще больше расширена.

Естественно, что НАТО не преминула этим воспользоваться. 21 ноября (как раз, когда должен был заключаться договор о восстановлении экономических связей между Краиной и Хорватией) авиация Североатлантического блока разгромила единствен-

ный аэродром крайних сербов. 23 ноября воздушным ударам были подвергнуты военные цели боснийских сербов около «зоны безопасности» Бихач и их главный аэродром в Баня-Луке.

Все эти акции прикрывались заявлениями о вторжении сербов в «зону безопасности». Однако все, как упоминалось, началось с октябрьского наступления мусульман из Бихача и лишь затем сербы в контрнаступлении подошли к этой «зоне безопасности». Причем бои в ней вели и союзники сербов — мусульманское ополчение Фикрета Абдича.

Ф. Абдич играл в боснийском конфликте вполне самостоятельную роль. Этому способствовало его прошлое крупного предпринимателя, возглавлявшего в середине 80-х годов известную югославскую фирму «Агрокомерц». Фактически фирма Абдича давала работу и кормила весь Цазинский край. Жители края патриархально называли его «Баба» (по-тюркски — отец). В отличие от воинствующего фундаменталиста А. Изетбеговича, он был умеренным и прагматичным деятелем, не прерывавшим деловых связей ни с сербами, ни с хорватами. На первых многопартийных выборах в Боснии Абдич получил большинство голосов как кандидат главной политической силы мусульманской общины — Партии демократического действия. Однако затем, чтобы предотвратить междоусобицы, уступил Изетбеговичу пост председателя Президиума республики. Позже между ними раскол все-таки произошел (11).

Необходимо сказать несколько слов и про самого А. Изетбеговича. Ему было 70 лет, и он прожил бурную жизнь. Из всех лидеров государств и государственных образований, возникших на территории бывшей Югославии, только он никогда не был коммунистом. Наоборот, в годы войны молодой Изетбегович активно сотрудничал с великим муфтием Иерусалима Амином Аль-Хусейни и немецкими нацистами, помогая им создавать из боснийских мусульман 13-ю дивизию СС — так называемую «Ханджар-дивизию». Эта дивизия «отличилась» затем зверствами против сербского населения. Великий муфтий был личностью известной и своими доверительными отношениями с А. Гитлером, и воинственным антисемитизмом. Племянником муфтия был будущий лидер Палестинской автономии Я. Арафат.

После войны А. Изетбегович был приговорен в Югославии к трем годам лишения свободы как военный преступник. Во второй раз, в 1983 г. его осудили уже на 14 лет за подрывную дея-

тельность. Поводом для обвинения стало сочинение Изетбеговича «Исламская декларация. Программа исламизации мусульман и мусульманских народов» (12). Фактически он выступил за распространение ислама на все стороны общественной и личной жизни людей и за создание исламского государства в Боснии, которое, в свою очередь, могло бы войти в единое исламское сообщество от Марокко до Индонезии. В 1990 г. Изетбегович вышел на свободу и стал председателем Президиума БиГ. Как правоверный мусульманин он уже в годы боснийской войны сочетался браком с четвертой женой.

Как мы уже говорили, Вашингтон откровенно становился на путь военного разрешения конфликта по формуле — отмена эмбарго на поставки вооружения мусульманам + вывод из строя ударами с воздуха сербского тяжелого вооружения и инфраструктуры. Причем, интересы России в этом регионе все больше и все демонстративнее игнорировались. В ответ МИД, неспособный предложить что-либо конкретное, заявлял только о возможности вывода из бывшей Югославии российского контингента миротворческих сил.

И все же обострение обстановки заставило Б.Ельцина отправить в Югославию А.Козырева. Любопытно, что послание российского президента С.Милошевичу готовило сразу два ведомства — министерство иностранных дел и министерство обороны. В результате получился странный симбиоз, в котором, судя по всему, преамбулу и заключение писали дипломаты, а содержательную часть — военные. Когда через полгода мы с Ю.Батуриным высказали такое предположение на встрече с военными коллегами, участвовавшими в подготовке послания, они это с удивлением подтвердили. Впрочем, особой причины удивляться не было. Текст говорил сам за себя.

«Развитие событий в Боснии, — писал президент России, — приобретает все более драматический оборот. Скажу прямо, первопричина — упорный отказ Караджича принять мирный план. Мусульманам не найти лучшего оправдания для наращивания активности в пользу военного решения с поддержкой извне. Еще больше усугубляет ситуацию неадекватные контратаки боснийских сербов. В этих условиях нам все труднее сдерживать США, да и европейских партнеров по Контактной группе (российские дипломаты всегда писали ее название с заглавной буквы. — К.Н.),

склоняющихся к силовым мерам и ультимативным требованиям к Белграду.

Шанс к развязке имеется. Его дает Ваша твердая линия на установление мира в БиГ. Сейчас выход один — сделать последний шаг, добиться от лидеров боснийских сербов любыми средствами немедленного согласия на мирный план. Это позволит продолжить отмену санкций в отношении Югославии. Ведь причины пробуксовывания этого процесса также в Пале, которое ни на шаг не сдвинулось со своей экстремистской позиции.

Предлагаю вместе сделать решительный шаг — в ультимативной форме потребовать принятия мирного плана Контактной группы при следующих наших гарантиях:

— боснийские сербы получают возможность конфедеративных отношений с СРЮ;

— обеспечивается также согласие Контактной группы на обмен территориями в БиГ в рамках пропорции 51/49;

— отдельно решается проблема коридора в районе Брчко с возможным размещением там российских миротворцев;

— в случае согласия руководства Пале на мирный план потребуем гарантированного и немедленного принятия в СБ ООН резолюции о приостановке санкций.

Думаю, в этих наших предложениях нет ничего нереального или невозможного. Пора, наконец, разорвать порочный круг, когда СРЮ лишена возможности нормально жить и развиваться, а Россия каждый раз ставит на карту свой авторитет.

Скажу без обиняков — это наша последняя попытка, и ее успех зависит от Вас. Если и эти усилия окажутся безрезультативными, мы официально поставим вопрос о выводе своего контингента и не станем препятствовать принятию жестких решений по БиГ в ООН и в рамках Контактной группы.

Направляю в Белград для разговора с Вами А.В.Козырева...»(13)

Как говорится, комментарий излишен. Повторение данных еще летом обещаний, конечно, было лучше, чем ничего. Но министерство обороны не смогло изменить общей направленности документа. Вновь появился ультимативный, менторский тон неумного начальника с нерадивым подчиненным.

И все же руководство МИДа не могло полностью игнорировать своих оппонентов внутри российской власти и, тем более, поручение президента России. 2 декабря 1994 г. это привело к важ-

ным результатам. На заседании контактной группы на уровне министров иностранных дел в Брюсселе фактически были признаны, наконец, равные права сторон в боснийском конфликте. Было подчеркнуто, что отношение к ним должно быть “сбалансированным”, “включая установление параллельных, особых отношений с соседними странами при условии, что это будет совместимо с целостностью Боснии и Герцеговины”(14).

Конечно, такое решение сильно запоздало, ведь война шла уже более трех лет. Была «в бочке меда и ложка дегтя». По сообщению «Нью-Йорк таймс», в ходе четырехчасового заседания госсекретарь США У.Кристофер отверг предложения российского министра иностранных дел А.Козырева пойти дальше и разрешить боснийским сербам рассмотреть возможность образовать конфедерацию с Сербией(15).

Логика здесь не было, а вновь были двойные стандарты. Не успев публично объявить о равных правах конфликтовавших в Боснии сторон, право боснийских сербов тут же вновь нарушили. Ведь надо иметь в виду не только то, что Мусульманско-хорватская федерация уже давно получила право на конфедерацию с Хорватией, но и то, что при подписании Вашингтонского соглашения никто согласия контактной группы или какого-либо другого международного органа, а тем более — сербской стороны не требовал. Все были просто поставлены перед фактом.

Правда, отвечая на вопрос корреспондента «Интерфакса», А.Козырев все же дал понять, что «равные права означают возможность для боснийских сербов вступать в конфедеративные отношения с Белградом, поскольку право боснийских мусульман и хорватов восстановить конфедеративные отношения с Загребом было зафиксировано ранее(16). Но эти слова российского министра иностранных дел не получили ни тогда, ни позже никакого практического развития. Для МИДа было важно формально отчитаться в выполнении президентского поручения. Поле этого должной настойчивости он уже не проявлял.

Другие члены контактной группы вообще о равных правах боснийских сторон благополучно забыли. Помощник американского госсекретаря Р.Холбрук откровенно говорил, что больше не нужно ездить в Пале, так как дела легче решаются в Белграде с Милошевичем. А на вопрос журналиста, почему он ведет переговоры с некогда «главным военным преступником», хладнокров-

но ответил: «Лучше всего торговаться с диктаторами, а не с демократами»(17).

И все же брюссельское решение было важной вехой в боснийском урегулировании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Караджич Р. — Ельцину Б. 1994, без даты.
2. Батурин Ю. — Ельцину Б. 1994, 25 сентября.
3. Личный рабочий архив.
4. Там же.
5. Караджич Р. — Ельцину Б. 1994, 14 октября.
6. Поручение А.Козыреву. 1994, 15 октября.
7. О работе контактной группы по Боснии. Нью-Йорк, 1994, 17-19 октября.
8. Заявление Государственной Думы Об односторонних действиях США, подрывающих режим эмбарго на поставки оружия в Боснию. М., 1994, 11 ноября.
9. Батурин Ю. — Ельцину Б. 1994, 12 ноября.
10. Караджич Р. — Ельцину Б. 1994, 16 ноября.
11. См.: Ермолович Н. В мусульманской общине раскол: провозглашена автономия Западной Боснии // Известия, 1993, 2 октября.
12. См., например: Югославия в огне. Документы, факты, комментарии. 1990-1992. М., 1992. С. 24-27.
13. Ельцин Б. — Милошевичу С. 1994, 24 ноября.
14. Указание для контактной группы Итогового документа министерской встречи контактной группы. Брюссель, 1994, 2 декабря.
15. Сводки ИТАР-ТАСС, 1994, 3 декабря.
16. Сводки Интерфакса, 1994, 3 декабря.
17. Avramov S. Op. Cit. S.417.

Глава IV

План действий «рабочего совещания»

1995 год противоборствовавшие в Боснии стороны встретили в условиях мира. Еще 18-20 декабря 1994 г. эту бывшую югославскую республику посетил с миротворческой миссией экс-президент США Дж. Картер. Ему удалось добиться от боснийских сербов и мусульман перемирия сроком на четыре месяца. Р. Караджич решил пожертвовать успешно развивавшимся контрнаступлением своих войск на анклав Бихач ради налаживания дипломатических контактов. К тому же, он получил заверения от бывшего американского президента в том, что при условии вхождения Республики Сербской в Унию двух равноправных боснийский гособразований сербы смогут года через два провести референдум по вопросу — оставаться ли им в единой Боснии или нет. Об этом же Дж. Картер говорил с лидером боснийских мусульман А. Изетбеговичем.

Одновременно Р. Караджич с нашей помощью продолжал забрасывать президента России все новыми и новыми посланиями. Он по-прежнему просил прислать в Республику Сербскую постоянную российскую миссию или хотя бы «посредника, подобно господину Картеру», с которым, объяснял Караджич, пришлось пойти на контакт, чтобы выйти из изоляции. В посланиях лидера боснийских сербов назывались различные имена российских посредников, в том числе Е. Гайдара. Президент Республики Сербской просил также, чтобы МИД разрешил встречаться с боснийскими сербами новому специальному представителю президента РФ по югоурегулированию А. Зотову.

Р. Караджич особенно благодарил Россию за то, что «сербская сторона в Боснии была полностью уравнена в правах с Мусульманско-хорватской федерацией». В те дни у него родилась идея сделать текст возможного Московского соглашения о конфедеративных отношениях между Республикой Сербской и Югославией абсолютно, слово в слово, идентичным тому месту Вашингтонского соглашения, где говорилось о праве Мусульманско-хор-

ватской федерации на конфедеративные связи с Хорватией. Поменять следовало лишь названия договаривавшихся сторон. «И все это — в существующих рамках, без отбрасывания принципа плана контакт-группы».

«Для согласования плана подписания Московского соглашения с президентом Милошевичем было бы целесообразно, — писал Р.Караджич, — послать Вашего близкого сотрудника в Белград. Если разрешите дать Вам совет, то, верю, им мог бы стать г. Юрий Батулин, который хорошо знает ситуацию»(1).

О том, что Караджич настойчиво просил прислать в Пале известного российского политика в роли посредника, сообщал и вернувшийся из Боснии депутат Государственной Думы С.Бабулин. Кроме того, он считал, что России уже пора признать независимость Республики Сербской(2).

Тем временем дипломатическая активность вокруг югославского кризиса продолжала набирать обороты. 14 февраля в Париже контактная группа одобрила предложение Франции о комплексном решении всего югокризиса путем проведения новой международной конференции по бывшей Югославии. Конференция должна была пройти под эгидой президента Франции и с участием министров иностранных дел стран-участниц контактной группы. Накануне конференции предполагалось провести встречу президентов Сербии С.Милошевича, Хорватии Ф.Туджмана и лидера боснийских мусульман А.Изетбеговича. По существу французская инициатива развивала идеи, предложенные ранее американцами. На конференции планировалось добиться взаимопризнания от бывших югославских республик и подтверждения их согласия на разработанные мирные планы боснийского и хорватского урегулирования.

Фактически это означало, что все уступки по-прежнему требовали исключительно от Милошевича. Его же пытались вновь заставить повлиять на несговорчивых хорватских и боснийских соотечественников. Правда, в обмен президенту Сербии была обещана приостановка санкций сроком на два месяца. В отношении санкций были и более радикальные предложения, но против, как всегда, высказались американцы. В случае провала намеченного форума на повестку дня вставали бы вопросы о выводе миротворческих сил ООН из Боснии при поддержке войск НАТО и отмены эмбарго на поставки вооружений мусульманам.

Естественно, что таким поворотом событий не могли быть довольны сербы. Караджич возмущался тем, что его опять оставляли за бортом переговоров, несмотря на все заверения о равных правах. А Милошевич справедливо полагал, что взаимопризнание государств, возникших после распада бывшей Югославии, должно завершать, а не предопределять процесс разрешения югославского кризиса. Ведь сами американцы и европейцы (кроме Германии) уже заявили, что войну в Боснии вызвало поспешное признание ее независимости. Кроме того, после решения о блокаде боснийских сербов Милошевич ожидал снятия или по крайней мере более радикального смягчения санкций, а не появления новых требований.

С заданием убедить президента Сербии принять французскую инициативу в Белград вновь отправился А.Козырев. Причем американский госсекретарь У.Кристофер не преминул заявить, что возлагает на визит российского министра большие надежды. Он настолько контролировал весь процесс, что даже звонил А.Козыреву в Белград в российское посольство, но С.Милошевич к тому времени уже увез российского гостя в свою загородную резиденцию. Переговоры шли вперемешку с охотой и продолжались два дня — с 17 по 19 февраля. А.Козырев практически ничего не добился. Хотя в то время вокруг этих переговоров было немало слухов и спекуляций(3).

Переговорный процесс зашел в тупик, а перемирие в Боснии кончалось 30 апреля. (На месяц раньше, 31 марта заканчивался мандат размещенных в Хорватии миротворческих сил ООН). По мнению многих наблюдателей, боснийский кризис вступал в решающую фазу, чреватую возобновлением еще более масштабных военных действий. И все противоборствовавшие стороны усиленно наращивали свой военный потенциал, готовились к «весенней войне».

Особенно это касалось мусульманской общины. На деньги исламских стран и с помощью иностранных военных специалистов она проводила реорганизацию своей армии. США предоставляли мусульманам и хорватам разведывательные данные, связанные с дислокацией сербских войск. В Боснию постоянно прибывали добровольцы-моджахеды. Считалось, что их уже было несколько тысяч человек. Попутно заметим, что российских добровольцев, воевавших на стороне сербов, за все время войны было не больше нескольких сотен человек. Единовремен-

но их было, естественно, еще намного меньше. В незначительном количестве на стороне сербов воевали греки, болгары и т.п. Кстати, я встречал в Боснии и одного американского добровольца из Нью-Йорка по имени Джон, который был бойцом в отряде сербского полевого командира воеводы Алексича.

С февраля 1995 г. аэропорт города Тузла вопреки эмбарго каждую ночь принимал как минимум по два управляемых американскими экипажами транспортных самолета C-130 с оружием. Один из военнослужащих миротворческих сил ООН докладывал: «Мы заметили два реактивных самолета на высоте две-три и три-четыре тысячи футов, которые совершали полеты по кругу над аэродромом Тузла с включенными бортовыми аэронавигационными огнями, что было очень подозрительно. Позднее мы услышали шум транспортного самолета. Автомобиль сил ООН с экипажем норвежского контингента прибыл к воротам аэродрома, однако был остановлен под угрозой применения оружия. Солдатам удалось заметить на территории аэродрома грузовики мусульманской армии и стандартные контейнеры, используемые при десантировании грузов. ... Учитывая все обстоятельства, я твердо убежден, что операция проводилась американцами».

Штаб СООНО в Загребе допросил всех очевидцев инцидента и доложил в Нью-Йорк в штаб-квартиру ООН, что «15 февраля 1995 г., по нашей оценке, доставленный груз включал дорогостоящее современное оружие типа ПТУР последнего поколения или, возможно, ПЗРК...» Вскоре после этого инцидента один полковник мусульманской армии похвалил американское оружие, которое помогло ему в проведении наступления(4). Однако на все эти нарушения должным образом не реагировало ни мировое сообщество, ни российский МИД.

И напротив, положение находившихся в блокаде боснийских сербов становилось все более трудно. Раньше они всегда побеждали за счет лучшей выучки и маневренности. Но постепенно в их армии начинала сказываться нехватка горючего и современного вооружения. Баланс установившегося ранее военного равновесия смещался в сторону мусульман и хорватов. Кроме того, было похоже, что и американцы уже остановили свой выбор на использование силы в деле боснийского урегулирования. В том числе существовала реальная опасность, что, если вспыхнут новые военные действия, то миротворческие силы ООН окажут-

ся оттесненными в сторону командованием НАТО. Последствия этого могли быть крайне неприятными и для Республики Сербской, и для России.

Нам представлялось, что в таких условиях необходим новый визит Ю.Батурина в Белград и Пале. На этот визит, который был запланирован на 1-8 марта 1995 г, дал согласие президент Ельцин. И опять это произошло не без помощи Е.Примакова.

Главная идея поездки, в которую мы, как и в первый раз, собирались отправиться вчетвером (Ю.Батурин, К.Никифоров, В.Мушкаев и О.Петрин), состояла в зондировании позиций лидеров Югославии и Республики Сербской и стимулировании процесса их конфедеративного объединения. Нам представлялось это крайне важным, однако мы понимали, что добиться такого объединения будет не просто.

Во-первых, предстояло убедить российское руководство стать гарантом установления особых связей между Белградом и Пале. Здесь были определенные сомнения, особенно из-за противоборства МИДа. Но все-таки сам Б.Ельцин не возражал, и при сильном импульсе со стороны сербов все было возможно. Вторая трудность — углубление раскола между сербскими лидерами. Милошевич не мог простить того, что, как он считал, Караджич замахнулся на роль общесербского лидера. Президент Сербии даже начал в пику лидеру боснийских сербов заигрывать с начальником штаба армии Республики Сербской генералом Р.Младичем. В то же время шанс на примирение сербских руководителей был. Р.Караджич был искренне предан идее конфедерации, и даже говорил много раз, что готов после этого уйти в отставку, ибо дело будет сделано — Республика Сербская сохранится.

Мы предполагали, что Милошевич не может не задумываться о корректировке своей позиции. Нам казалось, что он должен понимать, что после Боснии будут появляться все новые и новые требования, которые никогда не кончатся, перекинутся на Сербию (Косово, Санджак/Рашку, Воеводину и т.д.), затронут Черногорию. И когда сербские территории будут низведены до размеров средневекового Белградского пашалыка, Запад будет стараться сместить уже его самого. Ведь, несмотря на поворот на 180 градусов, он все равно был в его глазах неисправимым коммунистом и главным виновником войны.

Мы хотели предложить С.Милошевичу свою логику. Не идти на поводу навязываемых ему решений, а все-таки попробовать

решить каким-либо способом сербский вопрос. Но решить его полностью и окончательно, гнаться одновременно за двумя зайцами (Республика Сербская и Республика Сербская Краина) не представляется возможным. Есть лишь два пути его промежуточного решения: объединение в той или иной форме Югославии и Республики Сербской или, в противном случае, Республика Сербская начнет объединяться с Республикой Сербская Краина.

В любом случае в центре одной или другой комбинации оказывались боснийские сербы. И они уже начали определяться. В условиях изоляции они еще в октябре 1994 г. договорились с краинскими сербами о координации действий в направлении достижения полной самостоятельности своих территорий. Руководители РС и РСК достигли также принципиальной договоренности, что при обострении обстановки обе самопровозглашенные республики объединятся в независимую «Западную Сербию». Нам представлялось, что этот путь чреват эскалацией насилия и что в отрыве от Югославии шансы всех западных сербов на выживание чрезвычайно малы. Кроме того, не было абсолютно никаких шансов, что такое объединение будет признано международным сообществом. Другой путь — конфедерация между РС и Югославией и автономия для РСК в составе Хорватии — казался нам более реалистичным и оптимальным. Этот путь был к тому же и более мирным, и на нем уже были достигнуты первые дипломатические успехи. Конечно, это было лишь частичное, но далеко не самое плохое решение сербского вопроса. И это было лучше, чем ничего.

Итак, основным вопросом переговоров с С.Милошевичем нам виделся вопрос о конфедерации между Югославией и Республикой Сербской. В качестве первого шага хотелось предложить смягчить или упразднить полностью введенные со стороны Югославии экономические санкции в отношении РС. Это было бы популярно и в самой Югославии. Конечно, С.Милошевич мог решиться на такой шаг только при гарантированной поддержке России. В этой связи предполагалось рассказать ему об идее заключения в Москве соглашения о конфедеративных отношениях между Югославией и РС (идентичного Вашингтонскому договору), об отношении к этой идее российского руководства; объяснить, что далеко не всегда политика А.Козырева является «президентской» или официальной российской внешнеполитической линией в отношении югокризиса.

В общих чертах разговор с С. Милошевичем должен был касаться также актуальной в том момент проблемы снятия санкций в обмен на взаимопризнание бывших югославских республик. Мы хотели посоветовать ему признавать не Боснию, а реальное положение дел в Боснии, то есть то, что в границах этой бывшей югославской республики, на которую он ни в коей мере не претендует, идет сложный процесс конституирования новых государственных образований. Признавать что-то больше — не логично. Признание Хорватии должно вообще было выводиться за скобки дискуссии, так как санкции вводились исключительно из-за Боснии. Поэтому главными вопросами намечаемой встречи в Париже руководителей Югославии, Хорватии и Боснии должны стать не вопросы взаимопризнания, а продление «картеровского» перемирия. Полезно было бы укреплять и другие меры доверия, способные обеспечить благоприятный фон для продолжения поисков разрешения кризиса.

В постановочном плане хотели поговорить и о Косово, где, возможно, стоило бы задуматься о восстановлении значительно урезанных автономных прав этого края, создании на его территории двух этнических кантонов. Косово нас очень беспокоило, и мы считали, что пока все заняты Боснией, можно попытаться сыграть на опережение, предупредить обязательную постановку Западом этого вопроса в более неблагоприятной обстановке. Это могло помочь и Сербской Краине. Ведь США еще раньше как вариант решения ее проблемы выдвигали формулу «Двух К», то есть предоставление Краине такой степени автономии в составе Хорватии, какую получит Косово в составе Сербии.

Без сомнения, проблема самой Республики Сербская Краина заняла бы в нашем разговоре большое место. В то время ее отношения с Хорватией регулировались подписанным в 1994 г. в Загребе соглашением о прекращении враждебных действий. По соглашению, это был первый этап урегулирования, подразумевавший также разъединение сторон и ввод в буферные зоны миротворцев ООН. Второй этап — восстановление прерванных экономических связей. На нем стороны и оставались вплоть до возобновления хорватами военных действий. И, наконец, на третий, самый сложный этап был оставлен вопрос о политическом статусе Республики Сербская Краина.

Для этого последнего этапа был разработан специальный план «Загреб-4», или «Z-4», названный так за то, что его разра-

ботали четыре человека: два заместителя сопредседателей мирной конференции по бывшей Югославии и послы России и США в Хорватии. Согласно этому плану, Хорватия должна была признать автономию только части сербских земель вокруг города Книна. План «Z-4» являлся, на наш взгляд, наименьшим злом для крайних сербов. И мы в тех условиях были как против отказа от него, так и против его форсированной реализации. Нам представлялось, что целесообразнее продолжать решение проблем второго этапа урегулирования. А в целом — добиваться автономии всей Краины в составе Хорватии.

Хотели поговорить и об открытии генконсульства в Черногории. Этот шаг должен был рассматриваться как дань истории и традиции, как естественный шаг в деле сохранения уникальной российско-черногорской дружбы. Но мы твердо подчеркнули бы, что Россия против «вбивания клина» между Сербией и Черногорией, каких либо новых референдумов о самоопределении последней и т.п. Кстати, такую позицию мы всегда доносили и до черногорского руководства.

К лидеру боснийских сербов Р.Караджичу мы приехали бы, уже зная о реакции С.Милошевича по поводу конфедеративных связей. Ее бы и обсудили. Если бы этот вопрос решался успешно, то можно было смелее принимать в качестве основы план контактной группы. Проблема выживания боснийских сербов не стояла бы так остро, если бы в перспективе Республика Сербская смогла опереться на экономический потенциал Югославии.

Мы были за участие Республики Сербской (наряду с Мусульманско-хорватской федерацией) в намечаемом Парижском саммите руководителей СРЮ, Хорватии и БиГ. Хотели поговорить о том, как исправить новую, на наш взгляд, ошибку МИДа, который незадолго перед этим настоял на установлении официальных отношений между Россией и Боснией и Герцеговиной, что на практике означало установление официальных связей только с ее мусульманским правительством. И поскольку мы исходили из принципа равных прав двух боснийских гособразований, было крайне важно заявить хотя бы о возможном признании Россией Республики Сербской. (Признание — это шаг, который предшествует официальным отношениям; затем идут уже установление дипломатических отношений и обмен послами. — К.Н.). Когда же на территории БиГ закончится конституирование двух равноправных гособразований (по-видимому, в виде Унии), то, естественно, Россия признает и ее.

Мы были готовы рассмотреть вопрос о направлении дополнительных российских войск на территорию Республики Сербской в случае решения об увеличении миротворческих сил ООН на территории бывшей Боснии и Герцеговины. Да и сам Р.Караджич неоднократно просил об этом, обещая даже для облегчения финансовых расходов предоставить бесплатное жилье и помочь с продовольствием. Все это тоже можно было детально обсудить, как и вопрос о предоставлении необходимой гуманитарной помощи боснийским сербам.

Нам хотелось обсудить также возможность прибытия Караджича на празднование 50-летия Победы в Москву (возможно, в качестве частного лица). Для лидера боснийских сербов такой прорыв блокады был бы чрезвычайно важным. Вообще, на празднование 50-летия Победы в Москву приглашались лидеры всех стран — и наши бывшие противники, и представители нейтральных стран. Что касается бывшей Югославии, то от Хорватии был приглашен Ф.Туджман, от Боснии и Герцеговины — А.Изетбегович, а от всех сербов, бывших нашими верными союзниками и подвергшихся в войну страшному геноциду, — только президент Югославии З.Лилич. (Его пост был в те годы не таким значимым, как пост президента Сербии, который занимал С.Милошевич). Это представлялось нам политически неправильным, а по-человечески — просто несправедливым(5).

Все подготовленные позиции к переговорам были доложены Б.Ельцину и, по крайней мере, не встретили резких возражений. Конечно, мы понимали, что не все, намеченное нами для поездки, будет реализовано. Обязательно появились бы и другие темы для обсуждения. Мы специально запланировали целую неделю на командировку, чтобы можно было успеть несколько раз съездить из Белграда в Пале и обратно и постараться снять или хотя бы сгладить возможные противоречия между сербскими лидерами.

Идея поездки заключалась и в получении информации из первых рук. Тем более, что руководство российского внешнеполитического ведомства проповедовало чрезвычайно закрытый стиль работы. Даже в самом МИДе мало кто из сотрудников профильных департаментов знал все нюансы процесса югославского урегулирования. И уж совсем беспроглядным мраком была покрыта деятельность министра Козырева. Хорошо знавший английский язык, он предпочитал вести переговоры даже без переводчика, один на один.

На этот раз мы решили проинформировать МИД о полученном задании. Сам Б.Ельцин просил Ю.Батурина не обострять отношения с А.Козыревым. Собственно говоря, и в наши интересы входила согласованная работа со всеми, кто занимался югоурегулированием, в том числе, разумеется, и с сотрудниками внешнеполитического ведомства.

Но именно контакты с МИДом нарушили все наши планы. Неожиданно, за день до намеченной поездки, из Югославии пришло сообщение, что С.Милошевич рад принять делегацию во главе с Ю.Батуриным в Белграде, но поездка помощника российского президента в Пале для сербских властей — крайне нежелательна. Это перечеркивало наши планы, без посещения Республики Сербской терялся смысл всей поездки. Конечно, мы понимали, что Милошевич мог принять такое недружественное России решение только по настоятельному совету Козырева. (Позже выяснилось, что это было действительно так).

Еще один день прошел в бесконечных телефонных переговорах с Белградом. Два наиболее информированных в вопросах югокризиса человека — высокопоставленные югославские военные — уговаривали нас быть выше обид, а своего президента — изменить решение. Активно работали и представители соответствующих служб российского посольства в Югославии. В интересах дела мы ждали до последнего момента. Часть делегации отправилась даже в аэропорт Шереметьево, чтобы при необходимости задержать самолет, пока Ю.Батурин докладывал о сложившейся ситуации Б.Ельцину. Но чуда не произошло. В машину позвонил Ю.Батурина и сообщил, что все отменяется.

Об этом малоизвестном эпизоде югославского урегулирования сообщило только телеграфное агентство Республики Сербской — СРНА. В ночь на 2 марта оно передало следующее сообщение: «Планировавшаяся на начало марта поездка помощника президента РФ по национальной безопасности Ю.Батурина в Белград и Пале с целью обсуждения путей выхода из югокризиса не состоялась. Причины изменений планов не ясны. Известно только, что вопрос обсуждался по официальным дипломатическим каналам. В Пале тем не менее считают, что причиной срыва визита могли стать только нелетные условия либо политическая погода в Белграде»(6).

Кстати, не нам одним на своем «любимом» югославском направлении вставлял А.Козырев палки в колеса. Чуть раньше, 18

февраля 1995 г. в Югославию с ответным визитом к своему белградскому коллеге собирался мэр Москвы Ю.Лужков. Как рассказывали очевидцы, у него состоялся интересный разговор с министром иностранных дел. Козырев просил Ю.Лужкова не ехать в страну, которая находится под санкциями, на что получил лаконичный ответ: «Я за эти санкции не голосовал». Это были не просто слова. Московский мэр всегда последовательно помогал оказавшемуся в тяжелом положении сербскому народу. О посылке гуманитарной помощи в Республику Сербскую известно довольно хорошо. Обратим внимание и на другое. В Москве в середине 90-х годов трудилось около 40 тыс. югославов, а это тоже была существенная помощь измученному санкциями и войной народу.

Возможно, Козырев был таким настойчивым потому, что каким-то образом узнал об идее Лужкова заехать после Белграда в Республику Сербскую, в приграничный с Югославией город Зворник. Там должна была состояться его встреча с Р.Караджичем. Помимо всего прочего, лидер боснийских сербов хотел огласить в Зворнике инициативу о помощи православных стран строительству храма Христа Спасителя в Москве. Так или иначе, но А.Козырев сорвал визит Ю.Лужкова, отправив через С.Милошевича белградского мэра Н.Човича в командировку. И тот написал в Москву, что, к сожалению, в запланированные для визита дни его в Белграде не будет.

После неудачи с поездкой в Югославию стало окончательно ясно, что изменить что-то в югоурегулировании можно только, нарушив монополию А.Козырева и возглавлявшегося им министерства. Выход мог быть только один: надо было постараться противопоставить МИДу объединенную позицию других заинтересованных министерств. Конечно, мы понимали это и раньше. Еще в начале 1995 года в ежегодном Послании парламенту президент Б.Ельцин во многом именно из-за югославского кризиса уже прямо поставил задачу «улучшения координации внешнеполитической деятельности». При представлении послания парламентариям он развил эту мысль и предложил создать в своей администрации специальный механизм межведомственной координации внешнеполитической деятельности(7). В конце года такой механизм — Совет по внешней политике — был, наконец, создан, но он, позже переименованный в Управление, превратился в обычное бюрократическое подразделение прези-

дентской администрации. Монополия МИДа в очередной раз сохранилась без изменения.

Сорвавшаяся поездка добавила нам энергии. Уже 6 марта 1995 г. Ю. Батуринов по заданию Б. Ельцина провел у себя в кабинете рабочее совещание по проблемам югославского кризиса. На нем присутствовали секретарь Совета Безопасности О. Лобов, директор Службы внешней разведки Е. Примаков, начальник Главного разведывательного управления Генштаба Ф. Ладыгин, первый заместитель министра иностранных дел И. Иванов и спецпредставитель президента РФ по югославурегулированию А. Зотов. Я присутствовал на этом совещании в качестве своего рода «ответственного секретаря».

Первым выступил Ф. Ладыгин, не просто высококвалифицированный и знающий специалист, но еще и очень неравнодушный, горячо переживающий за дело человек. Сербский вопрос интересовал его особо. Он сформулировал основные вводные идеи, которые поддержали и другие участники совещания. Было отмечено, что летом прошлого года, а затем в Брюсселе на заседании контактной группы Россией был создан некоторый задел в урегулировании кризиса в Боснии и Герцеговине: переговоры по предложенной карте территориального разграничения только в качестве основы; равенство прав всех противоборствовавших сторон, в том числе и на их конфедеративные связи с Хорватией и Югославией и т.д. К сожалению, этот задел исчез. Главные причины неудач — несогласованность действий, пассивность, отсутствие четкой линии при нахождении путей югославского урегулирования. Чтобы не допустить крупномасштабной войны и сохранить слабеющие позиции России в стратегически важном регионе, необходимо искать принципиально новые решения и подходы.

На фоне общей критики деятельности МИДа только И. Иванов (А. Зотов в присутствии своего фактического начальника молчал) в жесткой форме высказал «особое мнение». Смысл его выступления был таков: ситуация действительно сложная, но все решения МИДа были одобрены президентом. Кроме того, сейчас все признали ключевую роль в югославском урегулировании С. Милошевича, а значит, соответственно выросла и роль России. С. Милошевич должен признать Боснию и Герцеговину и Хорватию, а Р. Караджич — подписать план контактной группы. За это они на два месяца получают снятие санкций. Этот путь

— единственный, а кто знает более радикальный, пожалуйста, пусть попробует.

По результатам совещания было решено подготовить развернутую записку-доклад президенту России.

Любопытно, что уже на следующий день официальный представитель внешнеполитического ведомства Г.Карасин провел брифинг, на котором заявил, что «МИД России готовит план действий в связи с усиливающейся напряженностью в бывшей Югославии». По его словам, «Москва начнет реализацию плана совместно с партнерами после его утверждения президентом России Б.Ельциным»(8). Через неделю поступила новая «утечка» информации. Источники из министерства иностранных дел сообщили, что «Москва работает над собственным планом урегулирования в бывшей Югославии» и что российские предложения могут быть «отточены» к женевской встрече А.Козырева и У.Кристофера 22-23 марта. Сообщалось также, что на днях высокопоставленный российский эмиссар (имелся в виду посол в Словении А.Никифоров. — К.Н.) посетил Белград, Загреб и Сараево, где встречался с президентами Сербии С.Милошевичем, Хорватии Ф.Туджманом и Боснии А.Изетбеговичем. Правда, источники из МИДа предпочли оставить без ответа вопрос о том, связана ли эта поездка с готовящимся в Москве планом урегулирования югокризиса(9).

Это была типичная манера дипломатии времен А.Козырева. Во многом она была ориентирована на создание видимости деятельности, а не на реальные дела. Особенная активность проявлялась в моменты критики или покушения на монополию МИДа, но затем все постепенно забывалось. Даже важную работу многие работники внешнеполитического ведомства часто делали неряшливо, нисколько не заботясь о ее качестве.

За примерами не нужно далеко ходить. Незадолго до описываемых событий мы для подготовки ежегодного послания президента Федеральному Собранию получили материалы из МИДа. Казалось бы, что в них должна была быть квинтэссенция всего наработанного, прорывные идеи, новые инициативы, государственный подход. Увы, ничего подобного. Так, в связи с югокризисом, который был тогда в центре внимания всего мира, было сказано лишь, что необходимо «добиваться постепенного снятия санкций с бывшей Югославии»(10). Это был полный абсурд. Ведь санкции, как известно, были введены только против

сербов. А в отношении всей бывшей Югославии существовало эмбарго на ввоз вооружений, отменять которое никакого резона не было. И такая небрежность в документах МИДа присутствовала в тот период постоянно.

Конечно, никакого собственного плана югоурегулирования МИД не разработал и на этот раз. Были лишь кое-какие наработки, о которых будет сказано ниже. Вместо МИДа пришлось работать нам. За день-два я набросал проект записки. Это не заняло много времени, так как на 90 % она базировалась на уже подготовленных документах для несостоявшейся поездки в Югославию. Затем еще дней десять потребовалось, чтобы разослать подготовленный проект участникам совещания и получить от них замечания. Кроме И.Иванова, который на нашу просьбу оперативно не откликнулся, все остальные ответили очень быстро.

В итоге уже через две недели получился документ, озаглавленный как «Доклад Президенту Российской Федерации по результатам рабочего совещания по проблемам югокризиса. (6-20 марта 1995 г.)». В нем говорилось:

«Обстановка в бывшей Югославии вновь серьезно обострилась. На днях, прервав существовавшее в Боснии и Герцеговине перемирие, мусульмане предприняли широкомасштабное наступление на позиции боснийских сербов. Положение усугубляется требованием Хорватии вывода или изменения мандата миротворческих сил ООН, находящихся на ее территории. Есть также опасность замены войск ООН по поддержанию мира на вооруженные силы НАТО с мандатом на установление мира. С ней тесно связана проблема возможного вывода российского контингента миротворческих сил. Продолжаются также попытки ряда стран в обход эмбарго вооружить войска Мусульманско-хорватской федерации и Республики Хорватия или вообще отменить это эмбарго в одностороннем порядке. Вслед за США особую активность в этом деле проявляет сегодня Турция.

К сожалению, инициатива в югославском урегулировании нами упущена. Главная причина неудач — несогласованность действий. Чтобы не допустить возобновления крупномасштабной войны и сохранить наши слабеющие позиции в стратегически важном регионе, насущно необходимы принципиальные решения, а, возможно, и новые подходы.

Рекомендации по 3-х этапному урегулированию в бывшей Югославии

I этап

Предотвращение повторного сползания ситуации к войне

1. Потребовать немедленного прекращения боевых действий в Боснии и Хорватии; выступать не только против отмены эмбарго на поставку вооружений, но и за ужесточение контроля за проникновением оружия на территорию бывшей Югославии.

2. Главными вопросами возможной встречи руководителей бывших югославских республик (инициатива Франции) должны стать: продление перемирия в Боснии и Герцеговине и сроков пребывания миротворческих сил ООН там и в Хорватии; снятие санкций с Югославии (СРЮ), укрепление других мер доверия, способных обеспечить благоприятный фон для продолжения поисков решения кризиса; а затем уже вопросы взаимопризнания. По отношению к нарушителем перемирия должны быть предусмотрены жесткие санкции. Выступать за участие Республики Сербской (наряду с Мусульманско-хорватской федерацией) в этом форуме.

3. Предложить Югославии признать на этой конференции границы Боснии и Герцеговины в качестве общей границы новых государственных образований, формируемых на ее территории, и декларировать готовность в будущем установить дипломатические отношения с Хорватией.

(Желательно также добиваться от Югославии восстановления автономных прав края Косово в увязке с проблемой Сербской Краины).

4. Целесообразно, кроме уже приглашенных президентов бывших югославских республик, пригласить в Москву на празднование 50-летия Победы в качестве частных лиц президентов Республики Сербской и Республики Сербская Краина — Р.Караджича и М.Мартича. Попытаться организовать между ними неформальную встречу, на которой декларировать готовность сторон к мирному урегулированию существующих разногласий.

II этап

Доработка мирных планов для Боснии и Герцеговины и Хорватии

1. Последовательно выступать за равные отношения ко всем участникам конфликта в Боснии, в том числе и за право Республики Сербской на конфедеративные отношения с Югославией. Последнее следует рассматривать не в связи с признанием Югославией Хорватии и Боснии и Герцеговины, а с уже полученным правом Мусульманско-хорватской федерацией на установление аналогичных отношений с Хорватией.

2. Основой для переговоров в Боснии и Герцеговине должен оставаться план контакт-группы, но только основой. Переговоры должны вестись не только между сербами — с одной стороны, и мусульманами и хорватами — с другой, но и при непосредственном участии контактной группы. До согласования всех вопросов по завершению составления карты раздела и осуществлению территориальных обменов по качественному признаку, а также по конституционному устройству БиГ войска противоборствующих сторон должны оставаться на занятых позициях.

(Два этих пункта — нижняя граница наших требований, дальше которой отступить нельзя).

3. Главной задачей России на этом этапе явится работа с сербами, побуждение их к занятию более конструктивной позиции, преодолению разногласий друг с другом. Для возвращения боснийских сербов в мирный процесс, возрастания у них готовности к компромиссам желательны следующие шаги:

а). Рекомендовать укрепление мер доверия между Югославией и Республикой Сербской, в частности смягчение или снятие со стороны Югославии экономических санкций в отношении боснийских сербов (приостановка военной помощи сохранялась бы в полном объеме) при условии, что это не приведет к ужесточению блокады против самой Югославии. Не возражать против возможного в перспективе заключения в Москве соглашения о конфедеративных отношениях между Югославией и Республикой Сербской (идентичного Вашингтонскому договору).

б). После установления по инициативе МИДа официальных отношений с Боснией и Герцеговиной (фактически — только с Мусульманско-хорватской федерацией) крайне важно заявить о возможном признании Республики Сербской.

в). Основать российскую миссию в Пале и соответственно дать согласие на организацию подобной миссии боснийских сербов в Москве.

г). Одновременно поддержать заявление Караджича о возможном вхождении суверенной Республики Сербской в боснийско-герцеговинскую Унию при гарантированном референдуме сербского населения через два года.

д). Оказывать гуманитарную помощь боснийским сербам (например, российский газ должен поступать не только в Белград и мусульманам, но и им).

е). Определить сроки частной поездки в Москву Р.Младича.

ж) Рассмотреть вопрос о направлении российских войск на территорию Республики Сербской в случае увеличения миротворческих войск ООН на территории Боснии и Герцеговины. В том числе, путем их перевода после предполагаемого вывода с территории Хорватии (о чем уже заявил П.Грачев).

4. При поиске урегулирования в Хорватии за основу может быть взято следующее:

а). Уважая договоренности, заключенные между Республикой Сербской и Республикой Сербская Краина на случай агрессии, довести до их руководства, что Россия за поэтапное решение сербского вопроса. В данный момент речь может идти только о конфедерации между Республикой Сербской и Югославией.

б). Вопрос о политическом статусе Краины (план «Z-4») не следует форсировать. Целесообразнее продолжение реализации Загребского соглашения о трехэтапном решении краинской проблемы, то есть сначала надо закончить восстановление экономических связей между Республикой Сербская Краина и Хорватией. В конечном итоге, скорее всего добиваться максимальной автономии Республики Сербская Краина в составе Хорватии.

в). Настаивать на отказе Хорватии от требования вывода с ее территории миротворческих сил ООН (в том числе, требований об изменении их численности, мест дислокации и статуса). В противном случае можно даже поставить вопрос о введении против этой страны экономических санкций.

III этап

Подготовка встречи на высшем уровне стран контактной группы

Встреча на высшем уровне возможна только тогда, когда в результате проделанной работы будут найдены компромиссные развязки основных проблем югославского кризиса. Именно эта встреча должна подвести под нее черту. Если она не будет хорошо подготовлена, то ее возможный неуспех лишь осложнит ситуацию.

Организационные меры

Подготовить Указ Президента РФ о Временной межведомственной рабочей группе по проблемам югославского урегулирования при Президенте РФ» (11).

Проект этого Указа и проект Положения о Временной межведомственной рабочей группе были подготовлены практически одновременно с докладом о трехэтапном урегулировании. В них Временная группа образовывалась из присутствовавших на рабочем совещании 6 октября, а также по решению президента в нее могли войти ведущие ученые и специалисты-практики по проблемам бывшей Югославии. Временная группа должна была стать консультативным органом президента «по разработке согласованной политики и обеспечению межведомственной координации деятельности по участию федеральных органов исполнительной власти в урегулировании югославского кризиса».

Основными задачами Временной группы определялись «анализ состояния и эффективности усилий федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации по участию в урегулировании югославского кризиса; разработка предложений по стратегии урегулирования югославского кризиса и оперативному реагированию федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации; общая координация участия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в урегулировании югославского кризиса».

Все члены Временной группы должны были принимать участие в ее работе только в личном качестве и на общественных началах, то есть безвозмездно. Заседания группы планировалось проводить не реже двух раз в месяц или по необходимости.

Доклад президенту России по результатам рабочего совещания, который фактически содержал в себе реальный альтернативный план действий на югославском направлении, подписа-

ли секретарь Совета безопасности О.Лобов, директор СВР Е.Примаков, начальник Генштаба М.Колесников (его попросил об этом Ф.Ладыгин), помощник президента по национальной безопасности Ю.Батулин. Толька одна, пятая подпись под документом отсутствовала. Категорически отказался подписать доклад министр иностранных дел А.Козырев. Более того, он заявил, что его опять отрывают от работы, что придется тратить время, чтобы убедить президента не давать документу дальнейшего хода.

Ничего не оставалось, как передавать доклад адресату без козыревской подписи. К сожалению, Б.Ельцин принял тогда сторону министра иностранных дел, поступил формально — раз Козырев отвечает за внешнюю политику, то ему виднее. Тем более, что министр иностранных дел заверил президента, что его ведомство уже заканчивает разработку собственного плана югурегулирования. В результате, доклад по итогам рабочего совещания так и остался нереализованным. Шанс переломить ситуацию, попытаться проводить самостоятельную линию в югурегулировании был в очередной раз упущен.

По характерному совпадению 20 марта, в день представления доклада, мусульмане в Боснии, нарушив перемирие, начали широкомасштабное наступление на позиции боснийских сербов. То, о чем мы писали в преамбуле документа, стало ясно для всех. Наиболее активные наступательные действия были предприняты мусульманами из «зоны безопасности» вокруг города Тузла. Р.Караджич писал российскому президенту: «... повсюду и даже в нашей родной Югославии распространяется дезинформация, будто бы мы против мира, выдвигаем нереальные требования и т.п. Мы — за мир, причем немедленный; наши территориальные требования — минимальны и намного меньше того, что мы сейчас контролируем. Мы очень строго соблюдали перемирие, подписанное 31 декабря 1994 года, а мусульмане уже начали свое весеннее наступление на большинстве фронтов...

Сейчас на нас напали во многих местах линии фронта, и мы в основном обороняемся и еще не переходим в контрнаступление, так как надеемся все же сохранить перемирие. У нас много экономических проблем, ведь мы находимся в полной изоляции, и это влияет на нашу обороноспособность...

Международное сообщество уже забыло свои брюссельские намерения о предоставлении сербам равных прав с Мусульманско-хорватской федерацией. Об этом никто больше не вспоми-

нает. Для нас была бы большая польза, если бы российская дипломатия иногда говорила об этом. Тем более, что Вы, господин Президент, много раз это подчеркивали.

Мы не хотим предпринимать что-либо, что могло бы повредить мирному процессу. Но если и дальше будем находиться в изоляции и загнанными в угол и если мы и Республика Сербская Краина подвергнемся агрессии со стороны мусульман и хорватов, то будем вынуждены объединиться с ними в одно государство и совместно защищаться. У международного сообщества было четыре месяца, чтобы найти политическое решение, но почти все это время было потрачено на вооружение мусульман...

Народ здесь верит, господин Президент, что полностью Россия никогда нас не бросит. Также думает, что наш успех и наша победа будут и в краткосрочном, и в долгосрочном плане очень важны для России и ее интересов...»(12)

Спустя несколько дней Р.Караджич обратился с открытым письмом к генеральному секретарю ООН и руководителям России, США, Франции и Великобритании с призывом использовать их авторитет и остановить начатое неделю назад новое крупное наступление мусульман(13). Однако реакция мирового сообщества на нарушение мусульманами перемирия была вялой. Только через 10 дней после начала мусульманского наступления официальный представитель МИДа России Н.Матковский заявил, что это наступление «не способствует стабилизации положения и созданию атмосферы, необходимой для политического диалога. Напротив, оно подталкивает события к новому витку военного противостояния, остановить которое будет в несколько раз сложнее, чем не допустить. Эту точку зрения на развитие ситуации в Боснии и Герцеговине разделяют все члены контактной группы, которые рассмотрели данный вопрос на состоявшемся в Лондоне очередном заседании»(14).

В то же время в российском МИДе «с крайней озабоченностью» восприняли сообщение о решении лидера боснийских сербов Р.Караджича объявить всеобщую мобилизацию. Даже защищаться сербам уже запрещали. «Осуществление этих мер на практике, — заявил высокопоставленный российский дипломат, — может вызвать цепную реакцию и в конечном итоге пустить под откос соглашение о временном прекращении враждебных действий в Боснии и Герцеговине»(15). Этот же безымянный ди-

пломат подтвердил существование «детально проработанного» российского плана урегулирования в Боснии. По его словам, план состоит в поэтапной нормализации ситуации. Процесс включает в себя и взаимное признание Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, что по сути означает окончательное урегулирование конфликта(16).

Конечно, здесь был явный перегиб. Взаимное признание соседей без участия всех сторон конфликта, в частности Республики Сербской, не могло означать окончания гражданской войны внутри Боснии. Сам же широко разрекламированный «детальный план урегулирования» Россия представила на той же встрече контактной группы в Лондоне. И, судя по всему, «гора родила мышь». Была предложена лишь корректировка французской инициативы (поддержанной затем ЕС) о взаимопризнании в обмен на приостановку санкций. Но если французы предлагали решить все проблемы сразу, одним махом, то российская дипломатия выдвинула идею, не меняя сути прежнего плана, разбить его на несколько этапов. Кстати, и французский министр иностранных дел А.Жюппе к тому времени уже выступил с аналогичной корректировкой инициативы своей страны, но «с другим порядком ходов»(17).

Именно так и оценила «российский план» пресса. Характерным в этом плане был комментарий газеты «Сегодня»: «Никаких действительно новых идей высказано не было. Более того, Россия, заявив перед встречей о разработанных ею новых предложениях, не только не сделала их, но в конце концов вопреки своей прежней позиции согласилась с Западом в том, что признание Белградом Боснии и Хорватии является необходимым условием для частичного снятия введенных против него санкций.»(18)

Чтобы закончить повествование о нереализованном плане действий «рабочего совещания», приведем еще два интересных документа. И пусть читатель сам судит, кто был в тот момент прав, а кто нет, у какой стороны в дискуссии позиции были более обоснованными.

Первый документ — письмо Ю.Батурину от И.Иванова, где тот по поручению своего министра примерно через месяц представил подробные возражения руководства МИДа к нашему докладу. Из него, наконец, можно было понять, что же руководство внешнеполитического ведомства на самом деле хочет или, по

крайней мере, делает вид, что хочет. Не будем комментировать несколько менторский тон письма. Отметим лишь, что первый заместитель министра иностранных дел и куратор всего югославского направления, кроме слов о поэтапном решении существовавших проблем, ничего не написал о наделавшем столько шума «российском плане урегулирования», косвенно подтверждая тем самым его фактическое отсутствие.

Второй документ — ответное письмо Ю.Батурина. Оно так и не было отправлено — не было смысла затевать долгую переписку, когда все и так было ясно. Мы только по просьбе Иванова разослали копии его письма всем участникам совещания от 6 марта 1995 г. Однако ответ Ю.Батурина интересен как исторический документ того времени.

Для удобства восприятия мы будем последовательно приводить те места из документов, где речь идет об одних и тех же сюжетах.

Письмо И.Иванова. В преамбуле своего письма первый заместитель министра иностранных дел писал о том, что в Боснии действительно существует «реальная опасность возобновления широкомасштабных военных действий» (правда, в то время они уже начались. — К.Н.). В этих условиях «оптимальной представляется ориентация на фазированное решение кризиса. Именно в таком ключе, с согласия Президента РФ, строит сейчас свою работу МИД, зондируя отношение сторон и партнеров по Контактной группе (КГ) к идее поэтапной нормализации отношений СРЮ с БиГ и Хорватией и соответственно поэтапному снятию санкций с СРЮ». Именно такой, «принципиальный, сбалансированный, учитывающий реальные интересы сербов, мусульман и хорватов подход России объективно вывел ее на ведущую роль в югославских делах...»

«Что же касается рекомендаций по урегулированию в бывшей Югославии, содержащихся в проекте доклада, то по ним имеется ряд серьезных сомнений. Главное из них — высказываемые идеи, по существу, подводят к необходимости вносить изменения в одобренную Президентом РФ линию России на взаимодействие в интересах урегулирования с международным сообществом и Белградом и переноса акцента в своих действиях на Пале и Книн.

Разумеется, вариант с выходом на тактическое партнерство с Караджичем и Мартичем теоретически возможен. Однако сле-

дует реально представлять и последствия такого шага. Надо быть готовым в этом случае к тому, что переориентация на боснийских и хорватских сербов резко обострит наши отношения с Хорватией и БиГ, морально и по существу не позволит нам выступать в качестве влиятельного международного посредника, Наше дальнейшее присутствие в бывшей Югославии в посткризисный период будет, в лучшем случае, сужено до размеров контролируемых сербами территорий. Причем объективная зависимость сербов от экономического потенциала Запада неизбежно заставит их скорректировать свою политику.

(Сразу вспоминаются К.Маркс и Ф.Энгельс. Будучи несправедливыми материалистами, они, не скрывая злорадства, тоже отмечали, что у российско-сербского союза нет перспектив — торговые потребности неизбежно будут побуждать Сербию расширять связи с Западной Европой, а не с Россией. — К.Н.).

Это, в частности, подтверждают и недавние, в момент флирта с Вашингтоном, заявления Пале о том, что мол, только американцы могут найти выход из кризиса в БиГ, а России и остальным членам КГ останется «согласиться с этим».

Предлагаемая концепция «разведет» нас и с партнерами по КГ, будет означать по сути отказ от согласованной линии в группе и переход к односторонним действиям. Вполне предсказуемой представляется и реакция исламского мира... Готовы ли мы на это, отвечает ли это нашим интересам на Балканах? В МИД России на этот счет имеются очень серьезные сомнения».

В ответе Ю. Батурина говорилось что «в деле югославского урегулирования образовался определенный застой... Все это происходит на фоне возобновившейся войны в Боснии, непрекращающегося вооружения в обход эмбарго мусульман и хорватов, изменения мандата миротворческих сил ООН в Хорватии. Продолжается давление на расквартированный в РСК «русбат-1»...

Фактически Запад (прежде всего США и Германия) и исламские страны делают ставку на силовое решение боснийского и хорватского кризисов при нейтрализации ослабленной санкциями Югославии. Последнее делается руками России. Но значит ли это, что такой «подход объективно вывел ее на ведущую роль в югославских делах»? Да и давление на Милошевича, похоже, уже достигло своего предела. К сожалению, не предоставляет такой подход и «возможности рассчитывать на поддержание переговорного процесса», вернее — переговорный процесс осуще-

ствляется только между членами КГ, но не между противоборствующими сторонами.

В разработанном плане (докладе Президенту РФ) речь не идет о переориентации России с Белграда на Пале и Книн, а лишь о максимальном использовании решения КГ от 2 декабря 1994 г. о равенстве двух гособразований на территории БиГ и их праве на параллельные отношения с соседними государствами. Пока никакой практической реализации это решение не получило. Не идет речь и о прекращении взаимодействия по югурегулированию с международным сообществом. Однако согласованная на разных международных уровнях линия должна в большей степени учитывать интересы России и сербской стороны. К сожалению, за четыре года конфликта накопился противоположный опыт: введение антисербских санкций и игнорирование до сих пор схожих нарушений хорватов; разрешение на бомбардировки самолетами НАТО фактически только сербских позиций... Этот ряд можно без труда продолжить.

Конечно, после войны экономические потребности будут в определенной степени толкать сербов (как уже теперь хорватов и мусульман) в сторону Запада. Конечно, нежелательно обострять наши отношения с Хорватией и БиГ (точнее говорить о боснийских мусульманах или МХФ). Но, как говорится, насильно мил не будешь. Они свой выбор уже сделали. И в любом случае, наше реальное присутствие в бывшей Югославии в посткризисный период, а возможно, и на Балканах в целом, вряд ли будет шире «размеров контролируемых сербами территорий».

Ведь широко известны особенности сербского национально-госамосознания, в котором важную роль занимает искренняя любовь к России, к русским. Так почему же, не имея сильных экономических рычагов на Балканах, не использовать хотя бы этот удивительный факт. Зачем вести выгодную только Западу линию на разъединение сербов, на фактическое сужение сербского пространства в бывшей Югославии?.. Достаточно добиваться лишь равных условий для всех противоборствующих сторон».

Были у И.Иванова возражения и «по конкретному наполнению предложенного фазирования». Также поэтапно поместим эти возражения и ответы на них.

И.Иванов: «Первый этап

Пункт 2. Идея Франции, теперь это консолидированная позиция ЕС, о встрече руководителей БиГ, Хорватии и СРЮ под-

разумеает в качестве ее итога взаимопризнание в обмен на приостановку санкций в отношении СРЮ. Такой подход неприемлем для Милошевича, другие варианты «не берут» Загреб и Сараево. Реализация инициативы таким образом «завязла».

Трудно реализуемым представляется предложение об участии Караджича в предполагаемом форуме. Без принятия им мирного плана КГ за один стол с ним никто, включая Милошевича, не сядет...

Пункт 3. Предложения добиваться от Югославии «восстановления автономных прав края Косово в увязке с проблемой Сербской Краины» МИД поддержать никак не может. Ведь именно против такой увязки, а на ней настаивают самые недружелюбно настроенные к сербам страны, мы выступаем все это время по просьбе и Белграда, и Книна. Поступив так, мы бы «своими руками» сделали возможность снятия санкций в отношении СРЮ весьма отдаленной перспективой, подхлестнули сепаратистские настроения в Косово.

Такой подход может иметь негативные последствия и с точки зрения наших собственных реалий. Проблема Косово — внутреннее дело СРЮ и именно так, благодаря твердой линии России, ее воспринимает международное сообщество. Разумеется, Белград должен сам предоставить населению Косово автономные права, об этом неоднократно говорилось Милошевичу.

Пункт 4. Идея приглашения лидеров боснийских и хорватских сербов в Москву на празднование 50-летия Победы не безупречна. Рассчитывать на контакты с кем-либо из приглашенных они не могут. Тогда что им делать в Москве? Использовать трибуну праздника для своих известных заявлений? Вряд ли предстоящее историческое событие самое подходящее для этого место. Во всяком случае, такой жест Караджичу и Мартичу с нашей стороны должен быть мотивирован.

Что касается возможности организации здесь встречи нынешних руководителей бывших югославских республик, то такой зондаж МИД уже проводил. Президент Словении на нее однозначно не согласится. Проблема еще и в том, что СРЮ будет представлять не Милошевич, а ее Президент — Лилич. Нет пока ответа и от Изетбеговича. Высказываются сомнения в эффективности такого контакта в «урезанном» формате.

Ответное письмо: «Первый этап»

Пункт 2. Отстранение Республики Сербской от мирного процесса лишь генерирует военный конфликт, так как загоняет боснийских сербов в угол, стимулируя одновременно агрессивность противоположной стороны. Мировое сообщество должно прежде всего создать условия для переговоров обеих сторон в боснийском конфликте. Путь к миру может лежать только через такие переговоры.

В ответе указывается, что без принятия Караджичем мирного плана КГ «за один стол с ним никто, включая Милошевича, не сядет». Но, по некоторым сведениям, Франция, например, уже не возражает видеть Караджича за столом переговоров, пока, правда, в составе югославской делегации. А главное — никакого мирного плана КГ Караджич до сих пор не получил, кроме одного его элемента — карты территориального разграничения. Другие элементы мирного плана КГ и прежде всего проект конституционного устройства бывшей БиГ (если они и существуют в природе) боснийские сербы не знают... Приглашение Караджича на возможную встречу югославских лидеров вытекает и из декларированного равенства прав всех сторон боснийского конфликта.

Пункт 3. Действительно, проблему Косово поднимают «самые недружелюбно настроенные к сербам страны». Но, если присмотреться внимательнее, то можно увидеть, что американский план «Двух К» не так уж плох. Проблема Косова и так, без сомнения, будет использоваться Западом для нагнетания антисербских настроений, для отказа от снятия санкций. Неурегулированность косовской проблемы дает хороший повод для Хорватии... не решать проблему крайних сербов цивилизованным путем. В определенной степени Белград должен решить, что для него важнее: исторически бесценный, но уже фактически потерянный, полностью албанизированный край, в котором прочные позиции возможны только на севере, или национальные перспективы соотечественников в Хорватии.

Впрочем, эта идея приводилась в скобках, всего лишь в качестве возможного, дополнительного действия.

Пункт 4. Приглашение Караджича и Мартича в Москву — дань большому вкладу, который внесли сербы в общую Победу над фашизмом, их огромным жертвам во второй мировой войне. Сербские лидеры заслужили этого никак не меньше, чем осу-

жденный в 1946 г. как военный преступник Изетбегович. Опять же приглашение Караджича вытекает из равных прав противоборствующих в Боснии сторон.

Конечно, Лилич — не Милошевич, которого, кстати, также можно было пригласить вместе с Булатовичем. Но и Лилич мог бы переговорить, например, с Туджманом. Ведь в конечном счете именно сербско-хорватские договоренности, закрепленные затем мировым сообществом, могли бы разрешить весь югославский кризис».

И.Иванов: «Второй этап

Пункт 1. КГ подтвердила (заседание Группы на уровне министров иностранных дел 2 декабря 1994 г.) равенство двух образований будущей Унии БиГ и их право на параллельные отношения с соседними государствами. Таким образом, боснийские сербы, как и мусульмано-хорватское (МХФ) образование в отношении Хорватии, имеют право на конфедеративные связи с Сербией. При этом никакой увязки с признанием со стороны СРЮ Хорватии и БиГ не делается.

Пункт 2. Мирный план КГ — основа и отправная точка начала диалога между Пале и Сараево. Только при этих условиях руководство БиГ согласится на переговоры. Формулировка, предлагаемая в проекте Доклада, уже апробировалась Картером и привела к полному провалу его миссии...

Пункт 3 (а). Наши рекомендации Белграду пойти на снятие блокады в отношении боснийских сербов были бы восприняты там как выражение нашей крайней непоследовательности. Для Югославии такой шаг означал бы ужесточение санкций против нее самой.

Пункт 3 (б, в, г). О последствиях предлагаемых инициатив уже говорилось при общем анализе документа.

3 (д). Российский газ на территорию, контролируемую боснийскими сербами, поступает. Более того, в их руках и кран подачи газа в Сараево. Всего за прошедший период сербам в Боснии поставлено газа на сумму 35-40 млн. долл. без какой-либо надежды на его оплату.

3 (ж). Вопрос возможной передислокации российского контингента или его части с территории Хорватии в иное место бывшей Югославии должен решаться совместно с ООН и с согласия государства, где он будет размещаться. (В данном случае БиГ).

4 (а). Здесь не понятно, что подразумевается под термином «поэтапное решение сербского вопроса». В данной формулировке нас могут заподозрить в поддержке непопулярной в мире идеи «Великой Сербии».

4 (б). Не ясно, о каком «Загребском соглашении о трехэтапном решении краинской проблемы» идет речь. Нам такое неизвестно. Три этапа — соглашение о прекращении огня, экономическое соглашение, а затем выход на политическое урегулирование — требование сербов, которое, в том числе и под нашим давлением, приняли в Загребе. Первый уже реализован, второй — в стадии выполнения. Выход уже теперь на политические переговоры возможен. С этим согласен и Милошевич. Другое дело, что процесс этот будет долгим и мучительным, но начинать его все равно придется...»

Ответное письмо: «Второй этап

Пункт 1. Уже говорилось, что решение контактной группы от 2 декабря 1994 г. осталось нереализованным. Боснийские сербы по-прежнему не имеют гарантированного международным сообществом права на конфедеративные связи с Югославией. В частности, против этого жестко выступают США.

Пункт 2. Также уже говорилось, что фактически мирного плана КГ не существует и что конфедерация с Югославией позволяет Караджичу решить в известной степени экономические и другие проблемы РС и согласиться поэтому даже с нынешней картой территориального разграничения в качестве основы для переговоров...

По-видимому, нельзя говорить, что миссия Картера окончилась полным провалом и прежде всего — для пославшей его стороны. Добившись четырехмесячного перемирия, он фактически спас от разгрома 5-ый корпус боснийских мусульман в районе Бихача, дал мусульманам столь необходимую им передышку для нового накопления сил и получения вооружения.

Попутно можно заметить, что к «флирту с Вашингтоном» мы подтолкнули Караджича своими собственными руками. Много раз лидер боснийских сербов, стремясь вырваться из изоляции, обращался к нам. Назывались даже имена предполагаемых посредников... Идя на контакты с Картером, Караджич также всегда предварительно ставил нас в известность.

Пункт 3 (а). По некоторым сведениям, в последнее время Белград сам серьезно рассматривает возможность снятия блокады

с Пале. Эта блокада ему практически ничего не дала, но крайне обострила внутренние противоречия, сделала Милошевича чуть ли не предателем сербского народа. Ужесточения же санкций, если сохранятся нынешние тенденции в деле югоурегулирования, похоже, не избежать при любом варианте. Почти независимо от поведения сербов, Запад будет играть свою игру...

Кстати, блокада РС со стороны Югославии опять нарушает равенство сторон в Боснии. Хорватия не только не делает ничего подобного по отношению к Герцег-Босне, но оказывает этому образованию на территории БиГ всестороннюю военную и экономическую помощь. Регулярные части хорватской армии и сейчас воюют на стороне так называемого Хорватского вече обороны Герцег-Босны против боснийских сербов. Не говоря уж о том, что вместо блокады (в сербском случае) у хорватов все наоборот: подписано предварительное соглашение о создании конфедеративного объединения Хорватии и МХФ...

Пункт 3 (д). Гуманитарная помощь, в том числе и российский газ, должны поставляться боснийским сербам на легальном основании как равной стороне в Боснии, а не только потому, что у них «в руках кран подачи газа в Сараево» и они все равно могут что-то и себе откачать.

Пункт 3 (ж). ...уже сейчас следует подумать, как российский контингент будет выводиться или где он будет размещен. Республика Сербская, которая вместе с МХФ должна на основе принципа равных прав решать все вопросы, связанные с миротворческими силами в БиГ, уже приглашала «русбат-1» на свою территорию.

Пункт 4 (а). В докладе предлагается вести курс на конфедеративное объединение Югославии и Республики Сербской и предоставление широкой автономии Республике Сербская Краина в Хорватии. Это — компромиссное, а не «великосербское» решение возникшего после распада Югославии сербского вопроса. Без его решения путем взаимных компромиссов югославский кризис разрешить нельзя.

Пункт 4 (б). В докладе Президенту РФ не отрицается необходимость нахождения политического статуса для РСК. Речь идет о том, что, возможно, данный вопрос не следует форсировать. Ведь при существующих условиях любой отказ краинских сербов может привести к нагнетанию мирового общественного мнения против них и, тем самым, провоцировать хорватскую агрес-

сию. Опыт также показывает, что отказ от каких-то предложений или прежних договоренностей хорватов ведет лишь к очередным уступкам им мирового сообщества».

По предложенному третьему этапу плана действий у И.Иванова возражений не было. «Полностью согласны с необходимостью решения основных проблем югокризиса до саммита КГ. Исходим из того, что встреча на высшем уровне подведет черту под братоубийственным конфликтом».

Ответное письмо заканчивалось словами о том, что, «по-видимому, уже не обойтись сложившейся практикой, когда политика по таким сложным вопросам вырабатывается и представляется Президенту РФ одними дипломатами. Этим и было вызвано его поручение представителям заинтересованных министерств и ведомств выработать четкую российскую линию по разрешению югокризиса. Расхождений между авторами доклада Президенту РФ и МИД довольно много, но, тем более, требуется дальнейшее сотрудничество»(19).

Естественно, что разработка плана действий и попытка межведомственной координации в деле югоурегулирования прошли тогда для российской прессы и общественности незамеченными. Впрочем, кое-что, правда, в несколько искаженном виде просачивалось. Так, С.Романенко писал, что «активизировались попытки привлечь Россию на сторону Караджича. Москву посетили его эмиссары, доказывавшие, что признание суверенитета сербов в Боснии «в интересах России», а недавнее решение Москвы и Сараево установить дипломатические отношения приведет к войне».

Романенко сформулировал три причины, по которым якобы Республику Сербскую (он добавил и Республику Сербскую Краину, о которой речь не шла) признавать ни в коем случае нельзя: во-первых, это «привело бы к изоляции России на Балканах, конфронтации с остальным миром»; во-вторых, это было бы «нарушением принципа нерушимости границ», означало бы разрыв с Хорватией и Боснией, «вмешательство в их внутренние дела» и, в-третьих, это «создало бы прецедент признания государств, созданных в результате вооруженных захватов и этнических чисток»(20).

На наш, взгляд, такая критика была крайне уязвимой. После признания и даже стимулирования распада Югославии трудно было говорить что-либо о принципе нерушимости границ. По-

чему Югославия могла распасться, а Босния нет? Почему все другие народы бывшей Югославии фактически получили право на самоопределение, а сербы нет? Странно звучала и мысль о вмешательстве во внутренние дела фактически несуществующей Боснии, в которой мусульманское правительство контролировало лишь 1/5 часть территории и в которой уже всюю хозяйничали западные страны. И уж совсем странно звучал тезис о том, что Республика Сербская и Республика Сербская Краина были созданы в результате «вооруженных захватов». Как будто какие-то сербы вторглись на территорию Хорватии и Боснии, а не жили там веками. Забегая вперед, можно сказать, что Республику Сербскую в конце концов признали как равноправную часть дуалистической Боснии. И никакого международного кризиса, естественно, не произошло.

Мы привели эти рассуждения лишь для того, чтобы еще раз показать, в чем состояла позиция МИДа и его фактических союзников в средствах массовой информации. На этом хотя и рдеющем фоне публикаций А.Козыреву и его окружению было легче отбиваться от постоянной критики. А поводов для критики было хоть отбавляй. Насколько руководство МИДа хорошо разбиралось в югославских делах, каков был его уровень, дает в частности, представление высказывание заместителя министра иностранных дел России С.Крылова. Рассуждая в одном из интервью о том, что надо учитывать «исторический контекст», например в вопросах натурализации русскоязычного населения в странах СНГ, он вдруг заметил: «Исторические примеры создания моноэтнических государств есть: гитлеровская Германия, Великая Сербия. Неужели здесь надо повторять печальный опыт прошлого?»(21)

То, что именно гитлеровская Германия напала на Сербию (Югославию) и способствовала развязыванию геноцида сербского народа, Крылов не вспоминает. То, что «Великой Сербии» никогда в реальности не существовало, а это — лишь идея из XIX в. об объединении раздробленных сербских земель, Крылов, наверное, не знает. Он, собственно, просто бездумно, а, может быть, и с умыслом, повторяет получивший хождение на Западе тезис о тождественности нацистов и сербов.

Назначенный в то время послом России в Ватикане В.Костиков был поражен невиданной информационной волной по нагнетанию страхов среди местного населения: «западная и аме-

риканская печать, используя известные пропагандистские приемы, обращения к письмам «простых тружеников» и, в частности, жителей американской глубинки, все настойчивее проводят аналогии между сербами и нацистами. То, что сербы — это этническая категория, а нацизм — идеологическая, никого не волнует. ...главное подготовить общественное мнение к масштабному военному вмешательству на Балканах под предлогом спасения Европы от нацистской чумы»(22).

Точка зрения С.Крылова, конечно, наиболее радикальная и одиозная. В целом же, обобщая подходы МИДа в деле югоурегулирования в тот период, можно, на наш взгляд, выделить три основных недостатка российской дипломатии.

Первый и главный недостаток — исключение из переговорного процесса боснийских сербов. Успех переговорного процесса напрямую зависел от участия в нем всех заинтересованных сторон. МИД автоматически исключал любые контакты с руководством боснийских сербов, хотя правильнее было продолжать работу с ними в нужном направлении. Да и сам план контактной группы, хотя и мог при определенных условиях оставаться основой урегулирования в БиГ, но основой — не неподвижной, а допускающей усовершенствования.

Второй недостаток — Милошевичу отводилась роль главного рычага давления на боснийских и хорватских сербов без адекватной компенсации. Временная приостановка санкций ничего не давала, и было ясно, что обязательно появятся новые требования. При этом все основные уступки Милошевич должен был сделать еще до того, как будут выполнены его главные пожелания, а Россия по существу отказывалась от важнейшего тезиса, состоявшего в том, что сама Югославия уже выполнила все условия для снятия санкций.

Третий недостаток — контактная группа по-прежнему рассматривалась МИДом в качестве единственного механизма боснийского и даже всего югоурегулирования, хотя соотношение сил в ней часто не позволяло результативно продвигать российскую точку зрения. Это и привело к тому, что мирный план по Боснии не был доработан. В частности, конституционные принципы послевоенного устройства сторонам конфликта в полном объеме так и не были представлены. Да и в карте территориального разграничения не были решены многие вопросы: Сараево, выход РС к морю и т.д. В целом было нелепо отрицать возмож-

ность альтернативных форм посредничества России в югокризисе в то время, когда другие страны спокойно предпринимали самостоятельные шаги.

И все-таки, несмотря на протесты МИДа, иногда удавалось проводить встречи с руководителями Республики Сербской, налаживать альтернативные связи. Такой формой контактов стало, в частности, пребывание в России в качестве частного лица с 3 по 5 апреля начальника штаба армии боснийских сербов генерал-подполковника (чуть позже — генерал-полковника) Ратко Младича. Он приехал по приглашению российских военных, но его поездка обсуждалась нами еще при разработке плана действий по югоурегулированию.

Не могу не сказать несколько слов об этом, по мнению многих специалистов, одном из самых ярких и талантливых полководцев нашего времени. Так, английская «Дейли телеграф» включила Младича в список 30 лучших полководцев современности, а П. Грачев, как-то принимая его в Москве в своем кабинете и, указывая на висевшие на стене портреты Петра I, Александра Суворова и Георгия Жукова, сказал, что следующий портрет будет Ратко. Даже враждовавшие с сербским генералом офицеры миротворческих сил ООН называли его «военным гением и сумасшедшим».

Р.Младич родился в Боснии в крестьянской семье. Во время второй мировой войны погибли многие его родственники. Тогда же двухлетний Ратко потерял своего отца. Военную карьеру он начал, что называется с младых ногтей. Служил в основном в глубинке, в отдаленных от центра гарнизонах. Тем не менее, он стал одним из самых молодых генералов в югославской армии. Распад Югославии Младич встретил на посту заместителя командующего по тылу в Косово. Затем командовал корпусом в хорватской войне, защищая город Книн. А когда война вспыхнула в Боснии, возглавил создававшуюся армию Республики Сербской. Хотя сам Младич был аполитичен, а в последнее время и подчеркнуто религиозен, его окружение составляли в основном бывшие коммунисты, никак не желавшие перейти даже с обращения «товарищ» на принятое уже в Республике Сербской обращение «господин». Тем не менее, вместо фуражек военнослужащие армии боснийских сербов носили так называемые «шайкачи» (головной убор, характерный для сербской армии времен первой мировой войны. — К.Н.), на которых вместо звездочки гордо красовалась кокарда с двуглавым сербским орлом.

Я несколько раз встречался с Р.Младичем в его штабе в городке Хан-Песак, недалеко от Пале. Иногда даже по просьбе Р.Караджича пытался сблизить их позиции, помочь преодолеть раскол, который обозначался все явственнее. Военное руководство было в Республике Сербской почти параллельной властью, многие генералы, хотя и были родом из Боснии, свои семьи держали в Белграде и даже зарплату некоторые из них получали там же, числясь как бы откомандированными в армию боснийских сербов. Соответственно во многом они ориентировались на руководство Югославии, а не на свое собственное, находившееся в Пале.

Р.Младичу было немногим за пятьдесят, и он уже пятый год воевал. Этот плотный, коренастый человек поражал неукротимой энергией, волей, напором и в то же время какой-то редкой самобытностью. Мне почему-то запомнились большой перстень, который он носил на безымянном пальце левой руки, и не так часто встречающиеся у южан поразительно голубые глаза. В то же время это был типичный солдат, с суровым, неуступчивым, но в чем-то и прямодушным характером. Речь у него была отрывистая, лаконичная, состоявшая из рубленых фраз. Про таких говорят, что они родились и умрут с оружием в руках. Он не был штабным офицером, а тем, кого называют «отец солдатам». И действительно, солдаты его боготворили за то, что он всегда был с ними — в окопах, на передней линии огня. Он был пусть и в высоком звании, но, несомненно, одним из них.

Мы встретились с Р.Младичем и во время его апрельского приезда в Москву. Он говорил о критическом положении, которое сложилось в Республике Сербской после начала мусульманского наступления, и считал, что Запад уже выбрал военный вариант разрешения конфликта. Конечно, просил о помощи. В тот приезд Р.Младич сумел также встретиться с А.Козыревым. Разговор, как рассказывал сам генерал, был ни о чем. Российский министр рассуждал о связях боснийских сербов с американцами, в частности о миссии Дж.Картера. На что Младич в присущей ему манере отвечал: «А Вы зачем на 50-летие Победы пригласили Изетбеговича?» Тогда же, в коридорах здания на Смоленской площади произошел забавный случай. Одетый в запыленную, пропахшую порохом униформу, прилетевший только что с передовой, Младич с двумя своими генералами и телохранителями столкнулся с советником американского посольства.

Можно было представить себе, какое донесение ушло после этого в Вашингтон. Потом российское внешнеполитическое ведомство оправдывалось, его «высокопоставленный сотрудник» объяснял, что «МИД РФ не поддерживает контактов с Пале»(23).

Как мы и предполагали, вопрос об объединении Республики Сербской и Республики Сербская Краина скоро перешел в практическую плоскость. Его рассмотрел на своем специальном заседании парламент боснийских сербов. Было решено создать комиссию, которая займется «разработкой плана объединения двух государств». Это решение было компромиссным, и объяснялось колебаниями прежде всего крайних сербов. Не форсировать объединение потребовал от них сам С.Милошевич. Президент РСК М.Мартич признавался, что крайние сербы последовали совету Югославии, «которая просила не создавать государство к западу от реки Дрина»(24).

Самая решительная попытка российских министерств и ведомств ограничить всевластие МИДа в югоурегулировании не удалась. Б.Ельцин в очередной раз прислушался к А.Козыреву, который продержался у власти еще более полугода фактически только за счет поддержки российского президента. Во всех остальных структурах власти, в средствах массовой информации министр иностранных дел все больше становился фигурой «нон грата». Одновременно с этого момента уже ничто не могло снять с Б.Ельцина всей полноты ответственности за провалы российской политики в бывшей Югославии.

Характерно, что, по воспоминаниям руководителя Службы безопасности президента А.Коржакова, примерно одновременно с докладом, подготовленным по результатам рабочего совещания, начальник ГРУ Генштаба России Ф.Ладыгин передал через него Б.Ельцину конфиденциальное письмо. В нем на основе оперативной и аналитической информации был расписан «весь сценарий НАТО по Югославии» вплоть до будущих бомбардировок в связи с косовским конфликтом. Российский президент отнесся к этой информации очень серьезно, однако «по мере проработки этой затеи Ельцин вдруг к ней охладел. Стал вспоминать все реже и реже, а затем все и вовсе заглохло само собой»(25).

На наш взгляд, в позиции президента России было слишком много личных, субъективных моментов. Его образование и жизненный опыт были далеки от вопросов внешней политики. Он в них разбирался откровенно слабо. По свойству характера — ему

претила необходимость скрупулезно вникать в детали, разбираться в дипломатических хитросплетениях. Он любил произвести эффект, ошарашить каким-либо неожиданным поступком, по-провинциальному хотел понравиться, стать на дружескую ногу с лидерами ведущих стран мира. И это очень четко уловил Козырев, превратившийся в «любимого министра» российского президента, в «верного Андрея». Именно установлению личных отношений Б.Ельцина с иностранными лидерами, организации его приемов за границей уделял А.Козырев основное внимание. И за все это ему фактически был дан карт-бланш в сфере внешней политики. Причем благосклонности президента А.Козырев добивался, «можно сказать, заискивающе», к месту и не к месту подчеркивая, что он проводит президентскую внешнюю политику (почему не национальную, не государственную?), что дипломатом № 1 является сам Б.Ельцин, что благодаря этому роль России в мире якобы все время возрастает(26).

Надо сказать, что мы еще несколько раз предпринимали попытки создания межведомственного органа, непосредственно занимающегося югоурегулированием. Однако все они также были сорваны активным сопротивлением внешнеполитического ведомства. Руководство министерства иностранных дел во главе с А.Козыревым утверждало, что ничего этого не нужно, что оно и так все делает правильно. Обычно аргумент был такой: мы все знаем сами, обладаем полной информацией, и не нужно нам мешать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Караджич Р. — Ельцину Б. 1994, 16 декабря; 1995, 7 января.
2. Бабурин С. — Батурина Ю. 1995, 11 января.
3. См.: Белградский еженедельник «Телеграф» о переговорах Козырев-Милошевич // ИТАР-ТАСС. Приложение «Мир и мы». 1995, 24 февраля.
4. Программа «Панорама»...
5. Личный рабочий архив.
6. Отменена поездка Батурина в Белград и Пале // Сводки СРНА, 1995, 2 марта.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. О действенности государственной власти в России. М., 1995, 16 февраля. С. 59.
8. Сводки Интерфакса, 1995, 7 марта.

9. Там же, 1995, 15 марта.
10. Личный рабочий архив.
11. Доклад Президенту Российской Федерации по результатам рабочего совещания по проблемам югокризиса (6-20 марта 1995 г.).
12. Караджич Р. — Ельцину Б. 1995, 22 марта.
13. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 27 марта.
14. Там же, 1995, 30 марта.
15. Сводки Интерфакса, 1995, 27 марта.
16. Там же, 1995, 27 марта.
17. Там же, 1995, 27 марта.
18. Щедрунова Е. Дипломатическая машина работает вхолостую // Сегодня, 1995, 29 марта.
19. Иванов И. — Батурина Ю. 1995, 18 апреля; Ю.Батурина — И.Иванову 1995, 22 апреля.
20. Романенко С. Увертюра к третьей войне? // Новое время. 1995. № 14.
21. Кириллова-Угрюмова Т. Политику страны определяет ее география // Деловые люди. 1995. № 62.
22. Костиков В. Когда святые маршируют // Сегодня, 1995, 10 августа.
23. Сводки Интерфакса, 1995, 10 апреля.
24. Щедрунова Е. Мечта о едином государстве осталась мечтой // Сегодня, 1995, 19 апреля.
25. Смиренский М. Александр Коржаков: Президенту еще в 1995 году говорили, что может случиться в Югославии через четыре года // Парламентская газета, 1999, 10 апреля.
26. См.: Кондрашов С. Уход верного Андрея: почему и что дальше? // Известия, 1996, 10 января.

Глава V

Декларация Государственной Думы

С самого начала югославского конфликта с критикой проводимой МИДом политики не уставал выступать российский парламент и особенно его нижняя палата. Пытаясь повлиять на югоруегулирование, Государственная Дума периодически посылала в Белград и Пале депутатские делегации. Не прошло мимо внимания Государственной Думы и развертывание мусульманского наступления в Боснии. В частности, депутаты приняли постановление «Об отмене экономических санкций и восстановлении полномасштабного сотрудничества с Союзной Республикой Югославией». О позиции Государственной Думы свидетельствовало то, что за этот документ проголосовал 301 депутат, против и воздержалось — всего по два депутата.

В постановлении говорилось, что СРЮ выполнила все требования резолюций ООН и в настоящее время не является участником конфликта, а потому нет никаких оснований для сохранения санкций. Президенту и правительству рекомендовалось активизировать усилия представителей России в Совете Безопасности ООН и в контактной группе по Боснии и Герцеговине по снятию санкций с СРЮ, в уведомительном порядке осуществлять поставки в эту страну газа и продукции гуманитарного назначения, проработать конкретные вопросы восстановления полномасштабного российско-югославского сотрудничества (1).

В целом, однако, решения Государственной Думы по югославскому урегулированию были расплывчатыми, грешили общими положениями и пожеланиями. Практической отдачи от деятельности Госдумы было немного. Ездившие в Югославию депутаты любили произнести тост о нерушимой русско-сербской дружбе, но дальше разговоров дело также не шло. Часто такой «военный туризм» приносил даже больше вреда, чем пользы, отдельные экстремистские высказывания российских гостей лишь дискредитировали важное дело. Конечно, были и депутаты, настроенные на серьезную работу. Но для ее эффективности нужен был диалог между парламентариями и российским внешнеполити-

ческим ведомством. И он отсутствовал не по вине депутатов. Министерство иностранных дел сознательно ограничило свое присутствие в парламенте лишь вопросами ратификации международных соглашений.

Как раз в это время США и их союзники уже откровенно брали курс на силовое разрешение боснийского кризиса. Со стороны западных и исламских стран вопреки эмбарго продолжались контрабандные поставки вооружений мусульманам и хорватам. По сообщениям «Вашингтон пост», пальма первенства в таких поставках перешла к Ирану. Он стал главным источником вооружения для боснийского правительства и передал ему уже сотни тонн оружия и боеприпасов. Иранские поставки шли в основном через хорватские порты, и Хорватия в качестве оплаты забирала себе часть груза. Американское правительство отлично знало об этом, но закрывало глаза, хотя даже оно понимало, что вместе с оружием Иран поставлял боснийским мусульманам и «свой радикальный вариант ислама». Более того, по сведениям газеты «Лос-Анджелес таймс», поставки оружия из Ирана одобрил в 1994 г. лично президент Б.Клинтон, причем Белый дом не ставил об этом в известность даже ЦРУ(2).

Позже газета «Вашингтон пост» сообщила, что в течение трех лет боснийских мусульман вопреки эмбарго снабжала оружием еще и Саудовская Аравия, израсходовав на эти цели около 300 млн. долларов. Военное снаряжение перебрасывалось также через Хорватию, а в отдельных случаях доставлялось под покровом ночи на аэродромы, контролируемые мусульманами. Содействие США этой операции началось еще при президенте Дж.Буше и значительно расширилось при президенте Б.Клинтоне(3).

Составной частью выбранного США и Западом варианта решения боснийского конфликта был, как упоминалось, курс на замену миротворческих сил ООН на войска НАТО. Для этого, во-первых, всемерно подчеркивалось, что ООН беспомощна, что ее операция полностью провалилась. Во-вторых, говорилось о дороговизне миротворческой операции. И на самом деле ее годовой бюджет составлял около 2 млрд. долл., что в полтора раза превышало регулярный ежегодный бюджет всей ООН. Правда, те же США как раз и были самым большим должником всемирной организации. И, в третьих, проводилась мысль о незащищенности «голубых касок». Для этого тоже были основания, так как в бывшей Югославии миротворцы ООН действовали в об-

становке продолжавшегося конфликта, а не, как обычно, — после него. Поддерживать мир в бывшей Югославии было сложно, ведь приходилось поддерживать то, чего не было.

19 апреля в центре Сараево в течение одних суток были убиты снайпером двое французских миротворцев. Общий счет потерь «голубых касок» в бывшей Югославии увеличился до 155 человек. Само французское командование посчитало, что стрельба велась с позиций, которые контролировали мусульмане. И именно Франция, имевшая в Боснии самый большой контингент военнослужащих, поставила вопрос об обеспечении должного уровня их безопасности(4). Совет Безопасности ООН в срочном порядке рассмотрел этот вопрос. Б.Бутросу-Гали было предложено представить свои предложения. Однако принятое решение касалось совсем другого вопроса и опять имело анти-сербскую направленность. Резолюция СБ ООН (Россия и Китай воздержались) предусматривала новые требования к Югославии, в том числе закрытия не только сухопутной границы с Республикой Сербской, но и воздушного пространства; разрыва линий электросвязи и т.д. Сократился и срок, после которого СБ ООН должен был подтверждать свое решение о символическом ослаблении санкций в отношении Югославии.

Предлогом для такой коррекции первоначального решения стала информация о «якобы имевшем место пролете вертолетов из Боснии в Югославию, что так и не было подтверждено»(5). По нашим данным, было не несколько вертолетов, а всего один — с генералом Р.Младичем на борту. Этот вертолет пересекал границу несколько раз, туда и обратно. Неуправляемый командующий войсками боснийских сербов летал в Югославию по личным делам. Но этого оказалось достаточным, чтобы вопрос о защите миротворцев заменить вопросом об очередном наказании сербов.

В ответ на новое давление боснийские сербы закрыли аэропорт в Сараево. Р.Караджич официально заявил, что «контактная группа не сможет больше пользоваться аэропортом для того, чтобы вести односторонние переговоры с мусульманским правительством»(6). В то же время Международный трибунал по бывшей Югославии назвал имена подозреваемых в совершении военных преступлений. Как и следовало ожидать, в списке оказались одни боснийские сербы (22 человека), а возглавили его их лидеры — Р.Караджич и Р.Младич(7). Участие в мирных переговорах стало для президента Республики Сербской еще более затруднительным.

Даже англичане признали опрометчивость этого шага, сделанного под давлением США. Он не оставлял для лидеров боснийских сербов никакого выбора кроме войны до победного конца. И все же Р.Караджич еще раз обратился к России с просьбой выступить инициатором в продлении оканчивавшегося 1 мая четырехмесячного «картеровского» перемирия. В противном случае уже начавшиеся боевые действия могли приобрести еще больший размах. Караджич писал, что готов продлить перемирие еще на шесть месяцев, чтобы за этот срок произвести раздел территорий в пропорции 50 на 50 с возможной его корректировкой по взаимной договоренности и определить конституционное устройство, при котором Республика Сербская получала бы самостоятельность в рамках Унии БиГ. Через несколько дней он довел эту идею и до американцев.

Мы считали, что просьбу лидера боснийских сербов целесообразно поддержать, ведь эта была и наша старая позиция — карта раздела + территориальное устройство. Правда, раздел территорий должен был происходить в соответствии с ранее выдвинутыми требованиями в пропорции 49 на 51 процент. Инициатива, предложенная Караджичем, в определенной степени отодвигала бы и возможное объединение боснийских и крайних сербов, в перспективы которого верилось с трудом, но оно спутало бы все карты еще больше (8).

В те пасхальные дни Р.Караджич говорил журналистам, что верит в скорое признание Республики Сербской мировым сообществом. Он также напомнил о странах, которые, по его мнению, симпатизировали боснийским сербам. По его словам, это были Греция, Болгария, Румыния, Великобритания и почему-то Япония. «О симпатиях России я даже и не говорю», — подчеркнул сербский лидер. К сожалению, позиции российской общественности и российского руководства отличались. Именно в тот момент МИД России принял решение послать в Сараево, то есть фактически к мусульманскому правительству Боснии, постоянного дипломатического представителя(9). Своевременность этой акции вызывала, мягко говоря, очень большие сомнения.

Попутно замечу, что меня всегда удивлял странный интерес боснийских сербов именно к Японии. В частности, на одной из скал по пути вниз, из Пале в Сараево, крупными буквами было написано: «Сербия до Токио». В шутку я спрашивал сербских солдат, державших в этом месте оборону, в какую сторону — на за-

пад или восток — пойдут они по дороге в Японию? Надписи на скалах и в других местах были, если можно так выразиться, народным творчеством. Когда не было боев, солдаты пытались чем-то себя занять. Придумывали и укрепляли на каждом блиндаже вдоль сараевской дороги звучное название, например, «Четник», играли в шахматы, читали книги. Сараевская дорога была относительно спокойным местом, и время для всего этого находилось. На ней служили в основном молодые ребята из соседних деревень. Только после того, как они обстреляются, их переводили на более опасные участки фронта. Такая ротация позволяла избежать лишних потерь.

Другое дело — сербская часть Сараево, например, микрорайон Грбавица. Там была какая-то сюрреалистическая картина между войной и миром. Некоторые дома были полуразрушенными, без дверей и стекол, но в остальных продолжалась жизнь. На улицах, перегороженных простынями от снайперов, сновали люди. Совсем близко от разграничительной стенки, делившей город на две части, работали магазины. В кафе сидели влюбленные парочки. Только юноши были в камуфляже и с «калашниковыми».

Но спокойствие было обманчивым. Все напряженно ждали, начнется ли вновь крупномасштабная война в Боснии с наступлением 1 мая? И она возобновилась. Только не в Боснии, а через четыре года затишья — в Хорватии. Нарушив все резолюции Совета Безопасности ООН и собственные договоренности с краинскими сербами, подразделения хорватской армии с использованием авиации, танков и тяжелой артиллерии начали, сметая наблюдательные пункты бросивших свои посты миротворцев, наступление на Республику Сербская Краина. Главный удар был нанесен по Западной Славонии. Долго ждавший своего часа президент Хорватии Ф. Туджман начал действовать.

Об одном из главных персонажей югославской драмы надо сказать подробнее. Он родился в 1922 г. в зажиточной крестьянской семье. С самого начала второй мировой войны вступил в партизаны, дослужившись до комиссара партизанской бригады. После войны, когда ему еще не было и 40 лет, стал самым молодым генералом в югославской армии. В 1961 г. вышел в отставку и занялся историей. Уже тогда стали проявляться его националистические взгляды, за которые он был позже исключен из Союза коммунистов и на два года посажен в тюрьму в связи с

хорватскими событиями 1971 г. Через десять лет Туджман был осужден еще на три года по тому же обвинению. В большую политику он вернулся в 1989 г. как основатель партии Хорватское демократическое сообщество. После победы партии на выборах и признания независимости Хорватии стал ее первым президентом.

На этом посту он остался непримиримым националистом. Одно из первых его высказываний было весьма показательным: «Я рад, что моя жена не сербка и не еврейка». Ф.Туджман, несмотря на заверения о том, что «Хорватия самая демократическая страна в мире», установил жесткий авторитарный режим. В частности, возможностей для деятельности оппозиции и свободы прессы в Хорватии было намного меньше, чем, например, в Югославии С.Милошевича. Хорватский президент оказался также любителем безудержной роскоши и шика. Вся его семья активно занималась не только политической, но и коммерческой деятельностью, что иногда оборачивалось крупными скандалами. Тем не менее, среди жителей страны Ф.Туджман приобрел ореол создателя первого независимого хорватского государства, а в хорватской прессе его называли даже «великим рулевым народа» и «героем всех героев».

Операция хорватской армии против Сербской Краины, которая получила название «Вспышка», была хорошо спланирована и заранее одобрена со стороны Германии и США. Кроме того, по сведениям зарубежной прессы, США в течение двух лет приложили большие усилия для «трансформации хорватской армии из хаотичной толпы в эффективную силу». Хорватская пресса вновь пела дифирамбы президенту Туджману, а «по масштабу личности» смогла сравнить его «только с двумя персонажами новейшей мировой истории — Кемалем Ататюрком и Шарлем де Голлем»(10).

В ответ на наступление хорватов краинские сербы впервые обстреляли Загреб ракетами типа «земля-земля». Было выпущено семь ракет. Шесть человек погибло. Одновременно лидер боснийских сербов Р.Караджич заявил, что не оставит краинских сербов без помощи. Но дело было сделано. Западная Славония вместе с символом геноцида сербского народа городом Ясеновацем (в нем находился самый большой концлагерь на территории бывшей Югославии времен второй мировой войны) перешла в руки хорватов. 400 мирных сербов было убито, около 20 тысяч бежало через мост на пограничной Саве в сербскую часть Боснии.

Реакция российского министерства иностранных дел была пассивной и привычной. Сначала был небольшой шум, попытка созвать Совет Безопасности ООН. Но он не стал рассматривать совершенную хорватами «этническую чистку» в Западной Славонии «из-за отсутствия сведений». Затем ответственность стала перекаладываться на обе стороны конфликта. МИД призвал и сербов, и хорватов «взять себя в руки», прекратить враждебные действия и отвести войска на исходные позиции в соответствии с Соглашением о прекращении огня от 29 марта 1994 г. «Взвешенной» позицией было названо заявление Белграда, осуждавшее как действия официального Загреба, так и ответный ракетный удар крайних сербов по хорватской столице (11).

Подготовленный нами для Б.Ельцина проект жесткого заявления озвучен не был. С осуждением действий Хорватии выступила только Государственная Дума России, которая приняла специальное постановление.

Тем временем, в конце мая натовские самолеты вновь нанесли бомбовые удары по позициям боснийских сербов, на этот раз в районе Сараево. Пресс-секретарь Белого дома М.Маккэрри заявил на брифинге, что президент Б.Клинтон приветствовал нанесение воздушных ударов. Маккэрри выразил надежду, что «эта демонстрация решимости подтолкнет стороны к тому, чтобы соблюдать те обязательства, которые возложены на них ООН, что будут предприняты шаги к примирению в какой-либо форме и будет сдвинут с места мирный процесс». Все повторялось в который уже раз: мусульмане нарушили перемирие, а сербов бомбили, чтобы добиться мира. Даже западная пресса отмечала, что «воздушные удары не входят в мандат сил ООН в качестве средства для достижения мира». Обращала она внимание и на то, что «налет авиации НАТО на позиции боснийских сербов последовал за двумя неделями непрерывного и все возрастающего давления со стороны США на ООН с целью заставить ее принять более жесткую позицию в Боснии» (12).

Отчаявшиеся на что-то повлиять, загнанные в кольцо двойной блокады, боснийские сербы пошли на рискованный и в чем-то безрассудный поступок — начали брать в заложники военнослужащих миротворческих сил и даже выставлять их в качестве живого щита на жизненно важных для себя объектах. Надо сказать, правда, что некоторые западные миротворцы действительно занимались деятельностью, несовместимой с их стату-

сом, в частности осуществляли наводку авиации НАТО на сербские цели. Руководство боснийских сербов выразило сожаление в связи с захватом миротворцев: «Это унижительно и для них, и для их стран. Однако их задержание было актом самообороны, и у нас не было другого выхода» (13). И все же своим поступком боснийские сербы фактически сыграли на руку своим недоброжелателям, дали им дополнительный повод для замены миротворцев ООН на военнослужащих НАТО.

В те дни в Белград по поручению Б.Ельцина должны были вылететь министры обороны и иностранных дел России. Этим поручением Ельцин откликнулся на многочисленные просьбы своих коллег Г.Коля, Дж.Мэйджора и других договориться с сербами об освобождении миротворцев-заложников. Об этой поездке официально объявил даже премьер-министр России В.Черномырдин. Однако поездка не состоялась. И вспомнить об этом эпизоде уместно, хотя бы потому, что в тот момент стал вырисовываться новый план боснийского урегулирования. Я подготовил его по просьбе помощников российского министра обороны, так как П.Грачев и А.Козырев в спешке должны были улететь без какой-либо серьезной проработки вопроса. Успели лишь попросить С.Милошевича зарезервировать им время для охоты (пример, который ярко демонстрирует качество нашей политики в югокризисе. — К.Н.).

Подготовленный по просьбе помощников Грачева план состоял из следующих пунктов:

«1. Республика Сербская отказывается от всяких враждебных действий против миротворческих сил ООН, заложники освобождаются, тяжелое вооружение возвращается на пункты его сдачи. Одновременно авиация НАТО обязуется прекратить бомбардировки сербских позиций, проводится демилитаризация мусульманских анклавов, находящихся под защитой «голубых касок», и усиливается контроль над нелегальными поставками оружия Мусульманско-хорватской федерации.

2. Заключается бессрочное перемирие между Республикой Сербской и Мусульманско-хорватской федерацией. К нарушителям перемирия предусматриваются жесткие меры воздействия со стороны мирового сообщества.

3. Под эгидой контактной группы в кратчайший срок организуются мирные переговоры между Р.Караджичем и А.Изетбеговичем (может быть, также с участием С.Милошевича и Ф.Туджмана).

4. Республика Сербская дает согласие принять карту территориального раздела Боснии и Герцеговины в качестве основы для переговоров при условии, что одновременно будет рассматриваться и другой важнейший элемент мирного плана — конституционное устройство БиГ. На переговорах неукоснительно соблюдаются равные права двух противоборствующих сторон.

5. До окончания переговоров и окончательного размена территориями войска Республики Сербской и Мусульманско-хорватской федерации разводятся на согласованное расстояние, но в целом остаются на своих позициях. Между ними, в так называемых «буферных зонах» — миротворческие силы ООН.

При согласии руководства Республики Сербской Россия готова отстаивать эти позиции на начинающемся заседании контактной группы на уровне министров иностранных дел. Если не получится, то может предложить провести заседание контактной группы на уровне министров обороны».

Министру обороны России эти предложения понравились, и он попросил их даже использовать при случае как «план Грачева»(14).

В целом, изобразив «для приличия» недовольство по поводу бомбардировок сербов, МИД России быстро переключился на поддержку западной линии — освобождение всех заложников без гарантий прекращения воздушных ударов по Республике Сербской и возобновление давления на С.Милошевича с целью признания Хорватии и Боснии в обмен на временную приостановку санкций.

Мы докладывали Б.Ельцину, что «пассивность России привела к усилению военной и дипломатической активности в бывшей Югославии западных стран». Просили послать все-таки кого-нибудь влиятельного политика в Белград и Пале, советовали, пока не поздно, выступить с инициативой по боснийскому урегулированию или от имени президента РФ, или от имени МИДа. В Приложении к записке был помещен текст «Инициативы по боснийскому урегулированию», состоявший из 6 пунктов. Фактически это был все тот же план, подготовленный для П.Грачева. Добавлен был лишь один пункт о том, что на время переговоров все антисербские санкции приостанавливаются, а после заключения соглашения по карте и конституционному устройству — отменяются(15).

Президент вызвал своего пресс-секретаря С.Медведева и поручил ему довести до сведения общественности, что он «направит своих представителей в бывшую Югославию для встречи с президентом Сербии С.Милошевичем и лидером боснийских сербов Р.Караджичем»(16). Конечно, было отрадно, что Россия все-таки вспомнила, что надо договариваться с боснийскими сербами. Но, к сожалению, в Югославию вновь никто не полетел, не получил развития и новый план боснийского урегулирования.

Тем временем заседавшая в конце мая в Гааге контактная группа по Боснии пришла к согласию относительно плана реорганизации и усиления миротворческой миссии Организации Объединенных Наций. На этом заседании англичане и французы подвергли американцев критике за то, что именно они «настояли на нанесении воздушных ударов, не задумываясь о последствиях». Одновременно вопрос об усилении безопасности миротворческих сил ООН в Боснии был рассмотрен на сессии Совета НАТО на уровне министров иностранных дел(17). Президент США Б.Клинтон изменил свою принципиальную позицию о недопустимости размещения в Боснии американских сухопутных войск и объявил о возможности их «временного использования» для помощи миротворческим силам ООН. Представитель Пентагона разъяснил планы администрации более подробно. Американские войска могут быть направлены в Боснию в трех случаях: если будет принято решение о выводе сил ООН при содействии НАТО, если силам ООН будет угрожать серьезная опасность и если НАТО будет участвовать в переформировании и усилении сил ООН(18).

Наконец, 3 июня в Париже состоялось совещание министров обороны стран-участниц НАТО. Было решено создать силы быстрого реагирования в составе 10 тысяч натовских военнослужащих, официальная задача которых была бы устранение силовым путем любых попыток воспрепятствовать выполнению миротворческими силами ООН своей миссии в Боснии и Герцеговине. В силы быстрого реагирования должны были войти в основном французские и английские военнослужащие. Американцы, несмотря на заявления Клинтона, вновь не рискнули отправить в Боснию сухопутные войска, но обязались оказывать силам быстрого реагирования НАТО поддержку с воздуха, предоставить им вертолеты, приборы ночного видения и обеспечить

их переброску в Боснию (19). Существовавший уже давно замысел замены сил ООН на войска НАТО перешел в стадию реализации.

Нами моментально была подготовлена очередная записка президенту: «На самом деле, — писали мы, — речь идет о последовательной линии Запада в югокризисе, направленной на постепенную замену миротворческих сил ООН в бывшей Югославии на войска НАТО. Указанные действия нельзя трактовать иначе, как расширение НАТО на Балканы. Формально решение об отправке военнослужащих НАТО в бывшую Югославию должно быть одобрено Советом Безопасности ООН. Однако фактически переброска сил быстрого реагирования без всякого мандата ООН в Хорватию на границы с Боснией уже началась. Причем натовские аналитики советуют сейчас не обращать особого внимания на реакцию Москвы. «Мол, Россия, за всю историю конфликта никогда не решалась на открытую конфронтацию с Западом в вопросе решения «сербской судьбы». Не решится и сейчас — пошумит, а потом все-таки соответственно и правильно проголосует».

Вопреки этому мнению, российской дипломатии целесообразно жестко выступать против любого наращивания присутствия военнослужащих НАТО в бывшей Югославии и изменения мандата находящихся там миротворческих сил ООН. При голосовании в СБ ООН вопроса о направлении в бывшую Югославию сил быстрого реагирования НАТО необходимо воспользоваться правом вето»(20).

Реакция российского министерства иностранных дел на новый поворот в боснийском урегулировании была вначале достаточно твердой. Официальный представитель МИДа Г.Карасин заявил, что Россия выступает против «самостоятельной роли» НАТО в боснийских делах, и напомнил, что «операция в Боснии осуществляется ООН». Он подчеркнул также, что мандат этой операции «не должен быть изменен»(21). Но уже на следующий день позиция МИДа резко изменилась. По словам того же Г.Карасина, еще «не совсем ясны цели, механизмы принятия решений, структура сил быстрого реагирования НАТО в Боснии, а также степень их сцепки с войсками ООН». Карасин заявил, что «главное сейчас — это уяснить общую концепцию и конкретные аспекты программы создания сил быстрого реагирования НАТО в Боснии», после чего российский МИД выскажет четкую позицию относительно этой идеи(22).

Изменение в позиции МИДа было четко зафиксировано во время визита А.Козырева в Великобританию. Он должен был подарить бюст У.Черчилля Имперскому военному музею в Лондоне и получить в ответ бюст Г.Жукова для московского мемориала на Поклонной горе. Но, конечно, основной темой переговоров А.Козырева должен был стать югославский кризис. Мы с тревогой ждали результатов визита и, к сожалению, не ошиблись. Переговорив два часа со своим британским коллегой Д.Хардом и министром обороны Великобритании М.Рифкингом, А.Козырев заявил, что «он вполне удовлетворен теми объяснениями и заверениями», которые ему даны по поводу сил быстрого реагирования НАТО. Их посылка в Боснию ни в коем случае не предполагает нарушения мандата, выданного СБ ООН миротворческими силами. А.Козырев даже не исключил, что и Россия сможет присоединиться к силам быстрого реагирования НАТО. Вопрос о бомбардировках сербских позиций российский министр не поднимал. Как сказал А.Козырев, «он просто надеется, что НАТО извлекла уроки из последней такой бомбардировки, которая была неудачной и, в особенности, плохо спланированной»(23).

Круг замкнулся. Президент, казалось, уже не реагировал на переданные ему записки. А.Козырев делал все, что хотел. И никого в российском руководстве это, как будто, не беспокоило, никто не испытывал особого желания заниматься неблагодарным делом югославского урегулирования. Оставалось в бессилии опустить руки. Выручил А.Мигранян, который посоветовал обратиться в Государственную Думу к председателю комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками К.Затулину. Я быстро с ним связался, благо знал его еще по учебе на историческом факультете МГУ. И буквально через несколько часов передал ему проект постановления Госдумы с инициативами по боснийскому урегулированию. Фактически речь шла все о том же плане урегулирования, составленном первоначально для П.Грачева, а затем для Б.Ельцина. Переданный документ также полностью исходил из логики, уже изложенной нами альтернативной модели разрешения боснийского кризиса.

К.Затулин быстро разобрался в существе вопроса и, будучи человеком дела, тотчас начал действовать. Однако наши замыслы, сам того не ведая, чуть не сорвал депутат С.Лютков, подготовивший еще раньше проект постановления Государственной Думы «Об эскалации вооруженного конфликта на Балканах». В

нем в очередной раз осуждались односторонние силовые акции НАТО в Боснии и Герцеговине, но не было ничего конкретного. За это постановление и проголосовали депутаты на другой день, 9 июня 1995 г. Однако надо отдать должное настойчивости К.Затулина. Он все-таки настоял на рассмотрении и другого документа, получившего необычное для парламента название — декларация.

Приведу аргументацию К.Затулина: «Уважаемые коллеги, речь идет о документе, который сегодня был среди всех присутствующих в зале депутатов распространен. Называется эта декларация «О позиции России на современном этапе кризиса в Балканах и инициативах по боснийскому урегулированию». Мы шли параллельными путями с коллегой Дютовым. Но его проект никак не отменяет самой этой инициативы. В свою очередь эта инициатива, по моему мнению, не входит в противоречие с принятым постановлением, просто это более развернутый концептуальный документ. А документы короткие, лапидарные мы уже много раз принимали. Это инициатива, которая в дальнейшем может быть предметом переговоров. Я убедительно прошу проголосовать...»(24)

В результате документ был принят Государственной Думой в форме постановления практически единогласно, воздержался лишь один депутат. На 99 % сохранился и первоначальный текст. Но чувство удовлетворения вызывало не это или не только это. К.Затулин был прав, с таким развернутым, программным документом Государственная Дума выступила впервые. Этот документ вообще оказался единственным планом боснийского урегулирования, принятым одним из государственных органов в России за все время конфликта. Подобного плана в МИДе, несмотря на частые заверения, выработано не было.

Прочитируем документ, принятый Государственной Думой полностью:

«Декларация

Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации

О позиции России на современном этапе кризиса на Балканах
и об инициативах по боснийскому урегулированию

Рассмотрев резкое обострение ситуации в бывшей югославской республике Босния и Герцеговина, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации констатирует, что ее причинами являются продолжающиеся односторонние

действия Запада в деле урегулирования и, в частности, очередные бомбардировки позиций боснийских сербов. Вновь повторилась известная схема: наступление мусульманских войск из зоны, находящейся под защитой ООН, контрнаступление сербов и бомбовые удары авиации НАТО. Вновь закрываются глаза на вооружение мусульманской и хорватской сторон в обход эмбарго, на участие регулярных войск Республики Хорватии в военных действиях в Боснии и Герцеговине. Лишь на бумаге остается основополагающее для разрешения кризиса решение Международной контактной группы от 2 декабря 1994 г. о равных правах противоборствующих в боснийском конфликте сторон.

Такая же необъективность наблюдается и в конфликте между Республикой Хорватией и Сербской Краиной. Без должного ответа остались как оккупация хорватскими войсками Западной Славонии, геноцид против проживавшего там сербского населения, так и происходящая в настоящее время агрессия в Северной Далмации. Нелишне напомнить, что территория Сербской Краины фактически также находится под защитой миротворческих сил ООН.

Только сербы пользуются так называемой привилегией на воздушные удары со стороны НАТО, что лишний раз подчеркивает тот факт, что посредники в урегулировании кризиса на территории бывшей Югославии превратились по сути в союзников хорватов и боснийских мусульман.

Особую опасность представляет решение Совещания министров обороны стран-членов НАТО от 3 июня с.г. о создании сил быстрого реагирования в количестве десяти тысяч военнослужащих. Фактически речь идет о последовательной политике Запада на территории бывшей Югославии, направленной на постепенную замену миротворческих сил ООН в бывшей Югославии на войска НАТО. Указанные действия нельзя трактовать иначе, как расширение военно-политического блока НАТО на Балканы и Юго-Восточную Европу в целом. Причем в отличие от споров о поэтапном принятии в НАТО стран Восточной Европы, это расширение планируется путем прямой интервенции. Хотя решение об отправке военнослужащих НАТО в бывшую Югославию в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций должно быть одобрено Советом Безопасности ООН, переброска сил быстрого реагирования в Республику Хорватию на границы с Боснией фактически уже началась.

В связи с этим крайнюю озабоченность вызывают высказывания министра иностранных дел Российской Федерации А.В.Козырева о возможности присоединения российских солдат к создаваемым силам быстрого реагирования. После одобрения антисербских санкций и разрешения на бомбардировки сербских позиций авиацией НАТО одобрение развертывания таких сил в бывшей Югославии явилось бы третьей грубейшей ошибкой России в урегулировании кризиса на территории бывшей Югославии. У России не может быть двух политик в отношении планов расширения НАТО. В то время как Президент Российской Федерации неоднократно публично заявлял о неприемлемости для нашей страны планов расширения этого альянса на страны Восточной Европы, министр иностранных дел Российской Федерации дает зеленый свет такому расширению в отношении бывшей Югославии.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации настоятельно рекомендует российской дипломатии жестко выступить против любого наращивания присутствия военнослужащих НАТО в бывшей Югославии и изменения мандата находящихся там миротворческих сил ООН; при голосовании в Совете Безопасности ООН вопроса о направлении в бывшую Югославию сил быстрого реагирования НАТО полномочному представителю Российской Федерации в Совете Безопасности ООН в обязательном порядке необходимо воспользоваться правом вето.

Отмечая также, что поведение МИД РФ в деле урегулирования кризиса на территории бывшей Югославии привело к многим серьезным просчетам, что фактически у российской дипломатии отсутствует четкая принципиальная и последовательная позиция в вопросе об урегулировании кризиса на Балканах, имеющего стратегическое значение для государственных интересов России, Государственная Дума предлагает Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации создать совместную комиссию из представителей федеральных законодательных и исполнительных органов государственной власти для выработки и координации политики России по разрешению конфликта на территории бывшей Югославии.

Учитывая, что урегулирование конфликта в Боснии может быть осуществлено только дипломатическим путем, путем возобновления диалога между враждующими сторонами, Государ-

ственная Дума предлагает всем противоборствующим в боснийском конфликте сторонам, а также мировому сообществу следующий план урегулирования боснийского кризиса:

1. Республика Сербская отказывается от всяких враждебных действий против миротворческих сил ООН, все захваченные заложники освобождаются, тяжелое вооружение возвращается в установленные места его хранения. Одновременно вводится мораторий на бомбардировки авиацией НАТО сербских позиций, проводится демилитаризация мусульманских анклавов, находящихся под защитой миротворческих сил ООН, усиливается контроль за попытками нелегальных поставок оружия мусульманской и хорватской сторонам.

2. Заключается бессрочное перемирие между Республикой Сербской и Мусульманско-хорватской федерацией. Предусматриваются действенные меры воздействия к любым нарушителям перемирия со стороны мирового сообщества.

3. Под эгидой Международной контактной группы в кратчайший срок организуются мирные переговоры между Р.Караджичем и А.Изетбеговичем (с возможным участием С.Милошевича и Ф.Туджмана).

4. Республика Сербская дает согласие принять карту территориального раздела Боснии и Герцеговины в качестве основы для переговоров. Одновременно на переговоры выносятся и другой важнейший элемент мирного плана — конституционное устройство Боснии и Герцеговины. Два этих вопроса рассматриваются в пакете. На переговорах неукоснительно соблюдаются равные права всех противоборствующих сторон. Действие санкций, введенных международным сообществом против сербов, приостанавливается.

5. До заключения соглашений по территориальному разграничению и конституционному устройству Боснии и Герцеговины, а также окончательной демаркации границы в Боснии и Герцеговине войска сербской, мусульманской и хорватской сторон разводятся на согласованное расстояние, но в целом остаются на своих позициях. Между ними в так называемые «буферные зоны» вводятся миротворческие силы ООН.

6. После заключения соглашений по территориальному разграничению и конституционному устройству Боснии и Герцеговины Союзная Республика Югославия признает найденное противоборствующими сторонами решение. Все санкции международного сообщества против сербов отменяются.

Государственная Дума рассчитывает на заинтересованное и внимательное рассмотрение своих инициатив международным сообществом, Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации»(25).

К сожалению, ни правительство России, включая министерство иностранных дел, ни правительство Югославии, ни тем более мировое сообщество на предложение Государственной Думы не откликнулись. Не было даже попыток проанализировать документ. Все сделали вид, что ничего не произошло. Отклик пришел только из Пале. И главная заслуга в этом принадлежала представителю Республики Сербской в Москве Т.Дутине. Он сработал очень оперативно. И уже через несколько дней Декларация российской Государственной Думы была рассмотрена и поддержана на заседании парламента (скупщины) Республики Сербской. Депутаты скупщины высоко оценили инициативы Госдумы и подчеркнули, что это «может быть солидной основой для продолжения политических переговоров между враждующими сторонами»(26).

Новый миролюбивый жест Республики Сербской также остался почти незамеченным. Определенная реакция была лишь в аппарате российского президента. По словам «источника, близкого к администрации президента», большинство «демократически и патриотически ориентированных» сотрудников аппарата главы российского государства позитивно восприняли известие об одобрительном отношении боснийских сербов к «мирному плану Думы»(27).

И все-таки одной Декларации Государственной Думы для оказания воздействия на руководство российского внешнеполитического ведомства было, естественно, очень мало. Оно продолжало свою прежнюю линию и слушать не хотело о создании какой-либо совместной с депутатами комиссии для выработки консолидированной позиции в югославском урегулировании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: сводки Интерфакса, 1995, 14 апреля.
2. Козловский В. Иран поставляет оружие боснийским мусульманам // Сегодня, 1995, 19 апреля; сводки ИТАР-ТАСС, 1996, 5 апреля.
3. Сводки ИТАР-ТАСС, 1996, 3 февраля.

4. Фадеев Е. Судьба «голубых касок» // Правда, 1995, 20 апреля.
5. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 22 апреля.
6. Щедрунова Е. Сербы закрыли аэропорт Сараево // Сегодня, 1995, 25 апреля.
7. Подробнее документы, связанные с обвинением Р.Караджича, см.: Чавошки К. Хаг против правде. Случај др Радована Караџића. Српско Сарајево. 1997.
8. Батурич Ю. — Ельцину Б. 1995, 29 апреля.
9. Некрасов И. Сербы и мусульмане против продления перемирия // Сегодня, 1995, 28 апреля.
10. Стахов А. Загреб празднует победу // Там же, 1995, 6 мая; Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 7 мая.
11. Сводки Интерфакса, 1995, 3 мая.
12. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 26 мая.
13. Там же, 1995, 30 мая; сводки Постфактума, 1995, 31 мая.
14. Личный рабочий архив.
15. Батурич Ю. — Ельцину Б. 1995, 5 июня.
16. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 5 июня.
17. Там же, 1995, 30 мая.
18. Лукьянов Ф. Билл Клинтон объявил об изменении американского подхода к боснийской войне // Сегодня, 1995, 2 июня.
19. Большаков В. Именем «нового мирового порядка» // Правда, 1995, 6 июня.
20. Батурич Ю. — Ельцину Б. 1995, 6 июня.
21. Сводки Интерфакса, 1995, 5 июня.
22. Сводки Постфактума, 1995, 6 июня.
23. Шальнев А. Российские солдаты, возможно, присоединятся к силам быстрого реагирования в бывшей Югославии // Известия, 1995, 8 июня.
24. Стенограмма заседаний Государственной Думы. Бюллетень № 109. М., 1995, 9 июня. С.38-39.
25. О позиции России на современном этапе кризиса на Балканах и об инициативах по боснийскому урегулированию // Российская газета, 1995, 22 июня.
26. Сводки СРНА, 1995, 14 июня; сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 15 июня.
27. Сводки Интерфакса, 1995, 15 июня.

Глава VI

Варианты действий президента России

17 июня 1995 г. в канадском городе Галифаксе должна была состояться очередная встреча лидеров ведущих держав мира. Традиционно на таких встречах предусматривались экономическая и политическая дискуссии, а в последней большое внимание уделялось региональным конфликтам. Был хороший повод еще раз попытаться скорректировать российскую позицию по югокризису.

Как всегда, написали записку Б.Ельцину, где опять указали на опасность того, что скоро в бывшей Югославии к авиации альянса могут присоединиться и сухопутные силы НАТО. В качестве основы для российской позиции в политической дискуссии предложили использовать Декларацию Государственной Думы и содержащуюся в ней инициативу с альтернативным вариантом боснийского урегулирования. «Эта инициатива — вполне умеренная и идет в русле доклада о югокризисе, подготовленного по Вашему заданию заинтересованными министерствами и ведомствами. Инициативу Госдумы 14 июня с.г. поддержал парламент боснийских сербов»(1).

За три дня до Галифакса состоялась также обычная в те годы встреча Б.Ельцина с рядом экспертов по экономике и внешней политике. На этой встрече, что было уже не совсем обычно, должен был присутствовать и министр иностранных дел. Мы договорились с приглашенным на беседу с президентом А.Миграняном, что он еще раз попытается обратить внимание Б.Ельцина на опасность развертывания сил быстрого реагирования НАТО и на Декларацию Государственной Думы по югославскому вопросу. А.Мигранян так и поступил. В свойственной ему манере, без каких-либо экивоков и пространных рассуждений он четко расставил все акценты.

У меня сохранилась стенограмма этой встречи. Редко, когда А.Козырев выслушивал подобные вещи, особенно в присутствии президента. Прочитирем интересующий нас фрагмент:

«А. Миграян: «Я хотел бы остановиться на вопросах, которые меня больше интересуют. И мне кажется, они будут во время политической дискуссии центральными. Вот, собственно, несколько центральных вопросов.

Это проблема Боснии, вообще вопрос Балкан. И проблема НАТО. Собственно, то, где у нас есть позиции, где у нас есть расхождения и где мы должны очень четко определить собственные позиции.

Должен сказать, что хорошо, что здесь присутствует Андрей Владимирович (Козырев. - К.Н). Я хотел воспользоваться случаем и сказать, что, на мой взгляд, мы очень несвоевременно присоединились к «партнерству во имя мира». Я изначально был против этой идеи, потому что мне казалось, что это потом — «зеленая дорога» к расширению НАТО. Была у нас другая линия, что если мы присоединимся к этой программе, то это заблокирует возможность расширения НАТО.

Но когда уже принято решение о расширении НАТО, зачем нам присоединяться к такой программе? Это, мне кажется, с нашей стороны было не продумано или недостаточно продумано, скажем так. Это первый вопрос.

Второй вопрос. С одной стороны, мы говорим о том, что мы против расширения блока НАТО, а с другой стороны, мы фактически закрываем глаза на его де-факто расширение уже. Вот в этой связи я, кстати, хотел бы сослаться даже на одно заявление, сделанное в Лондоне. И Андрей Владимирович об этом говорил...

НАТО создает силы быстрого реагирования. Они их частично уже переместили в Хорватию. Фактически нет мандата Совета Безопасности. НАТО фактически под себя подминает Совет Безопасности. С нами не консультируется, наносит удары. Фактически идет линия на замену миротворческих сил силами НАТО. И в этой связи я был очень удивлен, когда Андрей Владимирович в Лондоне говорит, что «российские солдаты, возможно, присоединятся к силам быстрого реагирования в бывшей Югославии».

Таким образом, мы фактически говорим в одном месте, что мы против расширения НАТО, где только идут разговоры, а в другом месте фактически мы даем «зеленый свет» де-факто расширению зоны действий на Балканы.

Б.Ельцин: Придется дезавуировать его заявление в Галифаксе. В моем выступлении будет сказано, что мы против силового такого давления. Наша позиция по Боснии остается прежней.

А.Козырев: Мы сначала проведем анализ. Не будем оценивать сейчас.

А.Мигранян: Мы не можем согласиться на действия НАТО без мандата Совета Безопасности. Вот эта наша центральная линия должна быть, принципиальная линия.

Кстати, я должен, конечно, признаться, что мы достаточно оперативно среагировали. И я думаю, что перед Вашей поездкой в Галифакс мы подготовили декларацию от Государственной Думы. Дума сделала такую декларацию. И, как всегда бывает в таких случаях, когда американский президент говорит: «Вы знаете, я был бы рад поддержать эту идею, но Вы понимаете, что у меня такой конгресс, они выражают свои взгляды, они выражают мнение общественности, мы не хотим ссориться, это демократия, трудная проблема, с демократией так просто не бывает...»

Я думаю, что это одна важнейшая проблема. Мало того, мне кажется, что раз с нами считаются, особенно в этом вопросе, это потому, что у нас есть позиция, у нас есть возможности влиять. И плюс, конечно, если будет на Совете Безопасности обсуждение этого вопроса по поводу сил быстрого реагирования и их размещения на Балканах, мы фактически должны использовать право вето...»(2)

А.Мигранян на самом деле предельно точно указал на два самых важных и взаимосвязанных момента тогдашней внешнеполитической ситуации. По любопытному совпадению уже на другой день вышло большое интервью первого заместителя министра иностранных дел И.Иванова, где он попытался ответить на те же два вопроса: «Партнерство ради мира» и югославское урегулирование.

Именно эти вопросы вызывали, по словам корреспондента, вал критики «то слева, то справа». В ответ И.Иванов пространно рассуждал о том, что вообще-то МИД приветствует серьезную критику, иначе будет утрачена «связь с повседневной жизнью», произойдет сползание к «кабинетному мышлению», но в целом критика происходит из-за плохой информированности. «Бывают дни, когда, скажем, телеграммы по ситуации в Боснии устаревают еще до того, как их кладут мне на стол. Чего же ждать от

наблюдателей «со стороны», не имеющих полной и достоверной информации о сегодняшних событиях?!»

Таким образом, МИД, с одной стороны, сам монополизировал всю сферу внешней политики, в том числе и — внешнеполитической информации, а с другой стороны, хотел бы сотрудничать «с серьезными экспертами» и «добросовестными оппонентами», да не может, ибо они этой самой информацией не обладают.

По поводу же урегулирования в бывшей Югославии первый заместитель министра иностранных дел заявлял следующее: «Нас обвиняют, к примеру, в том, что мы сдаем позиции сербов в Югославии. Но даже западники сейчас признают, что именно благодаря последовательной и твердой позиции России ... удалось вывести Белград на поддержку мирного плана. А теперь идут активные переговоры о механизме приостановки значительной части санкций ООН против СРЮ. Но ведь это именно то, к чему мы стремились!»(3)

Получалось, что МИД России вначале поддержал введение санкций, затем стал стремиться к их снятию — и все это делал «последовательно и твердо». Причем, обещая снятие санкций, МИД заставил Белград ввести блокаду Пале. И почти год вел бесконечные разговоры только о временной приостановке санкций, да еще после выполнения Югославией ряда дополнительных требований. А тем временем НАТО уже, не скрывая, готовила планы вторжения на территорию Боснии. Как можно было выдавать все это за свои дипломатические победы?

Но вернемся к Галифаксу. Там, 17 июня 1995 г., во время дискуссии по политическим вопросам Б.Ельцин впервые предложил, наконец, свой вариант решения боснийской проблемы. К сожалению, у меня нет стенограммы, поэтому цитировать приходится по тому тексту, который был у президента в руках. Возможно, он что-то добавил, но существенных изменений не было точно, общий смысл остался. Это подтвердили мне и коллеги, которые находились вместе с Б.Ельциным в Канаде.

По югославской проблематике у российского президента был заготовлен следующий текст:

«Первостепенная задача — переломить эскалацию конфликтов в бывшей Югославии. В боснийских делах — выбор и шанс у нас общий и однозначный: это политические средства.

Боснийский сценарий набил оскомину: вначале наступление мусульман, на которое сербы отвечают обстрелом городов, за-

тем авиаудары только по сербам, после авиаударов — захват заложников. Итоговая реакция на все это оказалась в общем-то правильная — ценой больших наших усилий. Но остается вопрос, зачем вообще было доводить дело до столь драматической отметки, создавая тем самым друг другу еще и «трудности» дома.

А военный накал продолжается. Только отпустят заложников — снова мусульмане собираются наступать. И опять ждать реакции боснийских сербов?

Для всех нас хороший урок: нужна логика и политика мира. Хватит превращать миротворцев в живые мишени. (Здесь была вставка МИДа о фактическом одобрении Россией разворачивания в Боснии сил быстрого реагирования НАТО, но мы, в группе спичрайтеров, вычеркнули ее еще в Москве, на стадии подготовки текста. — К.Н.). Однако и другого соблазна допустить нельзя. Если миротворческие силы ООН будут втянуты в конфликт, да еще на одной стороне — мусульманской — быть большой беде. У нас здесь позиция четкая. Если дело пойдет по такому пути, то без России. Более того, выступим против».

На этом текст, подготовленный в Москве, заканчивался. Уже в Галифаксе был добавлен и самый главный фрагмент о боснийском урегулировании, который во многом основывался на наших предыдущих разработках. Мне трудно судить, почему МИД пошел на включение в текст этого фрагмента. Возможно, этого, исходя из наших советов, потребовал сам Б.Ельцин, возможно, свою роль сыграла все усиливавшаяся критика, а возможно, дипломаты решили — пусть президент сам один раз попробует переломить ситуацию, получит дружный отпор от своих партнеров по «семерке/восьмерке» и больше не захочет.

Тем не менее далее в тексте президента следовало (мною добавлены только цифры, чтобы показать последовательность предложенных шагов. — К.Н.):

«Предлагаю вариант действия, который связывает все главные аспекты решения боснийской проблемы.

(1) Милошевич и Караджич подписали бы рамочное соглашение о конфедеративных связях Республики Сербской с СРЮ, которое «до запятой» совпадало бы с тестом аналогичного соглашения Мусульманско-хорватской федерации БиГ с Хорватией. При этом (2) боснийские сербы, получив таким образом гарантии на будущее, принимают мирный план Контактной группы в качестве отправной точки переговоров с правительством БиГ.

(4) Одновременно происходит взаимопризнание Белграда и Сараево. За это (5) сербы получили бы приостановку всех санкций.

Позитив такой идеи вижу в том, что она в значительной степени учитывает публично заявленные требования и Пале, и Сараево, и Белграда, а косвенно и интересы Загреба. Важно и то, что наши предложения идут в русле уже наработанных в Контактной группе возможных развязок боснийского узла. Плавное же — возвращаем процесс полностью в политическое русло, (3) стороны подписывают новое соглашение о прекращении огня, а Сербско-Боснийская Республика остается на «бумаге» (4).

В варианте решения боснийской проблемы Б.Ельцина фактически к дискутируемому в то время вопросу (взаимопризнание в обмен на приостановку санкций) был добавлен еще один важнейший вопрос: подписание соглашения о конфедерации между Югославией и Республикой Сербской в обмен на согласие боснийских сербов на карту разграничения в качестве отправной точки для переговоров. Это был заметный, хотя и компромиссный шаг вперед. Но даже в таком, компромиссном виде предложение Б.Ельцина не прошло.

Наводит на размышление комментарий В.Абарина (журналиста из команды, сопровождавшей министра иностранных дел во время его визитов, и всегда придерживавшегося козыревской точки зрения). В газете «Сегодня» он вместе с Е.Соколовым писал: «Усиленно распространявшиеся членами российской делегации слухи о существовании некоего «плана Ельцина» по боснийскому урегулированию не подтвердились, если не считать таковым с треском провалившееся предложение поддержать федерацию самопровозглашенной Сербской Республики в Боснии с СРЮ. Президент Ельцин в долгу не остался и пообещал, что впредь Москва не допустит бомбардировок «югославской территории». Совершенно очевидно, что угроза эта — полный блеф, если, конечно, Россия не собирается вступить в войну на сербской стороне» (5).

Как показали дальнейшие события, для российского МИДа идея конфедерации Югославии и Республики Сербской, которую озвучил Б.Ельцин, оказалась проходной и ни к чему не обязывавшей. Куда большую настойчивость руководство МИДа проявило при легализации идеи направления в Боснию сил быстрого реагирования.

Сразу после Галифакса Б.Ельцин направил президенту Югославии З.Личичу послание с информацией об итогах обсуждения на саммите тематики югокризиса. В подготовленном МИДом послании вместо идеи о конфедерации главное внимание было уделено силам быстрого реагирования. Было сказано, что «Россия согласилась с необходимостью усиления миротворческих сил, повышения как их собственной безопасности, так и способности оказывать эффективную помощь гражданскому населению. Вместе с тем, мы твердо выступили против наделения сил быстрого реагирования полномочиями, выходящими за рамки СООНО, добились от западных партнеров гарантий того, что эти силы будут строго подчинены командованию ООН»(6). Оговорки вряд ли могли кого-то обмануть. Шлагбаум был поднят. Силам быстрого реагирования открывалась дорога в Боснию.

Но все-таки после Галифакса российский МИД возобновил прерванные почти на год контакты с руководством Республики Сербской. В Белград и Пале был послан с «полуофициальным» визитом считавшийся специалистом по югославским делам посол России в Бельгии В.Чуркин. Это случилось сразу после освобождения боснийскими сербами последней группы заложников из числа миротворцев. (К слову сказать, сразу после этого миротворцев стали захватывать мусульмане и хорваты, но особой реакции мирового сообщества не было). Поездка В.Чуркина, совершенная вне запланированных акций контактной группы, вызвала даже определенное подозрение у США. Продолжая линию президента России, он говорил руководству боснийских сербов о возможных конфедеративных или особых отношениях между Республикой Сербской и Югославией(7).

Фактически МИД начал делать то, что мы предлагали ему еще в июле 1994 г. Однако, повторимся, все это были разовые действия российской дипломатии, больше рассчитанные на успокоение властей и общественного мнения внутри России. Особой активности МИД не предпринимал и действовал как бы нехотя, против своей воли. Да и время было уже совсем другое, чем год назад. Выбор силового варианта разрешения конфликта Запад, судя по всему, уже сделал.

В начале июля А.Козырев уже официально обратился к президенту России по поводу развертывания в Боснии сил быстрого реагирования. Он доказывал нецелесообразность примене-

ния Россией права вето в Совете Безопасности ООН: «Все остальные члены Совета нас не поддержали. Только китайцы вяло дистанцировались от германо-американской линии, судя по всему, могут воздержаться. Применение права вето при голосовании привело бы к автоматическому восстановлению санкций в отношении СРЮ в полном объеме...»

Наконец, Б.Ельцин стал понимать, что А.Козырев за его спиной уже обо всем договорился. Он вместо ответа подписал жесткое поручение секретарю Совета безопасности О.Лобову, министру иностранных дел А.Козыреву, министру обороны П.Грачеву и директору Службы внешней разведки Е.Примакову: «Похоже, что, несмотря на оптимистические реляции, в вопросе снятия санкций — да и по другим вопросам урегулирования в бывшей Югославии — мы все время оказываемся в невыгодном положении. Продвигать нашу политику не получается.

Голосование по резолюции фактически predetermined.

Готовьте вопрос о нашей линии в югокризисе для обсуждения на ближайшем заседании Совета безопасности»(8).

Такое заседание Совета безопасности России планировалось на 12 июля. Для Б.Ельцина был подготовлен довольно жесткий текст выступления. В нем говорилось, что «в нашей политике по разрешению югокризиса не все ладится. Мы зачастую боремся против тех мер, на которые сами ранее непродуманно давали согласие... Последний пример — создание так называемых сил быстрого реагирования. Теперь получается, что и сухопутные войска НАТО могут участвовать в операциях на территории Боснии и Герцеговины. Как можно было давать этому «зеленый свет»? Тем более, что четко не определены ни статус этих сил, ни срок их пребывания в Боснии. Уже начинают раздаваться голоса, что первой задачей сил быстрого реагирования будет силовая деблокада Сараево. То есть по сути прямое силовое вмешательство мирового сообщества в гражданскую войну в Боснии на стороне мусульманско-хорватской коалиции...

События в Боснии и Хорватии ставят под угрозу и наш контингент миротворческих сил. Кроме того, он испытывает давление со стороны международного руководства этой операцией. То наших миротворцев хотят перебросить с места на место, то придумывают маршрут их возможного вывода через Боснию и Хорватию. То есть через самые опасные районы боев. Ведь ясно, что гораздо более безопасным был бы их отход через тер-

риторию Союзной Республики Югославии, вблизи границ которой они и находятся...

Все более убеждаюсь, что в одиночку с таким сложным кризисом МИДу справиться не удастся...»(9)

К сожалению, заседание Совета безопасности России не состоялось из-за болезни президента. В целом, начиная, примерно, с саммита в Галифаксе здоровье Б.Ельцина становилось все большей проблемой и для решения югославских вопросов. Президент вроде бы лучше начинал понимать ситуацию, сложившуюся в югокризисе, но исправлять ее у него уже не хватало сил.

Против развертывания сил быстрого реагирования публично выступил в те дни Ю.Батулин. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» он заявил, что «боснийский конфликт — центральная точка внешних угроз для мира в целом. Как ни странно, именно там, в Боснии решается, как будут относиться к России и ее политике в Европе и во всем мире». Батулин подчеркнул необходимость играть более активную роль в этом конфликте: «Равный подход должен быть ко всем сторонам. Надо активизировать деятельность контактной группы, члены которой на переговорах должны работать не сколько между собой, сколько с противоположными сторонами». И, наконец, развертывание на Балканах сил быстрого реагирования — «неприемлемо», так как это является «фактическим расширением НАТО на Балканы под маркой урегулирования кризиса»(10).

Тем временем обстановка в Боснии еще более накалилась. Боснийские сербы, которым надоело терпеть провокации из мусульманских анклавов, потребовали у противника сдать все тяжелое вооружение, нарушавшее статус «зон безопасности». После отказа мусульман они быстрой атакой захватили Сребреницу (чуть позже была захвачена Жепа, под угрозой ликвидации оказался и последний анклав в Восточной Боснии — Горажде). В ответ авиация НАТО нанесла по боснийским сербам уже одиннадцатый по счету воздушный удар.

Очередная попытка Запада повлиять на боснийскую ситуацию произошла в Канне на саммите Европейского Союза. Было решено поддержать развертывание сил быстрого реагирования и инициативу нового посредника в югоурегулировании К.Бильдта, заменившего Д.Оуэна и выдвинувшего идею признания Югославией только БиГ (раньше требовалось признание еще и Хорватии) в обмен на приостановку части санкций. Идея Бильдта

была логичной, так как и санкции вводились только из-за положения в Боснии. Однако это вызвало критику даже некоторых российских обозревателей: дескать, «у мирового сообщества более не останется средств давления для признания Сербией границ с Хорватией»(11). Почему-то эти наблюдатели забывали, что и саму Хорватию ЕС признал только при условии уважения прав сербского меньшинства.

21 июля 1995 г. в Лондоне состоялась большая конференция по урегулированию конфликта в Боснии, в которой приняли участие министры иностранных дел, обороны и начальники штабов стран контактной группы, а также представители 11 государств, военнослужащие которых входили в состав миротворческих сил ООН. По итогам конференции боснийским сербам был предъявлен ультиматум: отказаться от нападения на «зону безопасности ООН в Горажде», однако ожидавшееся по требованию США решение о начале массированных бомбардировок их позиций не прошло. Фактически на этой конференции произошел раскол. Ее участники так и не смогли договориться по заключительному документу.

На пресс-конференции российский министр обороны П.Грачев напомнил, что ответственность за эскалацию конфликта несут обе стороны. В этой связи он высказался за более четкое определение статуса «зон безопасности» и их полную демилитаризацию. Вместе с А.Козыревым он также привлек внимание журналистов к «инициативе Б.Ельцина о проведении встречи высших руководителей «политической восьмерки» с представителями враждующих сторон для обсуждения путей политического урегулирования боснийского конфликта». В то же время на этой пресс-конференции представители США сообщили, что Я.Акаси лишен права вето на использование авиации НАТО в Боснии. Теперь, по словам американцев, принимать решение о воздушных ударах будет только командующий миротворческими войсками ООН в Боснии англичанин Р.Смит.

Перед вылетом из Лондона А.Козырев заявил, что «мы продемонстрировали всему мировому сообществу план мирного урегулирования конфликта..., однако наши западные партнеры оказались не готовы отказаться от военных схем. Но зерно брошено, и, я думаю, оно прорастет»(12).

Таким образом, единство внутри контактной группы, о сохранении которой так много говорил Запад и так тщательно забо-

тился российский МИД, перестало играть какую-либо роль, как только не удалось в очередной раз уговорить Россию. Пресс-секретарь Белого дома М.Маккэрри подчеркнул, что, «несмотря на несогласие России с нанесением в Боснии ударов ВВС НАТО, в случае необходимости они будут предприняты», а министр обороны У.Перри отметил, что удары НАТО совсем не обязательно будут ограничены районом Горажде, а могут быть нанесены по значительно большей площади(13). Самые горячие головы на Западе заговорили даже о возможной «Балканской буре» по примеру «Бури в пустыне» — войны против Ирака в 1991 г.(14)

Отправившись из Лондона в Белград на встречу с С.Милошевичем, А.Козырев предложил президенту Сербии послать 500 российских миротворцев в район Горажде, фактически в самое опасное на тот момент место. Причем, если до этого российские военнослужащие и в Хорватии, и в Боснии фактически защищали сербские позиции, то теперь им предстояло стать на пути армии боснийских сербов, защищая мусульман, и, возможно, стать их заложниками. Ведь мусульмане в Горажде уже начали разоружать находившихся там украинских миротворцев. Эксплуатируя дружеское расположение сербов, А.Козырев попытался еще раз эффектно разыграть вариант с «сараевским маршброском», но уже со знаком «минус», а не «плюс». Он так спешил, что хотел объявить об этой инициативе уже по прилету в Москву, в аэропорту Внуково-2. Нам удалось предупредить президента и П.Грачева, и никому не нужная инициатива Козырева была заблокирована(15).

Пока шли разговоры о мандате сил быстрого реагирования, они по просьбе командования СООНО уже были переброшены под Сараево и расположены на горе Игман, через которую проходила единственная дорога, связывавшая мусульманскую часть Сараево с внешним миром(16). Тогда же Генеральный секретарь ООН Бутрос-Гали согласился передать право отдавать приказы на использование авиации НАТО военному командованию миротворческих сил. Правда, это право он передал не командующему этими силами в Боснии Р.Смиту, а командующему всеми миротворцами в бывшей Югославии французскому генералу Б.Жанвье(17).

В те дни ходили разные слухи, почему Бутрос-Гали так послушно и безропотно выполнял все то, что от него требовали США и НАТО. В частности, были сообщения и о вмешательстве

в это дело американских спецслужб. Они якобы смогли использовать тот факт, что в Египте на наркотиках попался непутевый племянник Генерального секретаря ООН, и ему по местным законам грозила смертная казнь. Чтобы этого не произошло, от дяди потребовали определенные услуги(18).

Отлучение политического руководства ООН от механизма принятия решений и перевод этого механизма на более низкий военный уровень означал сильнейший удар по принципу «двойного ключа». Вместе с развертыванием сил быстрого реагирования — ударной сухопутной группировкой НАТО это обещало стать преддверием последнего акта боснийской войны.

В те дни Б.Ельцин обратился с личными посланиями к руководителям стран контактной группы Б.Клинтону, Г.Колу, Ж.Шираку и Дж.Мейджору, в которых изложил свое видение боснийского урегулирования. Послание готовилось МИДом, так что во многом это была скорее позиция российского внешнеполитического ведомства.

В посланиях говорилось, что «последние события в Боснии — отказ правительства БиГ продолжить перемирие, активные наступательные действия на Сараево и ответные нападения боснийских сербов на «зоны безопасности» резко обострили ситуацию в этом районе. Эскалация конфликта пошла как бы по второму кругу, вновь говорим о Горажде, Сараево, Бихаче.

Думаю, лондонская встреча министров иностранных дел, обороны и начальников штабов подтверждает, что члены Контактной группы согласны в главном — добиться устойчивого мира на Балканах можно лишь политическими средствами. Уверен, что если удастся сохранить единство КГ, не скатиться на путь силовой логики в урегулировании, которая лишь отбросит этот процесс, мы сможем добиться прекращения этого самого тяжелого и кровопролитного конфликта в послевоенной Европе.

Для того, чтобы предотвратить развитие событий в Боснии по самому худшему военному сценарию, я направил в Белград министра иностранных дел Козырева, который встретился с Милошевичем, высшим военным руководством СРЮ, а также генералом Младичем. Общий итог дискуссий — шанс на улучшение обстановки есть.

1. Сербь обещали нам не трогать Горажде и не предпринимать наступательных действий в районе Сараево. Для «надежности» Младич просит разместить в анклавe Горажде часть пер-

сонала российского контингента СООНО (как было на самом деле, мы уже рассказывали. — К.Н.). Мы настаиваем, чтобы в таком случае туда были направлены дополнительные подразделения других стран. Нам известно, что такое намерение высказывала Франция.

Важным считаю готовность Пале держать открытой дорогу Сараево — Киселяк (по дороге, соединявшей этот хорватский анклав через сербские территории с мусульманской частью Сараево, перевозилась большая часть гуманитарных грузов; после того, как мусульмане в июне предприняли попытку деблокировать Сараево, сербы закрыли проход, после чего миротворцы стали использовать трассу на горе Игман. — К.Н.), возобновить снабжение боснийской столицы газом, электричеством и водой. В принципе договорились и о гуманитарных конвоях в Горажде, причем, как вариант, можно использовать для их проводки территорию Сербии. Все это можно реализовать, если такую же сдержанность проявит и мусульманская сторона, отказавшись от наступательных действий.

В полной мере это относится и к анклаву Бихач. Здесь боснийские сербы особенно жаловались на присутствие регулярных сил хорватской армии.

2. Боснийские сербы заявляют о своей готовности пойти на подписание соглашения о прекращении враждебных действий по всей территории Боснии. Поискать решение этого вопроса можно было бы, начав прямые переговоры командующих противоборствующих армий с участием высокопоставленных военных КГ. Таким образом удалось бы расчистить завалы в политическом процессе и подготовить переговоры на базе мирного плана КГ. Младич с этой идеей согласен и мог бы выступить с соответствующей инициативой. При наличии позитивного ответа на такое предложение боснийские сербы сразу откажутся от блокады сараевского аэродрома.

3. Убедились, что влияние Белграда на боснийских сербов и прежде всего на их военных будет нарастать, если мы сделаем решительный шаг — поддержим план К.Бильдта, предусматривающий признание БиГ и приостановку части санкций в отношении Белграда. Считаю это ключевым моментом, поворотным пунктом к всеобъемлющему урегулированию. Если мы хотим обеспечить мир в Боснии и справедливый территориальный раздел между образованиями — мусульмано-хорватским и серб-

ским — в пропорции 51/49, мы не должны больше оттягивать принятие документа Бильдта, аккумулирующего все наши наработки.

4. Если будем действовать по такому плану, уже вскоре можем выйти на прямой диалог Пале с Сараево, где нашим активным союзником будет Милошевич.

Берем на себя обязательство пройти свою часть пути, работая с сербами, до конца. Ожидаю, что также будут вести дело наши партнеры, нажимая на Сараево» (19).

Ничего нового в посланиях Б.Ельцина не было. Но он еще раз солидаризировался с предложением К.Бильдта, а главное — на самом высшем уровне призвал решать кризис в Боснии политическими методами. Однако, похоже, было уже поздно. Западные партнеры переставали его слушать. Отношения, которые базировались на личных связях, а не на более прочном и объективном фундаменте, стали давать опасный сбой.

В посланиях также в определенной степени прослеживалась линия на вывод из изоляции и подключение к переговорному процессу боснийских сербов. В то же время российский МИД то ли проводил сам, то ли охотно поддерживал политику С.Милошевича на углубление раскола между Р.Караджичем и Р.Младичем. Скорее всего было и одно, и другое. Раскол в руководстве боснийских сербов принял угрожающие формы. Президент Республики Сербской даже снял было Младича с поста начальника генерального штаба. Однако тот при поддержке 18 офицеров самого высокого ранга отказался выполнять этот приказ. Позже Караджич был вынужден его отменить. Таким образом, сначала российская дипломатия подбросила немало дров в разгоравшийся конфликт между Милошевичем и Караджичем, затем стала втягиваться и в конфликт между Караджичем и Младичем, демонстративно игнорируя по-прежнему президента Республики Сербской.

Пока внимание всего мира было приковано к Боснии, хорватская армия 4 августа начала операцию «Буря» — решающее наступление на Сербскую Краину. Уже на следующий день был взят Книн, а еще через несколько дней все было кончено. Операция продолжалась чуть более трех суток. Быстрому разгрому сербов способствовал неожиданный, почти без боя отход краинских войск, получивших, по-видимому, приказ из Белграда. Многие участники тех событий вспоминали, что могли еще защищать-

ся, но их командиры, без всяких на то объяснений, приказывали отступить(20). Не помогла краинским сербам и Республика Сербская. Отступление войск Республики Сербская Краина сопровождалось бегством гражданского сербского населения (около 180 тысяч человек) в Боснию и Югославию. Сербская Краина перестала существовать. «Реинтеграция» в состав Хорватии ее последней самой восточной части стало вопросом ближайшего будущего. Об этом позже было заключено специальное Эрдутское соглашение между Хорватией и местными сербскими властями Восточной Славонии.

Операция «Буря» в корне изменила сложившуюся расстановку сил. Хорватия могла теперь бросить все свои военные силы на помощь Мусульманско-хорватской федерации в Боснии. Английская «Таймс» писала, что «хорваты являются действительными победителями в этом балканском конфликте... Почти 400-летняя история проживания сербов на хорватской территории перечеркивается»(21).

Хорватская агрессия не вызвала никакой реакции в мире. Американцы знали об операции заранее, однако помощник Б.Клинтон по национальной безопасности Э.Лейк и представитель США в ООН М.Олбрайт считали, что эта акция «даже может иметь благоприятные последствия». Представители Пентагона сначала относились к готовившемуся хорватскому наступлению более скептически, боясь подключения к конфликту армии СРЮ. Но разведка доложила, что «ответная реакция Милошевича теперь кажется ей маловероятной». После этого американцы перестали колебаться и фактически дали на операцию хорватов «добро», лишь сдержанно посоветовав им «не переусердствовать»(22). Что касается Германии, то она в поддержке хорватов не колебалась ни секунды. Только сравнительно новый человек на Балканах К.Бильдт неожиданно назвал Ф.Туджмана военным преступником, потребовав даже соответствующих действий от Международного трибунала в Гааге(23).

А.Козырев обратился с посланием Генеральному секретарю ООН Б.Бутросу-Гали, в котором посетовал, что «командование миротворческих сил ООН в Хорватии не запросило (или не получило?) воздушной поддержки НАТО для защиты своего персонала, причем именно в то время, когда натовская авиация обстреливала позиции подвергшихся хорватскому нападению краинских сербов». Далее в послании упор был сделан на предот-

вращение «гуманитарной трагедии, невиданной с начала югославского конфликта»(24). Но на позицию России уже, как говорилось, не обращали внимания.

7 августа, в понедельник в самый разгар уничтожения хорватами Республики Сербская Краина президент Б.Ельцин вышел на работу после болезни. На Соборной площади Кремля он объявил журналистам свою новую инициативу — позвать в Москву «Милошевича и Туджмана». Эта инициатива, по-видимому, родилась за день до этого, в воскресенье, когда у президента побывал А.Козырев. Инициатива была, что называется, «сырой», да к тому же и запоздавшей. Встреча С.Милошевича с Ф.Туджманом была бы полезна для разрешения хорватского кризиса, а теперь на повестке дня оставался только боснийский, который невозможно было решить без других действующих лиц — Р.Караджича и А.Изетбеговича. Кроме того, в сложившейся обстановке инициатива Б.Ельцина превращалась, по существу, в реабилитацию Ф.Туджмана. Поэтому неудивительно, что президент Хорватии сразу же согласился приехать, а С.Милошевич попросил время на размышление. Ему было важно хотя бы продемонстрировать сомнения перед тем, как пожимать руку человеку, причинившему только что столько несчастья сербскому народу.

Положение осложнилось еще больше после телефонного разговора Б.Ельцина и Г.Коля. Германский канцлер был доволен складывавшейся ситуацией, особенно хвалил С.Милошевича за его действия по замене Р.Караджича на Р.Младича. Согласился он и с инициативой российского президента, но заявил, что следовало бы еще пригласить А.Изетбеговича(25). Но самым интересным было то, что мгновенно после подключения к разговорам о российской инициативе Г.Коля, его протеже — хорватский президент Ф.Туджман — отклонил приглашение прибыть в Москву.

Министр иностранных дел ФРГ К.Кинкель в интервью газете «Кельнер штатд-анцайгер» заявил, что он положительно расценивает «тот факт, что президент России Борис Ельцин подключился к процессу урегулирования в бывшей Югославии. Однако подобные встречи, как предстоящая в четверг в Москве, ни в коем случае не должны проводиться в ущерб мусульманам. Именно в этом заключается опасность проведения встреч с участием лишь двух из всех конфликтующих сторон»(26). Пресс-секретарь президента Хорватии озвучила ту же мысль. Она подтвер-

дила, что Туджман хотел, чтобы на встречу был также приглашен президент Боснии и Герцеговины Изетбегович, и «именно это обстоятельство является причиной отказа»(27).

Все же инициатива Ельцина предоставила хороший повод для его высказываний по боснийскому урегулированию. Нам передали случайно подвернувшиеся вопросы японской газеты «Нихон кэйдзай», ответы на которые и стали единственным интервью российского президента, целиком посвященным кризису в бывшей Югославии. Надо сказать, что подготовленный текст интервью был отправлен для получения одобрения в МИД, откуда вернулся без двух небольших фрагментов. Такая практика существовала далеко не всегда, но югославский кризис считался особо щекотливой темой.

10 августа 1995 г. это интервью было напечатано одновременно в японской газете «Нихон кэйдзай» и «Российской газете». В нем Б.Ельцин, в частности, повторил альтернативный план боснийского урегулирования, о котором мы уже неоднократно писали. Он особо подчеркнул важность равного отношения ко всем сторонам боснийского конфликта. По его мнению, это подразумевало: снятие антисербских санкций, «поскольку Югославия в полном объеме выполнила все требования мирового сообщества», и право Республики Сербской на конфедеративные связи с Югославией.

Такие шаги способствовали бы укреплению мер доверия, создавали бы благоприятный фон для заключения перемирия и продолжения переговоров между боснийскими сербами — с одной стороны, и мусульманами и хорватами — с другой. Основой таких переговоров оставался бы план контактной группы.

(Далее следовал первый выброшенный фрагмент: «Но, подчеркну, только основой. Ведь по существу контактная группа разработала лишь один элемент мирного плана — карту территориального разграничения. Другие элементы этого плана — конституционное устройство бывшей югославской республики Боснии и Герцеговины, проблема Сараево и т.д. — еще не разработаны. Они, наряду с картой, и могут стать главным предметом переговоров»).

По поводу решения сената США об одностороннем снятии эмбарго на поставки вооружения боснийским мусульманам президент сказал, что если это решение поддержит и администрация Б.Клинтона, то тогда разрушится вся международная договор-

ная система, созданная вокруг бывшей Югославии. В частности, и для России не будет «формального запрета помогать оружием какой-либо из сторон в югокризисе». Последствия такого шага были бы непредсказуемы.

Впервые Ельцин коснулся и такой острой темы, как обвинение сербов со стороны Трибунала в Гааге. Он назвал обвинения, выдвинутые в адрес Р.Караджича, Р.Младича, М.Мартича и других сербских лидеров, несправедливыми. «В гражданской войне не может быть ни правых, ни виноватых». Кроме того, «такие обвинения только отодвигают решение югославского кризиса». (И здесь был второй фрагмент, который не устроил российский МИД: «Если же говорить непредвзято, то, считаю, что не последнюю роль в развязывании боснийской трагедии сыграли и те страны, которые поспешили признать Боснию и Герцеговину»).

Президент России указал также на нарушение мандата ООН, данного миротворцам. Они должны заниматься «гуманитарной, миротворческой деятельностью. К сожалению, в последнее время есть симптомы отхода от этой линии в сторону поддержки одной из сторон в конфликте».

Миротворцы «имеют четкий мандат на поддержание мира. Последние же решения — развертывание имеющихся в своем распоряжении тяжелое вооружение сил быстрого реагирования, подготовка планов массированных авиаударов, переведение принципа «двойного ключа» на технический уровень... Все эти действия, без сомнения подпадают под мандат — принуждение к миру. Но любое изменение мандата миротворческих сил требует в обязательном порядке специального решения СБ ООН».

Б.Ельцин призвал миротворческие силы вернуться к строгому соблюдению своих обязанностей — «стать миротворцами в прямом смысле этого слова».

Наконец, на вопрос рассматривает ли Россия «данный конфликт с точки зрения «славянского союза» (поддержка нации, «близкой по крови)», президент ответил в том смысле, что, если имеются в виду «панславянские идеи», то есть идеи создания единого государства всех славян, то они «остались в прошлом. Да и тогда во внешней политике России они никогда не занимали главенствующих позиций. К данному же конфликту они вообще не имеют никакого отношения. Ведь в Боснии война идет исключительно между славянскими народами...»(28)

Последняя мысль вызвала неожиданную критику со стороны известного писателя В.Распутина. По его словам, Б.Ельцин, оправдываясь в том, что подал «несанкционированный голос», тут же говорит, что «славянский союз — дело прошлое. Вот это, можно не сомневаться, его искреннее мнение. Но — не мнение России»(29). Искренний максимализм писателя был понятен. Но говорить в интервью о каком-либо «славянском союзе», понимаемом как единое государство всех славян, было несерьезно. Славяне не были едины. Одни славяне стремились в НАТО. Другие, как в бывшей Югославии, воевали между собой. Даже сербы не могли в то время договориться между собой.

Приезд 10 августа в Москву одного С.Милошевича не мог как-то заметно повлиять на югославское урегулирование. Двусторонняя встреча была, конечно, полезной, тем более, что она была первой встречей Б.Ельцина с лидером СРЮ. Но ее нужно было тщательно подготовить. Времени на это не было. Поэтому по окончании встречи не было оглашено никакого совместного заявления. В заявлении же самого Б.Ельцина говорилось о необходимости «беспрепятственного возвращения к родным очагам» сербских беженцев из Хорватии и повторялось предложение о созыве международной конференции с участием глав ведущих держав и лидеров Югославии, Хорватии и БиГ. Новым моментом было решительное требование российского президента уже не ослабления или приостановки, а полного снятия с Югославии санкций, введенных Советом Безопасности ООН. В противном случае он пригрозил односторонним выходом России из режима санкций(30).

На другой день после приезда С.Милошевича Государственная Дума сразу в трех чтениях приняла (226 голосов «за» и лишь 1 — «против») три федеральных закона: «О мерах по оказанию гуманитарной помощи Союзной Республике Югославии в связи с массовым нарушением прав человека и сербского народа в Республике Хорватии», «О прекращении участия Российской Федерации в осуществлении международных санкций, введенных против Союзной Республики Югославии» и «О мерах Российской Федерации по предотвращению геноцида сербского народа в Республике Хорватии».

Было принято также заявление Государственной Думы «Об агрессии Республики Хорватии и о ее последствиях», в котором, собственно говоря, и обосновывалась необходимость принятия

законов. Над этим документом мы снова поработали с К.Затулиным. В заявлении говорилось, что «на глазах всего человечества развивается самая крупная народная трагедия в Европе после окончания второй мировой войны... Уже более 200 тысяч сербов покинули землю, на которой они проживали веками... Сохранение сегодня антисербских санкций является позором для мирового сообщества, превращает его в палача сербских женщин, детей и стариков. В условиях непрекращающихся вызывающих агрессивных действий Республики Хорватии Государственная Дума вынуждена в законодательном порядке провозгласить экономические санкции против Республики Хорватии.

Государственная Дума еще раз подчеркивает, что военного решения югославский кризис не имеет, и обращается ко всем противоборствующим сторонам с призывом сесть за стол переговоров. В качестве основы переговоров вновь предлагается использовать инициативы, изложенные в Декларации Государственной Думы ... от 9 июня 1995 года и уже поддержанные парламентом Республики Сербской.

Государственная Дума выражает крайнее неудовлетворение несамостоятельностью российской дипломатии в урегулировании кризиса на Балканах и настоятельно рекомендует министерству иностранных дел Российской Федерации руководствоваться в своей деятельности на Балканах твердой позицией, неоднократно высказанной Президентом Российской Федерации и в документах Федерального Собрания... Государственная Дума выступает за прекращение бойкота боснийских сербов и считает необходимым их обязательное представительство на всех форумах, где решается судьба бывшей югославской республики Босния и Герцеговина.

Государственная Дума обращается к руководителям Союзной Республики Югославии и Республики Сербской с призывом в критический момент для судьбы братского сербского народа прекратить все расколы и распри»(31).

Принятым Государственной Думой документам, как всегда, дал оценку министр иностранных дел А.Козырев. Он писал президенту, что «политическое обоснование этих законов не соответствует реальному положению дел, нашей официальной позиции, преобладающему мнению в ООН. Силовую акцию Загреб мы осудили... Однако говорить о геноциде можно только после соответствующих расследований и на основе решений меж-

дународных институтов... Не будет и практической отдачи. На деле мы не сможем развернуть сотрудничество с Белградом, когда остальные государства сохраняют санкции». Вместе с тем Козырев не советовал президенту «ветировать» принятые документы, «в том числе и по внутривластным соображениям. Поэтому рациональный выход: найти правовые зацепки — а таких немало — для того, чтобы вернуть законы в Думу на доработку»(32). Так Б.Ельцин позже и поступил. Он подписал лишь закон «О мерах по оказанию гуманитарной помощи Союзной Республике Югославии...»

Летом 1995 года президент России впервые принял личное, непосредственное участие в нахождении путей урегулирования югославского конфликта. Пришло понимание, что ситуация неумолимо ухудшается, что необходимо что-то срочно предпринимать. За короткий период Ельциным было предложено несколько вариантов действий, выдвинут ряд инициатив. Не было лишь одного — какой-либо системы, продуманного плана со строгой очередностью шагов. Создавалось впечатление, что Б.Ельцин, не вникая в детали, подписывал то, что ему «подсовывали» в данный момент. Поэтому часто одна инициатива не сочеталась или даже входила в противоречие с другой.

Главная проблема была в отсутствии нормального механизма принятия решений. Старые структуры, типа международного отдела центрального комитета компартии, были упразднены, а новых не было создано. Ушло в прошлое коллективное принятие решений по сложнейшим внешнеполитическим вопросам. Были не востребованы специалисты-международники, крупнейшие ученые, целые научные коллективы, которые раньше всегда снабжали руководство аналитическими записками.

Оставался один МИД. Но, как справедливо отмечал А.Гончаров, «одна из ошибок нынешнего президента состоит в том, что он не понимает разницы между профессиями дипломата и специалиста в области внешней политики. По-видимому, именно поэтому он и взвалил на МИД непосильную задачу выработки стратегических внешнеполитических решений. А ведь дипработа отчасти похожа на службу в силовых ведомствах: четко доложить наверх и четко выполнить спущенные сверху указания. С годами даже самые блестящие дипломаты отвыкают самостоятельно мыслить, инициировать радикальные предложения»(33).

Отсутствие единства по вопросу разрешения югославского кризиса в структурах исполнительной власти (фактически между МИДом и всеми другими заинтересованными ведомствами) отражалось и на деятельности Б.Ельцина. А пока российские верхи разбирались с извечным российским вопросом «что делать?», боснийский кризис стремительно мчался к своей развязке. Ситуация представлялась таковой, что Россия уже заведомо опоздала. Западные страны перестали считаться не только с ней, но и с Советом Безопасности ООН. Решение вопроса полностью перешло в руки США и военно-политического блока НАТО.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Батурин Ю. — Ельцину Б. 1995, 14 июня.
2. Стенограмма встречи Президента РФ с экспертами перед саммитом «семерки» в Галифаксе. 1995, 14 июня. С. 3-5.
3. Попов Ю. Зуб на МИД. Интервью с И.Ивановым // Российские вести, 1995, 15 июня.
4. Материалы к дискуссии на заседании по политическим вопросам в Галифаксе. 1995, 17 июня. С. 11-12.
5. Соколов Е., Абаринов В. «Семерка» призвала Ельцина «разорвать порочный круг насилия» // Сегодня, 1995, 20 июня.
6. Ельцин Б. — Лиличу З. 1995, 15 июля.
7. Абаринов В. Москва разморозила контакты с боснийскими сербами // Сегодня, 1995, 21 июня; Эггерт К. Чуркин предложил сербам вспомнить былое // Известия, 1995, 22 июня.
8. Поручение Президента Российской Федерации. 1995, 5 июля.
9. Проект выступления Б.Ельцина на заседании Совета безопасности РФ. 1995, 12 июля // Личный рабочий архив.
10. Сводки Информационного агентства «Эхо Москвы», 1995, 10 июля.
11. См., например: Романенко С. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» // Новое время, 1995, № 28; он же. Нужен новый козырь // Новое время, 1995, № 29.
12. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 22 июля; сводки Постфактума, 1995, 22 июля.
13. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 25 июля.
14. Надеин В. Кто нажмет боснийский курок? // Известия, 1995, 27 июля.
15. Личный рабочий архив.

16. Щедрунова Е. Силы быстрого реагирования прибывают в Сараево // Сегодня, 1995, 25 июля.
17. Сводки Интерфакса, 1995, 28 июля.
18. Ситников Б. Миротворцы на тропе войны // Эхо планеты. 1995. № 43.
19. Ельцин Б. — Клинтону Б., Колю Г., Шираку Ж., Мейджору Дж. 1995, 27 июля.
20. См., например: «Компас». № 72 // ИТАР-ТАСС, 1995, 5 октября.
21. Цит. по: сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 19 сентября.
22. Козловский В. Вашингтон и разгром Сербской Краины // Сегодня, 1995, 16 августа.
23. Стахов А. Хорватский бог Марс // Там же, 1995, 7 августа.
24. Сводки Интерфакса, 1995, 9 августа.
25. Личный рабочий архив.
26. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 9 августа.
27. Абаринов В. Президент Хорватии отказался приехать в Москву // Сегодня, 1995, 10 августа.
28. Ельцин Б. Боснийский кризис не имеет военного или силового решения. Ответы на вопросы газеты «Нихон кэйдзай» // «Российская газета», 1995, 10 августа; личный рабочий архив.
29. Распутин В. Там, на Балканах... // Правда, 1995, 18 августа.
30. Абаринов В. Москва требует снять международные санкции с Югославии // Сегодня, 1995, 11 августа.
31. Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об агрессии Республики Хорватии и ее последствиях». 1995, 12 августа.
32. Козырев А. — Ельцину Б. 1995, 21 августа.
33. Гончаров А. Зигзаг как генеральная линия // Московские новости, 1995, 13-20 августа.

Глава VII

Американская инициатива

В конце первой декады августа 1995 г. в боснийском урегулировании произошли важные изменения. Появилась так называемая “американская инициатива” по реализации плана контактной группы. Ее привез в Европу помощник президента США по национальной безопасности Э.Лейк. И пока он переезжал из одной европейской столицы в другую, основное содержание этой инициативы постепенно прояснялось.

В общих чертах американская инициатива состояла из четырех основных положений:

1. Формально единая Босния и Герцеговина делилась на Республику Сербскую и Мусульманско-хорватскую федерацию в пропорции, соответственно, 49% и 51%. Для облегчения размежевания предлагалось расширить северный Посавинский коридор около Брчко, а последний мусульманский анклав в Восточной Боснии Горажде обменять на сербскую часть Сараево. Боснийские сербы также могли рассчитывать на получение выхода к морю южнее Дубровника. Были еще планы обмена территорий около Тузлы на сербские земли в Западной Боснии. Мусульманам же главным образом гарантировалась значительная финансово-экономическая помощь со стороны Запада и исламских государств.

2. Территориальное разграничение Боснии (что было очень важно) впервые дополнялось конституционным устройством этой бывшей югославской республики. Как можно было понять, два боснийских гособразования получали бы право на конфедеративные отношения с соседними государствами. Однако это было сформулировано невнятно и расплывчато.

3. В вопросе о приостановке антисербских санкций американцы делали шаг назад и вновь требовали от Югославии признания не только Боснии, но и Хорватии.

4. В случае отказа сербов принять их план американцы угрожали отменой эмбарго на поставки вооружений мусульманам,

заменой миротворческих сил ООН на многонациональные силы НАТО и исламских государств, а также массированными авиаударами.

Американскую инициативу в целом поддержали Франция, Германия, Великобритания, Испания и Италия. После этого Э.Лейк отправился в Сочи, где встретился с А.Козыревым. Как можно было понять, особых возражений у российского министра иностранных дел в связи с американской инициативой не было, да их бы, наверное, и не приняли. Козырев сказал даже, что «удовлетворен тем, что США стали активнее действовать на Балканах». Однако одновременно один из представителей российского внешнеполитического ведомства заявил, что «ничего принципиально нового Москва в американских предложениях не видит».

Разъяснять американскую инициативу руководству Хорватии, Югославии и БиГ был послан заместитель государственного секретаря США Р.Холбрук. (С ним был и американский представитель в контактной группе Р.Фрейжер, погибший через несколько дней в автокатастрофе, когда бронетранспортер, в котором он находился, перевернулся на скользкой горной дороге близ Сараево). После поездки Р.Холбрука стало проясняться и отношение к новым предложениям противоборствовавших в конфликте сторон.

Югославское руководство в целом считало, что американский план может быть неплохой основой для возобновления переговорного процесса. Белград и сам выступал за превращение Боснии в мягкую конфедерацию, состоящую из двух относительно самостоятельных гособразований. Особенно он был заинтересован, чтобы эти образования имели право на конфедеративные связи с соседями. Боснийские сербы американскую инициативу также в основном приветствовали. Их руководство было готово на подобную комбинацию (территориальный раздел + конституционное устройство) еще год назад. Однако оно считало, что спорные вопросы должны решаться не ультиматумами, а на мирной конференции всех противоборствовавших сторон.

Хорватия была безоговорочно «за», посчитав американское предложение самым приемлемым из всех других планов. Боснийские хорваты заняли выжидательную позицию, но поскольку они полностью зависели от Загреба, это не имело особого значения.

И только боснийские мусульмане отвергли новую инициативу, особенно возражая против обмена Горажде на сербское Сараево. Мусульмане по-прежнему стремились к военной победе для сохранения своего доминирующего положения в рамках «международнопризнанной» БиГ. Чуть позже А.Изетбегович выдвинул 12 условий своего согласия на американский план, в которых он возражал также против компромиссного варианта решения сараевского вопроса — временной передачи города под протекторат ООН и исключал участие боснийских сербов в мирных переговорах. По его мнению, сербскую сторону должен был представлять только С.Милошевич. Лидер боснийских мусульман выступал за унитарную Боснию и против конфедеративных связей Республики Сербии с Югославией. Для боснийских сербов он предлагал в лучшем случае местное самоуправление на 10% территории Боснии(1).

Параллельно с американской инициативой начали просачиваться сведения о том, что Североатлантический альянс заключил с ООН конфиденциальный «меморандум о взаимопонимании». Этот меморандум передавал командованию НАТО полномочия самому принимать решения о воздушных ударах в Боснии. Об этом написала, в частности, английская газета «Гардиан»(2). Тогда же были развернуты и приведены в боевую готовность обладавшие тяжелым вооружением силы быстрого реагирования. И хотя в Совете Безопасности ООН по ним так и не было принято специальной резолюции, они отправились в Боснию как бы в порядке доукомплектования миротворческих сил ООН и одновременно для их защиты.

Теперь все было готово, и через 10 дней на злополучном центральном рынке Маркале в Сараево, как и в феврале 1994 г., раздался взрыв. Было убито около 40 и ранено еще вдвое больше человек. Трагедия произошла в тот самый день, когда внеочередное заседание скупщины Республики Сербской одобрило американскую инициативу и когда Р.Холбруку удалось, наконец, встретиться с А.Изетбеговичем. Лидер боснийских мусульман, не скрывавший негативного отношения к новому плану, долго противился разговору с американским эмиссаром. Прогремевший взрыв оказался кстати, и А.Изетбегович заявил о приостановке участия своей общины в мирном процессе.

Спустя всего сутки после трагедии представители командования миротворческих сил в Боснии возложили ответственность

за случившееся на боснийских сербов. В расчет не принимались никакие сомнения, а их в то время было более чем предостаточно. В частности, председатель парламента боснийских сербов. М. Краишник заметил, что среди убитых в подавляющем большинстве были мужчины, тогда как на рынок обычно ходят женщины. «Думаю, — делал вывод спикер скупщины Республики Сербской, — что мусульмане просто подбросили трупы своих погибших на фронте солдат, а потом выдали их за жертвы взрыва»(3). Телеграфное агентство боснийских сербов СРНА сообщило результаты анализа, проведенного военными экспертами армии Югославии. Согласно их данным выстрел из 120-миллиметрового миномета «был произведен с мусульманских позиций на возвышенности Васин-хан южнее центра Сараево, расстояние от которых до места взрыва составляет 3 км, причем отличным ориентиром для наведения послужили две башни католической церкви, расположенной в непосредственной близости от места инцидента».

Начальник штаба сектора сил ООН «Сараево» российский полковник А. Демуренко, будучи профессиональным артиллеристом, произвел собственные расчеты. По его мнению, с сербских позиций было невозможно попасть из миномета по улице шириной 9 метров. Шанс попадания даже при наличии современной техники, которая у сербов отсутствовала, был равен одному к миллиону(4). Через несколько дней А. Демуренко выявил четыре гипотетических места, с которых, согласно данным ООН, могли якобы стрелять сербы. Он обследовал и провел фотосъемку этих участков. Вывод был однозначным: «ни на одном из них не могла быть развернута минометная позиция». Речь шла либо о крутых склонах, либо о лесных массивах. Туда было невозможно даже затащить миномет, не говоря уже о прицельном выстреле(5).

Офицеры «русбата-2», которые находились около Сараево, также открыто говорили о непричастности сербов. По их мнению, эта была организованная западными спецслужбами операция «Циклон — 2», а операция «Циклон - 1» была осуществлена в феврале 1994 г. во время первого взрыва на сараевском рынке. Последний взрыв был совершен не из миномета, а из катапульты с крыши соседнего многоэтажного дома. Исполнителями же и первого и второго задания западных спецслужб были мусульмане(6).

Но все было тщетно. Правда об организаторах взрыва никого не интересовала. Остановить военную машину НАТО было уже невозможно. В ночь на 30 августа самолеты альянса, взлетевшие с авиабазы Авиано в Италии и авианосцев в Адриатическом море, начали наносить новые воздушные удары по позициям боснийских сербов. Десятки самолетов волнами сменяли друг друга. Это полностью противоречило резолюциям СБ ООН, которые допускали для авиации НАТО «ограниченное, взвешенное и соразмерное применение силы». Разбомбив сербские позиции около Сараево, натовская авиация продолжила наносить воздушные удары по всей территории Республики Сербской. Их поддерживали артиллерийскими обстрелами с горы Игман силы быстрого реагирования. (Забегая вперед, следует подчеркнуть, что именно от этих сил, введенных якобы для защиты миротворцев, погибло в те дни больше всего сербов). Позже удары были нанесены и крылатыми ракетами типа «Томагавк» с крейсера США «Нормандия».

Это уже не было разовым ударом, как раньше. Начался третий этап, вернее — наступила развязка боснийской войны. Фактически самый мощный в современном мире военный блок начал войну против маленькой Республики Сербской, все население которой, включая стариков, женщин и детей, составляло немногим больше миллиона человек. Опираясь на натовскую поддержку, против боснийских сербов активизировали свои действия объединенные силы мусульманско-хорватской коалиции. Во время бомбардировок действовала прямая оперативная связь между командующим мусульманскими войсками Р.Деличем и натовскими военными. Именно Делич часто определял мешавшие мусульманам сербские цели, по которым затем наносился ракетно-бомбовый удар.

Причем, расстреливая сербов, военнослужащие НАТО прекрасно знали, что они практически ничем не рискуют, что противник не способен нанести им ответный удар. Старый закон войны гласит: солдата оправдывает то, что он не только убивает, но и может быть убит сам. Здесь все было наоборот. Операция НАТО напоминала стрельбу в тире. И это вызывало бурный восторг у западного обывателя. А как иначе он мог реагировать? CNN, другие западные электронные и печатные средства массовой информации изо дня в день создавали виртуальную картину происходившего, которая имела очень отдаленное сходство с

реальностью. О том, как это делается, хорошо рассказал американский режиссер Б.Левинсон в своем фильме «Хвост виляет собакой» (в российском прокате — «Плутовство»), снятом в 1997 г. Герои этого фильма, чтобы отвлечь внимание общественности от сексуального скандала, связанного с президентом США, инсценируют небольшую войну в никому не ведомой Албании.

Тотальное «промывание мозгов» в годы боснийской войны приносило свои плоды. Характерный образец искаженного сознания — книга автора популярных, выходящих массовыми тиражами бестселлеров Сидни Шелдона «Тонкий расчет». Сюжет романа простой. Одна из его главных героинь американская журналистка Дейна Эванс работает в Сараево. Вокруг — война между Боснией и Герцеговиной (!? — К.Н.), бывшие приятели сербы, хорваты, мусульмане и боснийцы (!?- К.Н.) — пытаются и убивают друг друга. Впрочем, основную «кровавую дань» собирают не знающие пощады сербы во главе с руководителем «сербского гестапо» неким Горданом Дивьяком. Наконец, Дейна Эванс организует эвакуацию из Боснии осиротевших бездомных детей, «всех возрастов и цветов кожи» (!? — К.Н.). Но за это ее арестовывает «сербское гестапо». Журналисты из всех стран мира сочувствуют и помогают прекрасной Дейне. Кроме одного, по наводке которого и была арестована храбрая американка. Разумеется, этот единственный — русский журналист из ОРТ, «настоящий великан со сверкающим золотым передним зубом»(7).

Пропаганда затрагивала даже детей. Для них, например, была выпущена специальная компьютерная игра под названием «iF-22 Raptor». В ней ребенок в кабине авиасимулятора должен был разбомбить как можно больше сербских целей в Боснии. Для полной достоверности программистами было оцифровано множество спутниковых фотографий и геофизических данных о возвышенностях и равнинах далекой балканской страны. Все было очень реально, вплоть до орденов и ленточек за ранение. А выигравший получал нашивку «За победу в Боснии»(8).

В обстановке такого информационного оболванивания гибель мирных сербских жителей мало кого интересовала. Вот если бы это были американцы... Небезызвестная стажерка Белого дома Моника Левински вспоминала, что Б.Клинтон даже заплакал, когда узнал в ее присутствии о гибели первого американского солдата в Боснии. Это «впрочем, не помешало президенту обсудить положение в Боснии с парламентариями по телефону без

«отрыва» от Моники»(9). Контраст в отношении американцев к гибели своих и чужих граждан был просто потрясающим. Понятны переживания за своих соотечественников, но ведь и другие — тоже люди.

Решение о начале масштабной военной операции в Боснии, получившей название «Освобожденная сила» (другой перевод — «Преднамеренное применение силы»), приняли главнокомандующий южным флангом НАТО адмирал Л.Смит и командующий миротворческими силами ООН в бывшей Югославии генерал Б.Жанвье. Специальный представитель Генерального секретаря ООН Я.Акаси подчеркнул, что от его мнения принятие такого решения больше не зависит.

В тот же день на встрече в Париже представители контактной группы по боснийскому урегулированию заявили о «полной поддержке ответных мер военного характера». Французский МИД сообщил, что российская сторона была своевременно поставлена в известность о намеченных военных мерах НАТО против боснийских сербов(10). А МИД России не нашел ничего лучшего, как выступить с заявлением о том, что руководители боснийских сербов несут всю ответственность за обстрел живых кварталов Сараево 28 августа и за отказ принять мирные предложения, пользующиеся поддержкой мирового сообщества, включая Югославию(11).

Иначе поступил президент Б.Ельцин. Он осудил любые акции насилия на территории бывшей Югославии и еще раз предложил собрать мирную конференцию с участием конфликтующих сторон и посредников. Эту идею с непонятным упорством проталкивал МИД. Российское внешнеполитическое ведомство пыталось противопоставить ее американской инициативе, хотя всем уже было ясно, что мир в Боснии будут искать по сценарию, написанному в Вашингтоне. В те дни председатель комитета Госдумы по международным делам В.Лукин справедливо указал, что российская дипломатия демонстрирует полную неспособность влиять по существу на процесс балканского урегулирования, ограничиваясь лишь «показушничеством»(12). Точнее не скажешь. Показушничество и было главной чертой российского МИДа времен А.Козырева.

Что же все-таки заставило американцев прибегнуть к масштабному применению силы, когда стороны в конфликте и международные посредники и так склонялись к принятию выдвигавшихся предложений?

нутой ими инициативы? Как представляется, руководство США преследовало сразу несколько целей.

Во-первых, надо было успокоить мусульманскую общину, которая наиболее настороженно восприняла новый американский план. Выполнять все «условия» Изетбеговича было решено предоставить ему самому. Так оно вскоре и произошло. Под прикрытием массированных натовских бомбардировок армия боснийских мусульман совместно с боснийскими хорватами и регулярными войсками Хорватии смогли овладеть значительными районами Боснии и довести территорию мусульманско-хорватской коалиции до искомым 51 и даже больше процентов.

Во-вторых, масштабное применение силы должно было сделать более сговорчивыми боснийских сербов, особенно по оставшимся спорным территориальным и конституционным вопросам. И это тоже не заставило себя долго ждать. Под усилившимся военно-дипломатическим давлением руководство Республики Сербской согласилось составить с Югославией объединенную делегацию, в которой при равенстве голосов решение оставалось за С.Милошевичем. После этого влиять на свою судьбу боснийским сербам стало крайне затруднительно.

В-третьих, вмешательство НАТО окончательно отстраняло от урегулирования в Боснии Организацию Объединенных Наций. О России речь даже не шла. Она уже сделала все, что требовалось для Запада, и теперь ею можно было пренебречь. В кулуарах представители США и Германии уже прямо говорили, что, если Россия хочет участвовать «в общем концерте держав, она должна исполнять ту же мелодию». В противном случае Запад спокойно будет решать все дела самостоятельно.

В целом можно сказать, что новая американская инициатива в действительности была не такой уж новой. Фактически американцы соединили в одно целое все прежние наработки и прагматично согласились с идеей соединения территориального раздела с конституционным устройством. То есть они сделали то, что, в частности, и мы так долго предлагали в России своему министерству иностранных дел. Новым было то, что ради своих собственных, корыстных интересов они подкрепили предложенную «инициативу» ракетно-бомбовыми ударами по позициям Республики Сербской. Причем, подчеркнем еще раз, после того, как боснийские сербы уже согласились на американский план. Операция ООН, имевшая мандат на поддержание мира в быв-

шей Югославии, была окончательно и фактически явочным путем заменена на операцию по принуждению к миру при прямом подчинении международных миротворцев вооруженным силам блока НАТО.

Это было грубейшим нарушением Устава всемирной организации еще и потому, что решение о крупномасштабных бомбардировках боснийских сербов было принято на основе уже упомянутого секретного «Меморандума о взаимопонимании между командованием НАТО на южно-европейском театре военных действий и сил ООН в бывшей Югославии». Стало известно, что документ был разработан в секретариате ООН в обход Совета Безопасности. Затем 10 августа, то есть задолго до взрыва в Сараево, его подписали на загребском аэродроме командующий силами ООН в бывшей Югославии Б.Жанвье и командующий войсками НАТО на юге Европы Л.Смит. В этом пятистраничном документе, на каждой странице которого вверху и внизу стоял гриф «конфиденциально», было много интересного. Например, широкомасштабные удары можно было наносить даже в ответ на «угрозу нападения», а миротворцы ООН согласились предоставлять разведывательную информацию НАТО с тем, чтобы ее авиация эффективнее бомбила сербов(13). Выходило, что боснийские сербы были не так уж не правы, когда брали в плен «голубые каски».

Высокопоставленные российские дипломаты утверждали, что о существовании секретного «меморандума о взаимопонимании» их не поставили в известность. Постоянный представитель России при ООН С.Лавров потребовал даже представить этот документ членам Совета Безопасности. Он заявил, есть основания подозревать, что «в этом меморандуме базовые принципы договоренностей между ООН и НАТО о применении силы в Боснии превзошли все возможные рамки, допускают нарушения резолюций Совета Безопасности, включая ... применение силы не только вокруг «безопасных районов», но по сути по всей территории Боснии и ... против объектов на территории соседних государств... Именно в этом меморандуме был решен вопрос об отказе со стороны ООН от «второго ключа» ... В этом документе заложены такие условия начала боевых действий НАТО и сил быстрого реагирования, которые даже не требуют, чтобы сербы стреляли». Однако на требование С.Лаврова официальный представитель генерального секретаря ООН Ф.Экхард цинично за-

метил, что «меморандум о взаимопонимании», определяющий оперативные аспекты сотрудничества НАТО и ООН, по своей природе является «секретным документом». Это — «внутренний документ», который не подлежит огласке(14).

Несмотря на все демарши Лаврова, в те дни проходила и другая информация. Согласно некоторым данным, Россия все-таки была поставлена в известность о существовании этого меморандума. Как сообщил хорошо осведомленный журналист Ив. Иванов, руководство российского внешнеполитического ведомства было ознакомлено с содержанием меморандума еще в конце июля на лондонской встрече министров иностранных дел, оброны и начальников штабов стран-членов контактной группы. Причем А.Козырев тогда устно одобрил основное содержание документа. Еще через два дня российское постоянное представительство при ООН согласилось не выносить этот меморандум на Совет Безопасности, а пропустить его по процедуре «рабочего документа» через секретариат(15).

Особо надо отметить, что вся активность российского постоянного представительства при ООН началась уже после грозных заявлений Б.Ельцина — буквально через несколько часов после его пресс-конференции, о которой речь еще пойдет. До этого реакция на начавшиеся воздушные удары по сербам, например, того же А.Козырева была традиционной. В интервью «Комсомольской правде» он резко критиковал «истерическое восприятие» ситуации частью российской общественности. По словам министра, «как только она видит, что НАТО в чем-то участвует или что зам. госсекретаря США поехал в регион — значит, нас уже там нет! ... Идет сложный процесс, где ни Запад без нас, ни мы без Запада ничего не решаем. Только сложение усилий приносит результат. И наша скрипка — одна из ведущих в этом концерте. Все это знают и признают»(16).

И все-таки, чтобы успокоить российское руководство и прежде всего уязвленное самолюбие Б.Ельцина, в Россию был срочно откомандирован канцлер ФРГ Г.Коль. Два лидера встретились в «дальней» резиденции Ельцина «Русь» в Завидово. Г.Коль уговаривал российского президента не протестовать слишком активно против натовских ударов, однако был вынужден публично признать, что разногласия между ними сохраняются(17). На другой день в Москву прибыл еще и премьер-министр Испании Ф.Гонсалес, который являлся тогда председателем Европейско-

го Союза. Он также доказывал необходимость авианалетов на боснийских сербов. Очевидцы рассказывали, что в конце своей беседы с Б.Ельциным Ф.Гонсалес довольно неожиданно подчеркнул, что в России очень хороший министр иностранных дел. Российский президент мгновенно отреагировал: «Может быть, и хороший, да только ошибается часто».

Вообще хвалить А.Козырева в разговоре с Б.Ельциным было у западных лидеров почти правилом. Но время изменилось. И если «еще пару лет назад одного звонка из-за океана было достаточно, чтобы Козырева оставили в покое», то теперь такое назойливое нахваливание чужого министра иностранных дел служило лишь «дополнительным раздражающим фактором»(18).

7 сентября 1995 г. Б.Ельцин выступил, наконец, с заявлением по поводу ракетно-бомбовых ударов в Боснии. Мы написали ему несколько жестких проектов такого заявления, но свет увидел вариант, подготовленный на основе проекта министерства иностранных дел.

В заявлении говорилось, что «продолжающиеся удары авиации НАТО по боснийским сербам подрывают усилия по политическому урегулированию. Они выходят за рамки решений Совета Безопасности ООН, втягивают международное сообщество в конфликт против одной из сторон конфликта в Боснии. Североатлантический альянс, заявляя о своей «миротворческой миссии», присвоил себе роль и судьи, и судебного исполнителя. Если такая линия будет продолжаться, нам придется тщательно взвесить в свете обстоятельств нашу стратегию, в том числе наш подход к взаимоотношениям с Североатлантическим альянсом. Времени для выхода на политические решения осталось критически мало, но оно еще есть. Российская сторона будет активно способствовать результативности встречи в Женеве с министрами иностранных дел Югославии, Хорватии и Боснии под эгидой Контактной группы. Я сам намерен и дальше энергично содействовать поиску политических развязок...»(19)

Из Брюсселя на это заявление российского президента откликнулись в том смысле, что НАТО осознает риск, который создают ее авиарейды для отношений с Россией, и «сожалеет» об упреках Москвы. «Продолжение операции представляет серьезную угрозу отношениям между НАТО и Россией, но Москва проголосовала за все резолюции Совета Безопасности ООН по Боснии и Герцеговине, исполнение которых поручено Североатлан-

тическому альянсу». И в целом, надо сказать, особого внимания на заявление Б.Ельцина Запад не обратил. По мнению представителей НАТО, критические высказывания президента России могли быть «предназначены для внутреннего пользования»(20).

Однако одним заявлением Б.Ельцин не ограничился. На следующий день, 8 сентября он провел пресс-конференцию. У российского президента был заготовленный текст ответа на вопрос по Боснии, но отвечал он, во многом импровизируя, и это позволяет услышать его «живую» речь со всеми ее шероховатостями, лучше понять, как он сам думал в тот момент. Приведу по стенограмме фрагмент пресс-конференции, последовавший после вопроса о том, будет ли Россия помогать сербам оружием, если НАТО не прекратит бомбардировки:

«Б.Ельцин: Серьезный вопрос. Первое, что я скажу. Иногда упрекают, что Россия меняет свою позицию в отношении югославского кризиса. Да, она несколько меняет, но меняется и обстановка. Раньше мусульмане так агрессивно не участвовали. Раньше хорваты не захватывали новые территории. Раньше этих позиций не было. Так, спрашивается, почему же хорваты захватывают территорию, ведут большие, крупномасштабные боевые действия. Мусульмане 20 тысяч бросили против боснийских сербов. К ним никаких санкций, их не бомбят, по ним вопроса нет. Почему же только сербы? Действительно, по «безопасной зоне» ракета попала. Кстати, в этой «безопасной зоне» находились и российские миротворческие силы. Так почему только сербы наказываются? Почему не наказываются те, кто занимается провокаторской деятельностью? Спровоцируют сербов, соответственно, начинают отвечать, потом наказывают сербов.

На первые авиаудары были не санкции ООН, я бы не назвал это санкциями ООН. Санкции с разрешения ООН — это когда заседает Совет Безопасности и решает. Совет Безопасности на этот раз не собирался, не решал, а Россию никто и не спросил вообще. Разве это в цивилизованном мире и при желании мирно решать вопрос допустимо? Эти бомбежки недопустимы.

И, учитывая наши российско-сербские отношения, мы в ответ на действия хорватов и боснийских мусульман, выходит, должны отвечать адекватно, помогать сербам. Гуманитарно я уже подписал, и закон есть, — мы помогаем. И чем дальше, тем больше будем помогать. А там посмотрим, если такие действия будут продолжаться, может быть, дело тогда дойдет и до более

горячего. Поэтому я предупреждаю и уже полтора года призываю все мировое сообщество: давайте соберемся на мирную конференцию — главы «восьмерки» и руководители югославских республик. Сядем за стол и решим этот вопрос. Я уверен, что решим. И призываю собраться в Москве в середине октября. Не нравится Москва — давайте соберемся в любом городе Европы. Почему диктуют из-за океана, а не сами европейцы решают этот вопрос?

Поэтому я и против расширения НАТО. Это уже первый признак, что может случиться. Первый признак! ... Готовится концепция, готовятся принципы о европейской безопасности... Россию не пригласили. Что Россия — не Европа? Она тысячелетиями Европа, не как некоторые — по несколько лет. Тысячелетиями! И не думает уходить из Европы, а думает играть в Европе не последнюю роль...

Наше мнение — НАТО не должна быть какой-то вооруженной организацией. А вместе с Россией у Европы должны быть общие вооруженные силы, командует поочередно то одна сторона, как сейчас ЕС, то другая. Европа себя защитит всегда и отпор даст любому. Конечно, Европа вместе с Россией, безусловно. А нас (слово «нас» здесь очень показательно. — К.Н.) сейчас НАТО бомбит, бомбит сербов.

Нам говорят: садитесь за стол переговоров с натовцами и подписывайте договор с НАТО. Чего это ради? Для чего? Это будет крупной политической ошибкой тех, кто сейчас настаивает на расширении НАТО. Это разразится пламя войны по всей Европе. Наверняка... Вот НАТО уже и показывает на то, на что она способна. Бомбардировать только, а потом подсчитывать трофеи — сколько убито гражданского населения.

С.Медведев: Пришло много записок... Например, в продолжение начатого разговора... Испанская радиостанция «Онда Серо» спрашивает: «Господин Президент, Вашу вчерашнюю реакцию на натовские бомбардировки в Боснии оценили на Западе как только «высказывание для русского народа». Будет ли продолжение Вашей реакции на бомбардировку?»

Б.Ельцин: Я уже только что так же адекватно, как и вчера, а, может быть, еще более энергично, высказался для всех мировых средств массовой информации. Это не первое эмоциональное мое заявление после вчерашних переговоров. Нет, я в этом убежден! Убежден в этом! Я подписал вчера письменное заявле-

ние, которое ушло по всем средствам массовой информации, по всему миру, что мы считаем бомбардировки недопустимыми. Мы очень хотим, чтобы сегодня в Женеве собрались сами югославы с контактной группой, в том числе там участвуют, конечно, и наши представители, чтобы они между собой договорились в отношении дележки территории в процентном отношении. Вот что самое главное.

Если они между собой об этом договорятся, то мирная конференция при соответствующей подготовке к ней может иметь хороший успех, после которой война в Югославии может быть прекращена.

С.Медведев: Записки продолжают поступать... Во-первых, «почему Россия, Российское государство так сильно поддерживает сербов. Считаете ли Вы, что российский простой гражданин выбрал бы сербов тоже?» Это — «Лос-Анджелес таймс». А «Ассошиэйтед пресс» как бы развивает тему и спрашивает: «Не усиливает ли это напряженность в отношениях России и Запада?»

Б.Ельцин: А почему американцы поддерживают мусульман? У американцев это усиливает или нет напряженность? А почему немцы поддерживают хорватов? Усиливает это в России какие-то антигерманские настроения? У нас издавна исторически с сербами хорошие контакты, хорошие отношения. Всегда мы поддерживали друг друга. Почему мы сегодня должны их бросать в беде? Когда они виновны, мы тоже говорим, что они виновны. И это было на одном из голосований в Совете Безопасности. Это где-то год назад.

А в отношении реакции нашего населения, то я вам скажу. Можно ссылаться на письма, телеграммы и так далее, но вы посмотрите, сколько митингов, сколько шествий, сколько возмущения идет со всей России, в Москве вы видите. «Защитите сербов». Уже Государственная Дума будет обсуждать вопрос этот.

Конечно, мы должны быть политиками высшего эшелона, и Президент, должны мы все-таки с холодной головой подходить к этому вопросу и понимать, что идти на какие-то конфронтационные действия с Западом мы не хотим. Мы хотим с ними вместе договориться и сесть за мирный стол переговоров вместе с югославскими руководителями. Вместе, и решить вопрос. Вот чего мы хотим».

Пресс-конференция 8 сентября запомнилась еще одним важным моментом. На ней Б.Ельцин подверг деятельность россий-

ского внешнеполитического ведомства самой резкой за все время своего президентства критике. В связи с югославским конфликтом он прямо заявил, что «не удовлетворен работой министерства иностранных дел»(21).

В тот же день пресс-секретарь президента С.Медведев выступил с заявлением, в котором еще раз прояснил позицию Б.Ельцина по боснийскому урегулированию. В заявлении говорилось, что в свете новых сведений о взрывах в мусульманских кварталах Сараево Россия настаивает, чтобы ООН вернулась к рассмотрению ситуации в Боснии и чтобы до этого времени НАТО прекратила военные действия в регионе.

«Россия с самого начала, — подчеркивалось в заявлении, — предупреждала мировое сообщество, что нельзя действия одной стороны конфликта рассматривать через лупу, а на действия других — закрывать глаза. В ответ на это нас убеждали, что мы ошибаемся. Приводили доказательства, называли факты. В результате принимались жесткие резолюции против Югославии, против боснийских сербов. Сербов были унижены политически, морально. Силовые акции других участников конфликта, фактически, не вызывали ответных действий... По прошествии времени аргументы и доказательства, на основании которых принимались антисербские резолюции, оказывались все более сомнительными. Умышленно или непреднамеренно из сербов слеплен образ врага».

Мы вставили в заявление С.Медведева и некоторые идеи из нашего альтернативного варианта боснийского урегулирования. В заявлении, в частности, говорилось о том, что «Россия приветствует преодоление разногласий между руководством Союзной Республики Югославии и боснийских сербов, создание ими совместной делегации для ведения мирных переговоров. Россия согласна стать гарантом этого процесса Его важным моментом может стать установление конфедеративных связей. Они должны быть аналогичны тем, которые обозначены в Вашингтонском договоре между Хорватией и мусульманско-хорватской коалицией в Боснии».

Что касается критики в адрес министерства иностранных дел, то в заявлении говорилось о том, что «иные государственные деятели в России слишком часто повторяют, что они проводники, исполнители президентского курса... Президент считает, что это не почетное звание и не индульгенция от ошибок.

Важно, как этот курс проводится. Работа будет оцениваться не по словам, а только по результатам»(22).

Интересной была реакция на пресс-конференцию Б.Ельцина в странах Запада. Одни аналитики вновь приписывали любые критические высказывания руководства России внутривнутриполитическим соображениям — стремлению ублажить националистически настроенный парламент, заработать очки перед грядущими выборами. Кстатi, такую версию всегда активно «подбрасывал» своим западным коллегам и А.Козырев. И она очень мешала проведению нормальной внешней политики.

Другие аналитики давали более серьезные объяснения. Их суть сводилась к тому, что в сербской части Боснии, которая подверглась агрессии НАТО, Россия увидела собственную перспективу после расширения военного блока на Восточную Европу. Босния стала символом того, что Россия бессильна, и ее можно игнорировать, что новый порядок в Европе будет вершить НАТО. Это и вызвало гнев Б.Ельцина. Они считали, что военные действия в Боснии могут серьезно подорвать отношения между Россией и Западом, и предлагали прекратить бесконечно раздражать русских. «Если Россия не сможет действовать согласованно с США и остальными великими европейскими державами, то тогда она будет чинить им препятствия».

Третьи, и таких было большинство, хотя и понимали обоснованность беспокойства Б.Ельцина, но полагали, что не стоит обращать на это внимание. Лидирующая роль в урегулировании балканского кризиса принадлежит США. А главное — сербы в бывшей Югославии являются агрессорами и поэтому репрессии против них вполне оправданны(23).

Наконец, было явное меньшинство, точку зрения которых лучше всего выразил бывший председатель комитета начальников штабов ВС США К.Пауэлл. Он дал интервью газете «Нью-Йорк таймс», в которой осудил политику Б.Клинтонa в Боснии. У сербов, по мнению Пауэлла, «была очень хорошая причина для беспокойства о своем существовании в стране, где доминируют мусульмане — и это не просто паранойя». Пауэлл назвал четыре главных ошибки Запада в боснийском конфликте:

«во-первых, Западная Европа, возглавляемая Германией и непротивившимся Вашингтоном, признала новую, возглавляемую мусульманами Боснию, зная заранее, что сербы начнут борьбу за отделение;

во-вторых, боснийские сербы, треть населения страны, захотели получить право, которое получили боснийские мусульмане и хорваты, — право выйти из навязанного им решения и самим определять свою судьбу;

в-третьих, с самого начала Запад навалился всем своим весом на боснийских сербов;

и, в-четвертых, бомбардировки не приведут к новому решению. Они могут продлить войну, если мусульмане и хорваты будут продолжать их использовать в качестве прикрытия для нанесения урона боснийским сербам. В лучшем случае результатом этого станет разделение, которого сербы и хотели добиться с самого начала без войны»(24).

На пресс-конференцию Б.Ельцина последовала, естественно, и реакция из министерства иностранных дел России. Со Смоленской площади сообщили, что там «внимательно изучают» критические высказывания президента и «полностью согласны с замечаниями», из которых будут сделаны надлежащие выводы. По словам высокопоставленного дипломата, «МИД РФ во главе с Андреем Козыревым активизировал усилия на балканском направлении», именно поэтому спецпредставителя президента по югоурегулированию А.Зотова заменил первый заместитель министра иностранных дел И.Иванов(25).

Чуть позже сам А.Козырев дал интервью первому каналу российского телевидения. Он рассказал, что после пресс-конференции встретился с президентом и тот сказал: «Работайте над исправлением недостатков, работайте по политическому урегулированию в Югославии». Далее министр с несвойственной ему ранее дерзостью отметил, что в критике Б.Ельцина «есть элементы, на которые мы отвечаем: а нельзя ли нам поднять зарплату?» Он также выразил свое несогласие с тем, что на Западе с Россией перестали считаться. В качестве заслуги российской дипломатии Козырев отметил, в частности, «создание единой делегации в составе СРЮ и боснийских сербов под руководством С.Милошевича». Одновременно министр иностранных дел подверг критике Государственную Думу, которая «с пеной у рта» рекомендовала президенту России отправить его в отставку(26).

К сожалению, на заседании Государственной Думы, о котором упоминал А.Козырев, депутаты действительно чрезмерно увлеклись личными качествами министра иностранных дел. Достаточно привести несколько не самых резких цитат, чтобы

представить себе накал, царивший в зале: «сейчас все серьезные эксперты, с которыми мне доводилось говорить в последнее время, называли одну и ту же вещь: для того, чтобы решить балканскую проблему, надо убрать министра Козырева» (В.Никонов); «Козырев не просто совершил легкие ошибки, он совершил преступление, за которое его нужно наказывать в уголовном порядке» (В.Жириновский); «я не могу назвать его министром иностранных дел, это министр национального позора, это просто уродство» (Г.Зюганов)(27).

Времени на осмысленную критику деятельности Козырева, на конструктивные предложения почти не осталось. А как раз к этому заседанию мы с К.Затулиным подготовили новое заявление. В нем, в частности, говорилось, что в случае продолжения натовских бомбардировок Государственная Дума предлагает Президенту РФ не только подписать закон о выходе из режима санкций, но и «прекратить потерявшее всякий смысл участие в работе Международной контактной группы по Боснии, а также денонсировать соглашение о вступлении в программу «Партнерство ради мира».

В подготовленном проекте заявления говорилось также, что Государственная Дума поддерживает тезис Президента РФ об «адекватной помощи» сербам для защиты от натовской агрессии. «В целях предотвращения дальнейших провокаций и односторонних обвинений боснийских сербов в агрессивных акциях Государственная Дума предлагает послать в Пале постоянно действующую российскую наблюдательную миссию. Она должна оперативно с места событий докладывать руководству Российской Федерации обо всех нарушениях противоборствующими сторонами резолюций Совета Безопасности ООН и других решений мирового сообщества, направленных на урегулирование кризиса».

Государственная Дума должна была рекомендовать «в ближайшее время принять совместную сербскую делегацию в Москве, чтобы подписать соглашение о конфедеративном объединении и упразднении блокады между Союзной Республикой Югославии и Республикой Сербской»(28).

К.Затулин несколько раз пытался пробиться сквозь яростный шквал критики Козырева и побудить депутатов заняться делом: «Уважаемые коллеги, мне кажется, что мы выразили уже достаточно наши чувства. Хотелось бы призвать всех нас к тому, что-

бы мы действительно попробовали сделать все возможное на своем уровне... Ничто не мешает нам послать хотя бы постоянную наблюдательную миссию в Пале, чтобы она там находилась как предпосольство. Ничто не мешает нам поддержать конфедерацию между Республикой Сербской и Союзной Республикой Югославией...»(29)

В конце концов Затулину удалось все-таки поставить свое предложение на голосование, но большинство депутатов уже покинуло заседание. Перед этим была устроена безобразная сцена, когда депутат крайне националистического толка Н.Лысенко содрал крест со священника Г.Якунина, а В.Жириновский оттащил за волосы женщину-парламентария Е.Тишковскую. И хотя оставшиеся депутаты практически единодушно проголосовали за предложение К.Затулина, кворума в зале уже не было.

Резкая и выходящая иногда за рамки приличий критика А.Козырева в Государственной Думе в то же время отражала общественное мнение. Никогда за все время конфликта министр иностранных дел России не подвергался столь беспощадной критике в прессе. Впрочем, он, как всегда, изворачивался, крутился, «как уж на сковороде». В казуистике, в словесном обрамлении своих действий соперничать с министром было трудно. Так, по А.Козыреву, «учет общественного мнения — это ... и способность «держат удар», отстаивать свои позиции, даже если в данный момент они непопулярны. Именно так, против течения, приходилось грести все эти годы, чтобы не сорваться на гибельную и для Югославии, и для Сербии, и для России односторонность в югославских делах»(30). И все же общественное мнение мешало министру иностранных дел спокойно продолжать проводить в жизнь свою политику.

Было просто невероятно, что события в Боснии нашли столь горячий отклик, что называется, в простом народе. Как очень точно подметил И.Максимычев, «боснийский кризис выявил немаловажное влияние общественного мнения России на ее внешнюю политику. Никто не ожидал подобного эмоционального подъема в задавленной внутренними бедами и неразумной экономической политикой стране по не затрагивающему непосредственно ее материальных интересов поводу. Широчайшая поддержка сербов ... продемонстрировала, что общественное мнение в России живо и что с ним приходится считаться»(31). (Забегая вперед, можно сказать, что особенно поддержка сербов про-

явилась в первые дни агрессии НАТО против Югославии в конце марта 1999 г. Заговорили даже о новой «русской идее»).

Не выдержало и правительство В. Черномырдина. Оно опубликовало текст заявления, в котором действия НАТО квалифицировались как акт геноцида боснийских сербов. Российское правительство потребовало прекратить «жесткое одностороннее применение боевой мощи НАТО» и заявило, что намерено вывезти сербских детей из-под бомбежек в лучшие здравницы Москвы, поскольку оно «не может оставаться безучастным к трагической судьбе детей наших братьев-славян»(32). После этого министром по чрезвычайным ситуациям был организован воздушный мост между Москвой и Белградом, по которому сербам начала поступать гуманитарная помощь.

Министр обороны России П. Грачев также обвинил НАТО в агрессии. Он заявил, что с начала бомбардировок погибли уже 800 и получили ранения более 2000 мирных сербских жителей. И если вначале авиаудары НАТО наносились по военным объектам, то теперь бомбардировкам подвергаются гражданские строения — объекты энергетики и водоснабжения, школы, поликлиники, жилые дома. Грачев отметил, что ряд стран оказывают военную помощь хорватам и боснийским мусульманам, хотя Россия строго придерживается режима эмбарго. «Если игра в одни ворота будет продолжаться, — подчеркнул министр, — то не исключено, что Россия может оказать сербам помощь...»(33)

Несмотря на все разговоры о «внутреннем пользовании», в США к пресс-конференции Б.Ельцина и другим заявлениям в России отнеслись достаточно серьезно. В Москву в срочном порядке был откомандирован первый заместитель госсекретаря США, специалист по России С. Тэлботт. Его целью было «вернуть Москву в общую команду, озабоченную поисками мира в Боснии». Но, как тогда говорили, он приезжал не для переговоров, а для уговоров(34). И С. Тэлботт выполнил свое задание. После его визита А. Козырев поспешил доложить российскому президенту, что американский представитель привез интересные, прорывные идеи, и теперь все нормально. Приезд С. Тэлботта сорвал и некоторые наши планы. Дело в том, что мы уже начали реализовывать идею проведения экстренного заседания Совета безопасности, посвященного боснийскому урегулированию. Ведь время даже самых грозных слов и экспромтов давно прошло, нужны были конкретные дела.

Тем более, что американцы не сидели, сложа руки. Р.Холбрук беспрерывно сновал по всем столицам бывших югославских республик, избегая лишь контактов с боснийскими сербами. Под руководством США в НАТО был разработан план, согласно которому в шестимесячный срок миротворческие силы ООН заменялись в Боснии на войска НАТО. Последние в количестве от 40 до 50 тысяч человек должны были оставаться в Боснии после заключения мира по крайней мере на 5 лет. Российскую сторону тоже приглашали участвовать в этой операции, причем в самой опасной зоне — вокруг Сараево(35). Таким образом, боснийских сербов бомбили за их якобы отказ от мирного плана. Но и согласие на мирный план влекло за собой фактическую оккупацию их территории. То есть по американскому плану присутствие НАТО сохранялась в Боснии в любом случае, а при подписании мира оно даже расширилось.

В те дни Р.Караджич прислал очередное письмо Б.Ельцину, написанное на этот раз на русском языке. Он писал, что для сербского народа в Боснии настал, возможно, самый критический момент. «Речь идет уже о его физическом уничтожении на земле, на которой он проживает с шестого века, со времени переселения славян на Балканы.

Как Вы знаете, после нашего согласия начать переговоры и заключить мир на известных принципах американской инициативы, на Республику Сербскую обрушились непрекращающиеся ни днем, ни ночью чудовищные ракетно-бомбовые удары. Из-за спины авиации НАТО, военно-морских и сухопутных сил НАТО действуют войска Мусульманско-хорватской федерации. Тяжело, да и нет смысла подробно говорить о страданиях мирного населения, женщин детей, стариков.

Мы подвергаемся геноциду только за то, что мешаем безумным планам расширения НАТО на всю Европу, что не соглашаемся отречься от братского русского народа, любовь к которому впитали с молоком матери. За это, по циничным заявлениям американских представителей, Сербию следует разорить и превратить в аграрную страну. Уважаемый Борис Николаевич! Противостоять агрессии НАТО нам помогает мужественная, честная позиция, которую Вы заняли на недавней пресс-конференции...»

Р.Караджич вновь просил направить в Пале «российскую наблюдательную миссию». По его словам, этому способствовало и

фактическое признание Республики Сербской в Женеве при рассмотрении американской инициативы. «Позвольте предложить Вам для организации работы этой миссии прислать к нам Вашего помощника Юрия Батурина, человека, которого я хорошо знаю и которому полностью доверяю. Мы, безусловно, согласны также, чтобы Россия стала гарантом нашего конфедеративного объединения, в любое время готовы приехать в Москву для подписания соответствующего соглашения...»(36)

Мы писали Б.Ельцину об угрозе окончательного политического поражения России на Балканах: «На случай реализации мирного соглашения американцы уже прорабатывают план замены в Боснии миротворческих сил ООН на войска НАТО, имеющим «гибкий мандат», то есть не только на самооборону. Это должно поставить точку в многоходовой операции Запада по легализации натовского присутствия в бывшей Югославии. При этом большое значение США уделяют согласию России участвовать в новой операции, но лишь формально и под единым натовским командованием.

Этот план — абсолютно неприемлемый. И у нас есть шанс (возможно, последний) ему противостоять. Главное — добиться, чтобы решение о контроле за соблюдением мирного плана принималось на СБ ООН. Тогда у нас появится возможность использовать право вето и показать, что мы настроены серьезно. Это, невзирая на готовность ООН из-за безденежья «спихнуть» свои обязанности на НАТО, будет означать продолжение прежней миротворческой операции. Второе необходимое условие — не дать МИДу единолично принимать решения. Крайне важно, чтобы решение было принято быстро (возможно, на Совете безопасности России) и чтобы МИД получил четкие, однозначные инструкции. К сожалению, уже проявляются признаки повторения старого сценария: вначале МИД как будто высказывает некоторые сомнения, а затем не препятствует дальнейшей натовской экспансии (якобы они дали нам необходимые заверения, есть возможность использовать наше согласие в российских интересах и т.п.).

Чтобы затруднить новые военные акции и стимулировать мирный процесс в Боснии, целесообразно параллельно с использованием вето предпринять и некоторые упреждающие действия: например, реализовать Ваши идеи о подписании конфедеративного соглашения между Югославией и Республикой Серб-

ской под эгидой России (их министры иностранных дел могли бы уже сейчас подписать в Москве «Меморандум о взаимопонимании») и о направлении российской наблюдательной миссии в Пале. Эти идеи, вытекающие из подтвержденного мировым сообществом принципа равных прав, полностью поддерживает Р.Караджич в письме на Ваше имя. Характерно, что делегация Думы уже договорилась об организации в Республике Сербской «постоянного депутатского дежурства». Другие наши действия также могли бы быть обсуждены на ближайшем Совете безопасности России. К сожалению, самостоятельно за четыре года конфликта МИД так и не смог сформулировать линию в деле югославоурегулирования»(37).

Предполагаемое заседание должно было состояться в Сочи, куда Б.Ельцин совсем не вовремя отправился на отдых. Как писали тогда в одной из газет, кажется в «Правде», — «попугал, что есть мочи, и — в Сочи».

Сохранился и подготовленный нами примерный перечень вопросов, который предстояло обсудить на сочинском Совете безопасности:

- односторонний выход России из режима санкций против Югославии и оказание адекватной помощи сербам;
- приостановка участия России в программе «Партнерство ради мира» и в работе контактной группы по Боснии;
- приглашение совместной сербской делегации в Москву для подписания под патронажем России договора о конфедеративном объединении Югославии и Республики Сербской;
- направление в Республику Сербскую наблюдательной комиссии Президента РФ для уточнения реального положения дел;
- возможный вывод находившегося в районе Сараево «русбата-2»;
- кадровые изменения в МИДе(38).

Заседание Совета безопасности не состоялось. Оно было отменено как раз вследствие беседы А.Козырева с С.Тэлботтом и доклада о ее результатах президенту России. Вместо этого в Сочи в качестве неравноценной замены Б.Ельцин провел встречу с А.Козыревым, П.Грачевым, директором Федеральной службы безопасности М.Барсуковым и вызванным из Лондона послом России в Великобритании А.Адамишиным, написавшим незадолго до этого смелое письмо с критикой деятельности МИДа по югославскому урегулированию. На этой встрече, в частности, обсуждалась дальнейшая судьба миротворческой операции в Боснии(39).

По-видимому, именно в Сочи был пройден определенный рубеж. Бывшее неприемлемым ранее участие НАТО в той или иной форме в миротворческой операции в послевоенной Боснии стало для российского руководства свершившимся фактом. Предстояло решить лишь, каковым будет это участие. Так, А.Козырев по итогам встречи заявил, что вопрос о силах, которые могли бы быть развернуты в бывшей Югославии, является «сложным», и в настоящее время эта проблема находится в «фокусе тонких дипломатических переговоров с российскими партнерами». Он также не исключил возможности участия российского воинского контингента в миротворческой операции в районе Сараево, даже если полномочия по мониторингу за разблокированием ситуации будут поручены НАТО(40).

То, что Россия отказалась от борьбы за продолжение в Боснии миротворческой операции ООН, косвенно подтвердил П.Грачев. Правда, он выступил и против самостоятельной операции альянса, а предложил создать объединенные миротворческие силы НАТО и России, которыми поочередно командовали бы то натовский генерал, то российский. Причем министр обороны объявил, что такое предложение выдвинет Б.Ельцин в своем выступлении на юбилейной сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке(41). Фактически что-то подобное предложил в письме Б.Ельцину и председатель комитета Государственной Думы по международным делам В.Лукин.

Нам представлялось, что если невозможна миротворческая операция ООН (хотя за нее следовало бы еще побороться), то предложение Грачева, конечно, предпочтительнее, чем чисто натовская операция. Но Россия опять безнадежно опаздывала. План замены миротворцев ООН был полностью разработан, причем США, военнослужащие которых должны были составить около половины формирующихся новых миротворческих сил, жестко предупредили, что их устроит только единое натовское руководство операцией. Кроме того, было не ясно, откуда Россия возьмет средства на финансирование своего полномасштабного участия в новой операции, а уже предполагалось, что каждый будет платить сам за себя. Но план Грачева был хорош по крайней мере для торговли.

И поле для такой торговли, для активной внешнеполитической работы российской дипломатии было обширным. Например, чтобы у России оставалась возможность использования

права вето, необходимо было не допустить увязывания в одном пакете операции НАТО, мирного урегулирования и отмены антисербских санкций. Надо было добиваться того, чтобы иностранные миротворцы вводились только в зону разъединения сторон в конфликте, а не на всю территорию Боснии, чтобы со стороны Республики Сербской это были военнослужащие России. Ведь Р.Караджич неоднократно говорил, что для него ввод сил НАТО на территорию Республики Сербской абсолютно неприемлем, что он готов принять только российских военнослужащих. Кроме того, только отдельное базирование российских сил в собственной зоне ответственности выводило бы их из подчинения НАТО. Тем не менее, руководство МИДа категорически возражало против идеи размещения российских войск в Республике Сербской, а натовских — в Мусульманско-хорватской федерации. По его мнению, это привело бы к новой разделительной линии в Европе, к новому противостоянию. Как будто альтернативой противостояния может быть только полное подчинение России Североатлантическому альянсу.

С.Милошевич тоже понимал всю пагубность для Югославии долгосрочного пребывания войск НАТО в соседней стране. Особенно, если бы военнослужащие НАТО встали на границе между Югославией и Республикой Сербской. Эти опасения имели под собой реальную почву. И не только боснийский опыт вызывал опасения. Генеральный секретарь НАТО В.Клас уже прочерчивал чрезвычайно тревожную для сербов перспективу. Он предупреждал, что Белград не будет признан натовскими странами и допущен в международные организации до тех пор, пока ущемляются коллективные и индивидуальные права албанцев в Косово(42). Кстати, через несколько лет, когда агрессия НАТО против Югославии в связи с косовским кризисом все-таки произошла, и в России, и на Западе обсуждался вопрос о выделении для российских миротворцев собственного сектора ответственности в Косово и даже о разделе края на две зоны — сербскую и албанскую. Причем, естественно, что российские миротворцы должны были вводиться в северную, сербскую зону. О каком-то новом противостоянии российский МИД уже не говорил.

На С.Милошевича оказывал постоянное давление Р.Холбрук, и как раз здесь был бы необходим сильный российский противовес. Торговля была необходима и по плану мирного урегулирования. Надо было добиваться безусловного снятия всех анти-

сербских санкций и установления конфедеративных связей между Югославией и Республикой Сербской. Тем более, что этому способствовала некоторая нормализация отношений между С.Милошевичем и Р.Караджичем. Лидер боснийских сербов просил Россию помочь им добиться права на проведение референдума о присоединении к Югославии через 2-3 года(43).

Но все эти вопросы российским внешнеполитическим ведомством почти не рассматривались. А пока МИД России бездействовал, Р.Холбрук уже отходил от прежних обещаний и говорил не о конфедеративных отношениях между Югославией и Республикой Сербской, а только — об их праве на «тесные связи». В Нью-Йорке при рассмотрении послевоенного устройства Боснии начал наблюдаться отход от равных прав Республики Сербской и Мусульманско-хорватской федерации и по другим вопросам. Откликаясь на требования Хорватии, международное сообщество начало делить все права в Боснии не на двоих, а на троих, то есть распределять их между тремя боснийскими национальными общинами. Предполагалось, что они будут в равной степени представлены во всех центральных органах власти будущей Боснии и обладать своего рода правом вето. Это грозило возвратом к довоенному устройству Боснии. Ведь тогда тоже нельзя было ничего менять в конституционном устройстве БиГ без согласия каждой общины, в том числе сербской. Но это не помешало проигнорировать мнение боснийских сербов при выходе Боснии из состава Югославии. Тем более это было легко сделать в новой Боснии, да еще под натовской оккупацией.

Повторимся, российская дипломатия никак не реагировала на все эти изменения. Вернее, она продолжала гнуть свою прежнюю линию. После визита премьера мусульманского правительства Боснии Х.Силайджича в Москву ему было обещано восстановить поставки российского газа. Вскоре было принято решение и о посылке российского дипломатического представителя в Сараево. Все это делалось, даже не дожидаясь соглашения о прекращении огня, которое отказывалось подписать именно руководство мусульманской общины. О равных правах участников конфликта, о боснийских сербах российское внешнеполитическое ведомство напрочь забыло, не говоря уже об идее конфедеративных связей Республики Сербской с Югославией.

И все же А.Козырев публично заявил, что Россия предпримет усилия по прекращению огня в Боснии, и «я думаю, мы подвиг-

нем к этому воюющие стороны»(44). И действительно в бывшую Югославию был послан его первый заместитель И.Иванов. Кажется, он должен был прежде всего вести переговоры с противоборствовавшими сторонами — мусульманами и боснийскими сербами. Однако послания президента России, которые повез с собой И.Иванов, были адресованы только А.Изетбеговичу и С.Милошевичу. Р.Караджича для российского МИДа по-прежнему не существовало.

В преамбуле, одинаковой для обоих ельциновских посланий, говорилось о том, что в боснийском урегулировании наступил переломный момент, согласованы крайне важные решения. «Значительная часть пути пройдена. Чтобы расчистить остающиеся завалы для ускоренного движения вперед и выхода на урегулирование, необходимо безотлагательно договориться о перемирии повсеместно в БиГ».

Далее текст различался. С.Милошевича пугали тем, что «один из самых фундаментальных вопросов урегулирования — освобождение Югославии от санкций — отодвигается в сторону и остается в тени в рамках посреднических усилий. Если дело так пойдет и дальше, нельзя исключать, что проблема санкций будет обставляться новыми условиями и оговорками». Поэтому от сербского президента требовали оказать дополнительное давление на боснийских сербов — «завершить разблокирование Сараево и открыть дорогу в Горажде».

А.Изетбеговича не пугали. Ему как раз и обещали то, что требовали от С.Милошевича, а также гарантировали возобновление поставок газа.

И, наконец, в последнем абзаце в обоих посланиях в стиле «показушной» политики МИДа говорилось, что «интересам всех сторон в конфликте отвечало бы «освящение» урегулирования именно на конференции в Москве»(45). То есть не важно, что подписывается, а важно — где. И если в Москве, то можно было бы снова говорить о ведущей роли России в югоурегулировании.

Справедливости ради, надо сказать, что И.Иванов после переговоров с С.Милошевичем в Белграде все-таки побывал в Бая-Луке, где встретился с военно-политическим руководством Республики Сербской. Но, пока российский эмиссар разъезжал по бывшей Югославии, авиация НАТО еще раз отбомбилась по позициям боснийских сербов. Одновременно Б.Клинтон объявил о согласии сторон на перемирие с 10 октября. Он подчеркнул,

что мирные переговоры при содействии Р.Холбрука и членов контактной группы пройдут в США, а затем будут продолжены на мирной конференции в Париже(46). Чтобы «подсластить пилюлю» России, которая претендовала на проведение мирной конференции, было решено провести в Москве последнюю перед мирными переговорами встречу контактной группы. Но даже она впоследствии так и не состоялась из-за болезни российского президента.

Поздно ночью МИД России спешно подготовил заявление Б.Ельцина о начале гуманитарных поставок газа в Боснию и Герцеговину. Это было одним из условий перемирия, и боснийские сербы согласились не препятствовать подаче газа в Сараево. Создавалось впечатление, что этим действием российская дипломатия всеми силами хотела показать, что именно она внесла решающий вклад в достигнутое перемирие.

Мы бы не вспоминали здесь об этом обычном для МИДа эпизоде, если бы на другой день не случился забавный конфуз. Председатель Государственной Думы И.Рыбкин, будучи днем у президента, узнал о газе и спросил: «Можно ли об этом сообщить?» Разумеется, Б.Ельцин разрешил. Затем И.Рыбкин вернулся в Государственную Думу, где как раз шло обсуждение югославского кризиса, и депутаты только-только не смогли преодолеть вето президента на закон об одностороннем выходе России из режима санкций против Югославии. Председатель Госдумы ни с того, ни с сего сообщил, что Б.Ельцин издал указ об одностороннем выходе России из режима санкций в пункте, касающемся поставок газа (?! — К.Н). Услышав этот бред, А.Лукиянов заявил, что президент своим указом выходит из режима санкций, и депутаты не должны отставать. Видный деятель коммунистической партии не мог допустить, чтобы все лавры защитника сербов достались одному Б.Ельцину.

Два раза переголосовывали парламентарии и все-таки приняли сразу в трех чтениях закон о поэтапном прекращении участия России в осуществлении санкций против Югославии. От предыдущего, отклоненного президентом закона, он отличался только введением понятия — «поэтапное снятие санкций». Наверное, западные эксперты должны были поломать голову, чтобы понять, что там у этих загадочных русских происходит. Да и отечественные аналитики ничего не поняли.

Еще на следующий день пресс-службе Б.Ельцина пришлось распространять заявление, в котором говорилось, что решение президента о возобновлении поставок энергоносителей в Боснию ни в коем случае нельзя рассматривать под углом одностороннего выхода России из режима санкций. В заявлении подчеркивалось, что речь идет лишь о предоставлении гуманитарной помощи гражданскому населению Боснии и Герцеговине, и именно об этом сказал Б.Ельцин во время встречи со спикером нижней палаты И.Рыбкиным(47). Отметим, что через месяц и этот закон о поэтапном прекращении участия России в осуществлении санкций был российским президентом отклонен.

Наконец, наступило 10 октября — день, обозначенный как начало 60-дневного перемирия в Боснии. (Оно наступило чуть позже — с 00 часов и 01 минуты 12 октября. — К.Н.). Будто боясь не успеть, натовская авиация накануне еще раз бомбила позиции боснийских сербов в районе Тузлы. Тогда же министры обороны России и США П.Грачев и У.Перри начали вести переговоры об основных параметрах участия России в будущей миротворческой операции в Боснии. Они договорились, что эта операция не будет чисто натовской и получит нейтральное название — «операция сил по выполнению мирного соглашения в Боснии и Герцеговине» (СВС или по-английски — IFOR). Решение о ее начале должен будет принять Совет Безопасности ООН. Но другие вопросы — командование, финансирование и т.д. еще только предстояло обсудить.

Необходимо сказать, что еще со времени работы над ежегодными Посланиями президента России Федеральному Собранию, а затем над упоминавшимся «планом Грачева» по боснийскому урегулированию у нас сложились хорошие отношения с помощниками министра обороны — генералами Г.Ивановым и П.Золотаревым. Поскольку МИД фактически «умыл руки» от переговоров по миротворческой операции в Боснии, на них легла вся тяжесть ответственности за подготовку позиции своего министра, а в чем-то и всего российского руководства. Мы часто обсуждали с ними в то время боснийские проблемы, и фактически наши взгляды совпадали.

В целом, вспоминая боснийское урегулирование, могу сказать, что вести переговоры и договариваться с российскими или сербскими военными было намного проще и продуктивнее, чем с дипломатами. У военных было меньше амбиций и больше ис-

кренного желания решить поставленную задачу. Они были настоящими патриотами, хотя никогда и не выпячивали свою любовь к родине. Как это не удивительно, они были и более самостоятельными, смелыми, меньше думали о возможных последствиях для собственной карьеры.

К сожалению, у меня не сохранился документ, в котором были изложены разработанные помощниками П. Грачева позиции для его переговоров по новой миротворческой операции. Но по нашему ответному письму можно четко представить себе, как мы думали в то время:

«Изложенная в пяти пунктах позиция министерства обороны не вызывает никаких возражений. Возможны лишь некоторые изменения и дополнения.

Пункты 1-3. Специальная резолюция СБ ООН с мандатом коалиции государств (может быть, только странам контактной группы или — другой вариант — постоянным членам СБ?) должна быть достаточно подробной и четко оговаривающей все спорные моменты, в том числе финансовые.

Отдельным пунктом обязательно зафиксировать однозначно понимаемое право на применение силы.

Эта резолюция должна не только следовать после подписания мирного соглашения боснийскими сторонами, но и после отдельной резолюции СБ по снятию санкций с Югославии.

Представитель Генсека ООН, ответственный за реализацию мирного соглашения в Боснии, может и не вмешиваться в военные дела, но должен иметь хотя бы одно право — заблокировать решение о применении силы. То есть «второй ключ» должен по-прежнему оставаться у ООН.

С этими тремя пунктами наши «партнеры» в какой-то степени еще могут согласиться. Поэтому в переговорах лучше разделить весь вопрос на две части, и только договорившись по первой, переходить ко второй — о параметрах самой операции. Здесь договариваться будет гораздо труднее.

Пункты 4-5. В качестве определенного компромисса можно пойти на то, чтобы Специальный международный совет (по контролю за операцией. — К.Н.) формировался не из представителей всех стран — поставщиков воинских континентов, а только из пяти стран контактной группы. Может быть, и Объединенный штаб операции формировать лишь из представителей этих стран. По существу это ничего не меняет. Но можно говорить,

что опыт контактной группы показывает, что такой Совет — вполне дееспособный.

В крайнем случае — пойти даже на то, чтобы единогласие или наше согласие требовалось только при решениях о применении силы. То есть нашего права вето на ввод в действие «первого ключа» следует добиваться при любых вариантах.

Многое зависит от количественного состава нашего контингента. В случае участия России усиленной воздушно-десантной дивизией можно претендовать на самостоятельный четвертый сектор со своим командованием. Этот сектор должен как можно полнее совпадать с территорией боснийских сербов. В случае участия России двумя-тремя полками — придется, по-видимому, работать в секторе какой-либо страны (Франции?). Главное — обеспечить контроль за сербской частью Сараево, Посавинским коридором и за границей по реке Дрина (то есть резко выступать против запросного западного требования о натовском контроле югославо-боснийской границы). Как вариант можно предложить разместить на территории Республики Сербской воинские контингенты из Белоруссии и Армении.

Главное — «не размазывать» российских миротворцев по разным секторам под натовским командованием. Российский контингент должен действовать компактно и как можно более самостоятельно.

Целесообразно также резко активизировать деятельность, направленную на создание равных условий с Мусульманско-хорватской федерацией для Республики Сербской: право на конфедерацию с Югославией, открытие в Пале российской миссии и даже соглашение о будущей военной помощи боснийским сербам (о возможности аналогичного соглашения после заключения мира с мусульманским правительством БиГ американцы уже объявили).

Российское присутствие в Республике Сербской желательно сохранить любой ценой. Кроме российского миротворческого корпуса, туда, по согласованию с руководством боснийских сербов, можно направить «Корпус спасателей» министерства по чрезвычайным ситуациям, строителей, связистов и т.п.

Целесообразно согласовать свою позицию с совместной сербской делегацией еще до начала работы московского заседания контактной группы. Сербам (особенно югославским) дать понять, чтобы они тверже противились натовскому плану и не

показывали даже признаков разногласий между собой. Боснийским сербам также пора прекращать все внутренние раздоры»(48).

Для обсуждения важнейшего на тот момент вопроса о российском участии в операции по поддержанию мира в Боснии 18 октября вновь было запланировано провести заседание Совета безопасности России. Так же, как и в прошлый раз, были подготовлены тезисы выступления Б.Ельцина. В целом они исходили из только что изложенной позиции. Предполагалось, что президент потребует активизировать работу на югославском направлении, изменить ту весьма незавидную роль, которая отводилась России: или подчиниться общему натовскому командованию, или заниматься невоенными задачами. К сожалению, и это заседание Совета безопасности России не состоялось(49).

На другой день перед поездкой в Нью-Йорк на Генеральную ассамблею ООН президент России ответил на вопросы российских и американских журналистов. Ему, естественно, был задан вопрос об участии российских военнослужащих в миротворческой операции в Боснии после заключения мира. Б.Ельцин разбил ответ на три части. Первая часть ответа — «мы согласны их послать». Вторая часть — «сколько?» «Когда мы назвали дивизию, то конгресс Соединенных Штатов Америки ахнул: «Нет, это недопустимо, чтобы дивизия России была на Балканах, была на территории бывшей Югославии, да прямо еще в Сербии». И третья часть — «это материальная». «Все-таки, если допустим, направить туда дивизию (это по расценкам ООН, так будем говорить), будет стоить 3 млрд. долларов. Сегодня для России это слишком накладно».

Б.Ельцин предложил, найти «паритетный» вариант. «Батальон, который у нас там есть, и, допустим, добавить пару полков. Но самое главное не в этом. Самое главное — кто будет командовать, кто будет ими распоряжаться? Вот вопрос... Мы всегда были против этих натовских бомбежек. Мы считаем, что это варварство недопустимо со стороны мирового сообщества. Поэтому такой вариант, не подчиненный НАТО, а вооруженные силы отдельных государств — представителей по отдельным территориям, которые они будут защищать... Мы под НАТО воевать не будем... Это не натовская операция. Это миротворческая операция вооруженных сил крупных государств».

Напомнил Б.Ельцин и о мирной конференции в Москве, хотя речь в то время об этом уже не шла: «Надо собраться вместе: на каких условиях, как снять санкции и так далее. Я уверен и убежден, что на таком высоком уровне удастся договориться. Поэтому и предложил провести это дело в Москве, собрать всех главных руководителей, по крайней мере, «восьмерки». Ну и, конечно, минимум «тройку» руководителей Милошевича, Младича, Караджича — трех человек со стороны бывшей Югославии».

Разумеется, российский президент оговорился. Он имел в виду Милошевича, Туджмана и Изетбеговича. Но это оговорка — характерная. Мы прожужжали ему все уши о необходимости пригласить в Москву сербских лидеров, в частности, для подписания соглашения о конфедерации между Югославией и Республикой Сербской.

На вопрос о работе МИДа Б.Ельцин ответил, что «неудовлетворение его работой сохранилось, улучшения работы я пока не вижу. Но конкретного решения кадрового пока нет». Президент заявил, что пусть А.Козырев работает, «не будем сминать его в бараний рог. Пусть работает. Но решение мое остается». Главная же ошибка А.Козырева, по мнению Б.Ельцина, состояла в том, что он не смог обеспечить координацию деятельности МИДа с другими министерствами. «Сколько я его ни критикую: «Почему не координируете работу внешних связей других министерств?» «Они меня не слушаются». То есть от этого возникает идея такая, что общую координацию по международной ... деятельности надо переложить ... на президента. И тогда все будут слушаться, и тогда все будут проводить единую политику, поддерживать единую позицию...»(50)

Наконец, не выдержал и сам А.Козырев. Вместо подчеркнутой лояльности он позволил себе в кругу журналистов резко критиковать Б.Ельцина, утверждая, что во всех внешнеполитических провалах виноват Кремль, который не имеет четкой стратегии поведения на международной арене и сам не знает, чего хочет. А.Козырев посетовал на несправедливую и грубую по форме критику, которая обрушивается на него со стороны президентских структур(51). Позже министр иностранных дел опровергал эти слова и даже подал в суд на распространившее их радио «Свобода». В ответ руководитель русской службы радиостанции сказал, что это «один из самых смешных эпизодов», с которыми он сталкивается. По его мнению, материал «был вы-

держан в сочувственном для Козырева тоне», и он не понимает, в чем министр усмотрел «клеветнический характер» сообщения(52).

Последнее выступление Б.Ельцина, в котором он вновь затронул проблемы боснийского урегулирования, состоялось на юбилейной заседании Генеральной ассамблеи ООН. Российский президент говорил, что в мире наметилась «опасная тенденция принижать роль ООН, действовать в обход ее Устава и коллективной воли Совета Безопасности. Мир как никогда нуждается сегодня — не только в равноправии и терпимости, но и в уважении своеобразия каждого государства, понимания специфики его истории. Каждое из них может и хочет внести свой вклад в развитие человеческого сообщества, обрести в нем достойное место. Мы с вами не вправе допустить появление вновь духа враждебности и предубеждения против стран и народов».

Далее Ельцин специально остановился на боснийской ситуации, при которой «Совет Безопасности оказался отесненным на обочину событий. Это — явное нарушение основ всемирной организации, заложенных ее создателями. Недопустимо, чтобы региональная организация в обход Совета Безопасности принимала решение о массированном применении силы. Россия немало потрудились, чтобы приблизить мир в Боснии и Герцеговине. Мы готовы поддержать операцию по реализации мирного соглашения с участием многонациональных сил, в том числе и российских. Но только по четкому мандату Совета Безопасности ООН. Нельзя, чтобы там, где не успела справиться дипломатия, вторгалась военная сила. Последствия этого были бы трагичными»(53).

Через неделю, проводя заседание коллегии МИДа, А.Козырев был уже более спокойным. Он заявил о своих встречах в Нью-Йорке с «нужными людьми», после чего сделал вывод, что «больших оснований для беспокойства нет, и можно работать в целом, как обычно». Министр иностранных дел снова повторил критику в адрес Кремля, который не дает ему нормально работать. Он заявил также, что «хотел бы категорически предупредить, что МИД больше не будет влезать в вопросы урегулирования в Боснии. Раз уж этим начало заниматься Минобороны, то пусть и расхлебывает»(54).

И все же российский министр иностранных дел не совсем забыл «любимое» им во внешней политике югославское направле-

ние. 30 октября прошло сообщение, что по пути в США на переговоры по мирному урегулированию С.Милошевич сделает краткую остановку в Москве. Предполагалось, что он встретится с премьер-министром России В.Черномырдиным, так как Б.Ельцин был болен. Мы очень рассчитывали на эту встречу — это был последний шанс согласовать позиции, выработать общие с сербами тактику и стратегию. Как всегда, подготовили записку. Написать ее попросил и сам В.Черномырдин, который хотел лучше уяснить все детали в незнакомом для себя вопросе югоурегулирования.

В подготовленной для премьера записке речь шла о снятии всех санкций с Белграда, о признании за Югославией правопремущественности СФРЮ и т.д. Что касается Боснии, то предлагалось «жестко выступать против каких-либо пересмотров уже достигнутых в Женеве и Нью-Йорке договоренностей (в том числе должны были сохраняться территориальное разграничение в соотношении 51% для Мусульманско-хорватской федерации и 49% для боснийских сербов, их равные конституционные права в будущей боснийской Унии)». Желательно было также не признавать захваты, совершенные хорватами и мусульманами после 8 сентября, то есть после начала переговорного процесса в Женеве. В качестве компромисса можно было пойти на сохранение необходимого прежде всего хорватам 20 км коридора между Хорватией и Мусульманско-хорватской федерацией, но «при условии предоставления аналогичного по ширине коридора боснийским сербам в Посавине»(55).

Складывалось впечатление, что С.Милошевич также очень хотел посоветоваться в Москве перед сложнейшими переговорами. Это было важно и в психологическом плане — как поддержка для него самого, так и как лишняя головная боль для его заокеанских оппонентов, которым предстояло поломать голову по поводу московских договоренностей. Какое значение придавал сербский президент встречам в Москве, видно хотя бы из того, что он попросил организовать их военных, а не по линии МИДа. Однако А.Козырев узнал об этих приготовлениях и через американцев надавил на С.Милошевича. Сербский президент не стал ссориться с теми, кто играл первую скрипку во всем урегулировании, и из Белграда полетел сразу в Америку.

Долго выбиравшие, как навязать свое решение боснийского кризиса, американцы в целом определились в пользу сочетания

двух способов — военной силы и переговорного процесса. Идти до конца исключительно силовым путем они все-таки не решились. На это повлияли и боязнь образования в Боснии чисто мусульманского государства, и опасение разрастания конфликта на соседние страны, и глухое недовольство отстраненных от боснийского урегулирования западноевропейцев, и нежелание дальнейшего обострения отношений с Россией. Повлияла и способность боснийских сербов стабилизировать линии фронта после массированных бомбардировок.

В сложившихся условиях, когда американцы собрали в своих руках все козыри, было принято решение, не отказываясь полностью, временно отодвинуть на задний план чисто силовые методы. По существу ведь оставалось решить лишь две взаимосвязанные проблемы: 1) обеспечить удобное для США конституционное и территориальное устройство Боснии и Герцеговины и 2) легализовать долгосрочное натовское присутствие в этой бывшей югославской республике.

По обоим направлениям уже были созданные солидные заделы. Конституционное устройство было рассмотрено под патронажем заместителя госсекретаря США Р.Холбрука на женевских, нью-йоркских и римских встречах представителей Хорватии, Югославии и Боснии и Герцеговины (фактически только ее мусульманской части). Причем мало того, что боснийские сербы вошли в делегацию Югославии, то есть другого государства, и передали право решающего голоса С.Милошевичу, их собственный президент Р.Караджич из-за выдвинутых против него обвинений был лишен возможности участвовать в переговорах. Правда, С.Милошевич и Р.Караджич в присутствии сербского патриарха Павле заключили письменное соглашение о том, что будут сообща отстаивать сербские интересы, но стопроцентной гарантии этого, конечно, не давало.

Полным ходом шла и подготовка натовской операции. Совет военного блока уже сформировал ее основные параметры, определил карту деления Боснии на сферы ответственности США, Великобритании и Франции. Требовалось лишь согласовать последние детали для формального и подчиненного подключения к операции России, а также добиться разрешения на эту операцию от Совета Безопасности ООН и превратить присутствие НАТО в Боснии из де-факто в де-юре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Стахов А. Загреб и Сараево пытаются согласовать позиции // Сегодня, 1995, 7 сентября.
2. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 19 августа.
3. Иванов Ив. Кто спасет сербов? // Эхо планеты. 1995. № 39.
4. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 30 августа; Ситников Б. Миротворцы на тропе войны // Эхо планеты. 1995. № 43.
5. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 4 сентября.
6. Там же, 1995, 6 сентября; Кондрашов А. Что было в Сараево // Эхо планеты. 1995. № 38.
7. Шелдон С. Точный расчет. М, 1998. С. 177-178, 182-184, 213, 216.
8. Долинский С., Платонов Д. iF-22 Raptor // Страна игр. 1997, октябрь.
9. Стуруа М. В эфире только Моника // Московский комсомолец. 1999, 5 марта.
10. Этот вопрос затем долго дискутировался. См., например: Калядина Е. Проспал ли посол Чуркин натовскую побудку? // Комсомольская правда, 1995, 7 сентября.
11. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 30 августа.
12. Журавлев П. Владимир Лукин: Российская дипломатия занимается «показушничеством» // Сегодня, 1995, 1 сентября.
13. Иванов Ив. Это и есть геноцид. Постыдный сговор // Российская газета, 1995, 14 сентября.
14. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 12 сентября.
15. Иванов Ив. Кто спасет сербов? // Эхо планеты. 1995. № 39.
16. Овчаренко Е. На что тратит командировочные министр Козырев? // Комсомольская правда, 1995, 6 сентября.
17. Абаринов В. Гельмут Коль поддержал Бориса Ельцина, но с оговорками // Сегодня, 1995, 5 сентября.
18. Сергеев П. Андрей Козырев обвиняется в том, что был министром иностранных дел // Деловые люди. 1995. № 61.
19. Личный рабочий архив.
20. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 7 сентября.
21. Стенограмма пресс-конференции Б.Ельцина. 1995, 8 сентября.
22. Сводки Интерфакса, 1995, 8 сентября.

- 23 Обзор откликов СМИ на пресс-конференцию Б.Ельцина от 8 сентября 1995 г. Материалы пресс-службы Президента РФ.
24. Цит. по: сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 20 сентября.
25. Сводки Интерфакса, 1995, 8 сентября.
26. Там же, 1995, 12 сентября.
27. Стенограмма заседаний Государственной Думы. Бюллетень № 125. 1995, 9 сентября. С. 7, 9, 28.
28. Личный рабочий архив.
29. Стенограмма заседаний Государственной Думы. Бюллетень № 125. 1995, 9 сентября. С. 17.
30. Козырев А. Указ. Соч. С. 129.
31. Максимычев И. Бесцеремонность силы и стыд бессилия // Комсомольская правда, 1995, 4 октября.
32. Абарин В. Россия требует немедленно прекратить военную операцию в Боснии // Сегодня, 1995, 13 сентября.
33. Сводки Интерфакса, 1995, 14 сентября.
34. Надеин В. Личный посланник Клинтона спешит в Москву // Известия, 1995, 14 сентября.
35. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 12 и 15 сентября.
36. Караджич Р. — Ельцину Б. 1995, 17 сентября.
37. Батурин Ю. — Ельцину Б. 1995, 19 сентября.
38. Личный рабочий архив.
39. Сводки Интерфакса, 1995, 20 сентября.
40. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 21 сентября; сводки Постфактума, 1995, 21 сентября.
41. Сводки Интрефакса, 1995, 25 сентября.
42. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 12 октября.
43. Личный рабочий архив.
44. Сводки Постфактума, 1995, 3 октября.
45. Ельцин Б. — Милошевичу С.; Изетбеговичу А. 1995, 4 октября.
46. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 5 октября.
47. Сводки Интерфакса, 1995, 7 сентября.
48. Никифоров К. — Иванову Г. 1995, 16 октября.
49. Проект выступление Б.Ельцина на Совете безопасности России. 1995, 18 марта // Личный рабочий архив.
50. Стенограмма встречи президента РФ с российскими и американскими журналистами. 1995, 19 октября.
51. Снимет ли Козырев ботинок? // Вечерняя Москва, 1995, 21 октября.

52. Волков Д. Интерфакс и Андрей Козырев обвинили радио «Свобода» во лжи // Сегодня, 1995, 27 октября.

53. Выступление Б.Ельцина на ГА ООН. 1995, 22 октября.

54. Зинин М. «Можно работать, как обычно» // Независимая газета, 1995, 28 октября.

55. К беседе В.Черномырдина с С.Милошевичем. 1995, 30 октября // Личный рабочий архив.

Глава VIII

Дейтон

1 ноября 1995 г. на американской авиабазе Райт-Паттерсон близ города Дейтон, штат Огайо, начались долгожданные переговоры по боснийскому урегулированию. На церемонию их открытия собрались президенты Сербии С.Милошевич, Хорватии — Ф.Туджман и Боснии — А.Изетбегович, официальные представители стран-членов контактной группы, а также три сопредседателя Р.Холбрук от США, И.Иванов от России и один из международных посредников К.Бильдт. После этого участники переговорного процесса разбрелись по своим домикам, где им предстояло изучать пакет документов, подготовленный американскими дипломатами(1).

Всего было пять скромных двухэтажных домиков. Один из них занимал Ф.Туджман со своим штабом и ближайшими помощниками — министрами иностранных дел М.Граничем и обороны Г.Шушаком. Хорватская делегация была единственной, в которой царило полное единоначалие. Это подчеркивало и то, что вокруг хорватского президента всегда в большом количестве находились военные ассистенты, офицеры службы безопасности, работники протокола и т.п.

Во втором домике разместился С.Милошевич, его помощник Г.Милинович, сербский министр иностранных дел М.Милутинович и президент Черногории М.Булатович. Там же находилась боснийско-сербская часть делегации — М.Краишник, Н.Колевич и А.Буха. Но жили боснийские сербы обособленно, и, по словам очевидцев, Милошевич относился к ним, как к пасынкам. Доходило до того, что представители Республики Сербской украдкой обращались к международным посредникам с просьбой воспользоваться их факсом. В «своем» домике сделать это боснийским сербам было, по-видимому, затруднительно.

В третьем домике жили А.Изетбегович, его премьер-министр Х.Силайджич и министр иностранных дел М.Шачирбегович, лидер боснийских хорватов К.Зубак и вся разношерстная деле-

гация Мусульманско-хорватской федерации. На первом этаже четвертого домика находилась американская делегация во главе с Р.Холбруком и на втором — делегация ЕС во главе с К.Бильдтом. Наконец, в стоявшем чуть поодаль пятом домике разместили представителей стран контактной группы — Великобритании, Германии, Франции и России.

Обстановка в этих домиках была спартанской. Члены делегаций жили в скромных офицерских комнатах, похожих на комнаты студенческого общежития. Все было одинаковым и казенным, даже полотенца. Работа продолжалась с 7 утра до 11 вечера. Американцы во главе с Р.Холбруком работали еще напряженнее. Каждый день с 11 вечера до 1 часа ночи они проводили анализ прошедшего дня и разрабатывали план на день следующий.

Про самого Р.Холбрука рассказывали, что он отказался от традиционной роли посредника, чья задача согласовывать разные позиции. Он нахраписто навязывал свою точку зрения и все время «пришпоривал» весь процесс: «Вперед, вперед!»(2) Это дало повод С.Милошевичу даже переименовать его из Дика (от Ричарда) в «дик-татора»(3). На Холбрука жаловался в американский госдепартамент и сопредседатель-посредник от России И.Иванов: «Так продолжаться не может. С нами здесь обращаются, как со скотом. Холбрук — просто беда, он выгоняет нас из комнат, он не дает нам карт. С этим маньяком никто не будет иметь дела»(4).

Что же это был за человек, которому предстояло сыграть в Дейтоне главную роль? Р.Холбрук вырос в семье еврейских эмигрантов. Его отец был выходцем из России, а мать — из Германии. К тому времени Холбрук был женат уже третьим браком на писательнице Кэти Мэртон. Он был карьерным дипломатом, попавшим на самый верх власти благодаря протекции вице-президента США А.Гора. В госдепартаменте Холбрук считался непревзойденным «траблшутером», то есть в буквальном переводе с английского — «аварийным мастером», специалистом по улаживанию самых тяжелых, конфликтных ситуаций. Способ их разрешения был, правда, довольно специфичным. Он мог, по словам, «Нью-Йорк-таймс», «обвести и обольстить, облефовать и отпихнуть любого игрока за столом переговоров». В то же время это был одиночка, который никогда не умел работать в коллективе. Недруги прозвали его за неуживчивый характер «Разъяренным быком» или «Черной дырой». Одновременно обворожительный и грубый, способный делать сразу несколько дел, сут-

ками не смыкая глаз, он не скрывал, что еще во время первого посещения Сараево в конце 1992 г. был на стороне мусульман и выступал за бомбардировки Республики Сербской(5).

Уже первые сообщения из США показывали, что давление на боснийских сербов не прекратилось и продолжается за столом мирных переговоров. Так, госсекретарь США У.Кристофер заявил, что НАТО вряд ли согласится принять участие в реализации какого-либо плана по Боснии, если он будет предусматривать сохранение у власти Республики Сербской «военных преступников» — президента Р.Караджича и командующего армией Р.Младича. «Позиция госсекретаря совпадает с позицией американского правительства» — тут же подтвердил официальный представитель госдепартамента Н.Бернс. Позже он заявил, что вопрос о Караджиче и Младиче — один из самых важных на переговорах(6).

У.Кристоферу ответил из Пале министр информации Республики Сербской, писатель М.Тохоль: «Это и им подобные заявления — прежде всего часть ночных кошмаров их авторов, а не результат серьезной государственной политики... Господин Кристофер забыл несколько весьма важных вещей. Прежде всего, американских военнослужащих не звали в Республику Сербскую и, судя по всему, здесь им не будет оказано гостеприимство. Затем, как могут те, которых не звали, ставить какие-то условия своего прихода. РС — не Гаити, чтобы ее руководство приводило к власти американские вооруженные силы, как это случилось на том острове. И, наконец, демократию, о которой говорит Кристофер, сербский народ знал еще до открытия Америки. Сербский народ до этой войны сам формировал свое руководство, а потому сам будет решать подобные вопросы и после ее окончания»(7).

Вскоре из Дейтона стала приходиться информация, что С.Милошевич, хотя и недоволен мусульманским уклоном в американской политике, тем не менее уже практически сдался. Так, он согласился, чтобы Восточная Славония без предоставления ей даже минимальных автономных прав была возвращена Хорватии, а также с требованием американцев о том, что ни Караджичу, ни Младичу не будет предоставлено право занять высокие посты или участвовать в выборах в новой послевоенной Боснии(8). Через полгода после Дейтона член европейской комиссии, отвечавший за вопросы внешней политики и политики

безопасности ЕС Ханс ван ден Брук, выступая в Вашингтоне, заявил, что в ходе выработки мирных соглашений между С.Милошевичем и международной контактной группой была заключена тайная договоренность, в соответствии с которой официальный Белград должен был предпринять действия по смещению со своих постов Р.Караджича и Р.Младича(9).

Параллельно с давлением в Дейтоне генеральный прокурор Международного трибунала для бывшей Югославии в Гааге американец Р.Голдстоун «очень вовремя» выдал еще один ордер на арест лидеров боснийских сербов за преступления, совершенные якобы по их приказу в Сребренице. Первое обвинение было выдвинуто раньше за совокупность всех действий за годы войны. Всего же на тот период Трибунал в Гааге выдал ордена на арест по обвинению в совершении военных преступлений 54 боснийских сербов, 7 боснийских хорватов и 1 боснийского мусульманина.

Кстати, позже, уходя в отставку, Р.Голдстоун поменял свое мнение и заявил, что в боснийской войне «все виноваты одинаково», а хорваты свирепствовали на занятых территориях не меньше сербов(10). Характерно, что Голдстоун не был исключением. Многие участвовавшие в боснийском урегулировании посредники затем каялись в односторонней антисербской позиции. Но прозрение к международным чиновникам всегда приходило только после оставления ими занимаемой должности.

Тем временем, параллельно с переговорами в Дейтоне П.Грачев и У.Перри в целом согласовали и одобрили общий план операции многонациональных сил по выполнению мирного соглашения в Боснии. Согласно договоренностям, российская бригада в составе двух-трех батальонов должна была участвовать в операции самостоятельно, но в географической зоне ответственности американской дивизии и под тактическим контролем командира американской дивизии. Оперативные задачи российской бригае верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и главнокомандующий операцией многонациональных сил в Боснии генерал Дж. Джоулан должен был ставить не непосредственно, а через своего специального заместителя по российскому контингенту, которым был вскоре назначен генерал Л.Шевцов.

Единственный вопрос, который остался нерешенным, был вопрос политического контроля над операцией. НАТО предлага-

ла, чтобы контроль осуществлял ее Совет, а П.Грачев — разные варианты: от контроля со стороны ООН до создания специального международного политического совета. Но главное от чего американцы отказывались наотрез, так это от системы «двойного ключа».

В целом в ходе переговоров Россия в какой-то степени сохраняла свое лицо и свое присутствие в Боснии. Но не более того. Особенно досадным было то, что российские войска как бы овящали своим присутствием близкую к оккупационной деятельность НАТО. Но был и положительный момент. П.Грачев и У.Перри договорились, что российские миротворцы будут действовать в Посавинском коридоре. Присутствие в самом стратегически важном месте Боснии резко повышало роль немногочисленного по составу контингента(11).

Тогда же А.Козырев заявил, что Россия выступит с новыми инициативами и по политическому, и по военному аспекту мирного урегулирования в бывшей Югославии, так как такую задачу поставил ему президент. И действительно вскоре министерством иностранных дел была подготовлена записка Б.Ельцину «О нашей линии в боснийском урегулировании». Она была несколько отредактирована министерством обороны, но в целом суть от этого не изменилась.

Много места в записке, несмотря на название, уделялось Восточной Славонии и поддержке соглашения Милошевич-Туджман, то есть фактической сдаче последнего осколка бывшей Республики Сербская Краина. «Что касается участия России в операции в БиГ, то ... нам удалось фактически навязать США и НАТО нашу активную роль, что позволяет России сохранить свое влияние на процесс урегулирования в Боснии». (Вот и понимай после этого, кто кому навязывал свою роль. — К.Н.). Далее говорилось о политическом руководстве операцией в Боснии и предлагался «компромиссный» вариант:

1. Операция проводится по специальному мандату Совета Безопасности и под эгидой ООН. Назначается высокий представитель ООН в Боснии и Герцеговине для осуществления политического контроля за ходом осуществления Соглашения по военным аспектам и за соответствием хода военной операции мандату Совета Безопасности.

2. Этот мандат однозначно определяет военно-политические цели, способы, сроки и правила проведения операции. Мандат

допускает возможность ... силового принуждения конфликтующих сторон к соблюдению Соглашения. Вместе с тем, в нем четко оговаривается процедура принятия решения на применение подобных мер...

3. Мандат на проведение новой операции выдается не НАТО, а коалиции государств, согласных выделить свои контингенты, оговаривая, что для управления задействованными в операции контингентами может использоваться военная структура НАТО.

4. В этом случае Совет Безопасности ООН наделяет ГК ВС США в Европе генерала Джоулвана полномочиями верховного руководителя (верховного главнокомандующего) многонациональными силами в Боснии и Герцеговине.

Мандат должен предусматривать, что при верховном главнокомандующем многонациональными силами в БиГ учреждаются должности первых заместителей по российскому контингенту...

5. Мандат предусматривает, что международный орган политического контроля над операцией разворачивается на базе Совета НАТО.

Однако это должен быть специальный, целевой состав Совета НАТО с участием полномочного представителя России, предназначенный только для решения вопросов, связанных с конкретной боснийской операцией.

Целевой состав Совета НАТО решает на основе консенсуса все вопросы, касающиеся:

- участия российского контингента в операции и
- применения мер силового принуждения в зоне ответственности российского контингента...

Полагаем возможным дать согласие на резолюцию СБ ООН только в том случае, если в мандате многонациональных сил будет четко зафиксировано наше равноправное участие в операции...»(12).

Главной в этой записке был пункт № 5, так как по другим вопросам П.Грачев и У.Перри уже фактически договорились. И после появления этого пункта, стало ясно, что российское руководство сдалось и отдало политическое руководство операцией Совету НАТО. И сербам стало понятно, что, если Россия отступила, то и им не на что рассчитывать. И стало очевидным, что голос России не будет учитываться или вернее будет как-то учитываться только в небольшой зоне действия российского кон-

тингента. Правда, повторимся, это зона была определена в Посавинском коридоре, который имел огромное стратегическое значение.

Любопытно, что А.Козырев, готовя такие документы, одновременно публично от них отрекся. Так, всего через несколько дней он заявил, что МИД РФ «не в курсе содержания тех позиций и тех предложений, с которыми выступает министр обороны РФ Павел Грачев на переговорах с НАТО» по вопросу о формах участия российских военнослужащих в будущей миротворческой операции в Боснии. Глава МИДа отметил, что П.Грачев, «судя по сообщениям печати, напрямую докладывает президенту Борису Ельцину», что в данном случае «внешнеполитическому ведомству не поручалась координирующая роль, и вообще мнение МИДа не запрашивалось» (13).

П.Грачев принял участие в возникшей пикировке. Он заявил, что все проблемы, связанные с политикой по отношению к НАТО и вопросами участия России в урегулировании боснийского кризиса, решались и решаются по согласованию с руководством МИДа, при непосредственном участии заместителей министра иностранных дел и российских послов тех стран, где проходили переговоры (14).

Скандалную перебранку двух министров прокомментировала пресса. По источникам из администрации президента, она восстановила картину произошедшего. П.Грачев подготовил текст своего выступления на заседании Совета НАТО и представил его президенту. А дальше работа над материалами шла коллегиально. Текст «готовился в основном в Кремле усилиями помощников президента по международным делам Дмитрия Рюрика и по национальной безопасности Юрия Батурина, которые в значительной степени способствовали организации межведомственного обсуждения... Если министр иностранных дел не знал о происходящем, да еще притом, что в решении проблемы участвовали его заместители, главы департаментов, — это еще раз говорит о полной дезорганизации работы в МИДе» (15).

После этого и А.Козырев опроверг утверждения об имевшихся разногласиях между ним и П.Грачевым. По его словам, внешнеполитическое ведомство и министерство обороны «делают одно дело, а президент России утверждает предлагаемые ими решения» (16).

В то время, пока шли переговоры в Дейтоне, произошел еще один любопытный эпизод, о котором, наверное, уместно здесь рассказать. Осень 1995 г. выдалась в Югославии холодной, а в условиях санкций это было чревато очень тяжелыми последствиями. Еще в середине октября югославский премьер-министр Р.Контич направил письмо В.Черномырдину с просьбой предпринять необходимые шаги, чтобы получить согласие комитета ООН по санкциям и поставить в Югославию 1,3 млрд. кубометров российского природного газа. В письме говорилось, что Югославия сама «не в силах справиться с нынешней огромной гуманитарной трагедией». Природный газ был необходим для обогрева домов, больниц, школ, зданий, в которых размещались сотни тысяч беженцев из Сербской Краины и Боснии, а также для производства продуктов питания, медикаментов и для других гуманитарных целей(17).

Уже из Дейтона С.Милошевич обращался с просьбой к мировому сообществу разрешить возобновление поставок его стране российского газа, сделав, таким образом, исключение из режима международных санкций. Международное сообщество вроде бы на этот раз не возражало, но дальше разговоров вокруг да около дело не шло. Российская компания «Газпром» тоже так просто не могла начать отпускать свой газ без команды сверху и гарантий оплаты со стороны государства.

В те дни мне позвонили из югославского посольства и рассказали, что в Москву приехал вице-премьер Югославии Н.Шаинович с заданием от С.Милошевича не возвращаться домой, пока вопрос с газом не будет решен. Причем Шаинович приехал без всякой предварительной договоренности, без запланированных встреч с членами российского правительства и т.д. Пришлось, как это часто случалось, действовать не по протоколу. Мне очень помог еще один мой друг, помощник президента по экономическим вопросам А.Лившиц. Когда он узнал, что в Сербии мерзнут дети, то сразу отложил все дела и согласился принять у себя югославскую делегацию. А после беседы с Шаиновичем практически в тот же день сумел добиться принятия решения о начале поставок газа.

Но вернемся в Дейтон. Переговорный процесс там шел полным ходом. Все вопросы были уже согласованы, кроме карты территориального разграничения. В этом вопросе продвижения почти не было. Даже американские дипломаты, по просачивав-

шимся сведениям, были готовы смириться с поражением. И вдруг 21 ноября трехнедельный изматывающий марафон завершился. Стороны согласились парафировать 100 с лишним страниц мирного соглашения, включавшего 4-х страничное рамочное соглашение, 11 приложений и более 100 карт. Причем еще за 15 минут до процедуры парафирования агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало, что мирные переговоры по Боснии зашли в тупик(18). Говорят, что все решил телефонный звонок Б.Клинтона в Загреб, куда все-таки удалось «отпроситься на минутку» хорватскому президенту. О чем они говорили, не известно. Но после этого звонка Ф.Туджман согласился подписать мирные соглашения вдвоем с С.Милошевичем, даже если мусульмане будут не согласны. «Именно на этом и сломался Изетбегович», который побоялся остаться в одиночестве(19).

По Дейтонским договоренностям формально единая Босния делилась на два равноправных государственных образования — Республику Сербскую (49% территории) и Федерацию Боснию и Герцеговину, как официально называлась Мусульманско-хорватская федерация, (51%). Причем эти образования могли вступать в особые отношения (слово «конфедеративные» в тексте соглашения не употреблялось. — К.Н.) с соседями — соответственно с Югославией и Хорватией. Образование Герцег-Босна упразднилось, хотя боснийские хорваты и пытались протестовать против этого. Их лидер К.Зубак даже отказался подписать мирные соглашения, что впрочем, как и в случае с протестами боснийских сербов, не имело никакого значения.

Над двумя гособразованиями создавалась строго ограниченная в своих полномочиях «надстройка» — состоящий из трех членов (серба, мусульманина и хорвата) Президиум Боснии и Герцеговины, решения которого принимаются на основе консенсуса, а также общий двухпалатный парламент. Палата национальностей состоит из 15 депутатов, которые делегируются парламентами гособразований по принципу: 1/3 — от Республики Сербской и 2/3 — поровну от каждой части Федерации мусульман и хорватов. Палата представителей состоит из 42 депутатов, которые избираются по тому же принципу: 1/3 от РС и 2/3 от Федерации. Для утверждения решений парламента также требуется согласие депутатов от каждой из трех сторон.

Кроме нескольких центральных министерств (иностраннных дел, внешнеэкономических сношений, финансов, юстиции и по

делам беженцев), все остальные вопросы отнесены к ведению Республики Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины. Каждое гособразование имеет президента и парламент, формирует правительство, обладает собственными вооруженными силами, самостоятельно решает все внутренние вопросы. Таким образом, можно было сказать, что, отказавшись от реанимации мертворожденного государства, международные посредники превратили его в государство-фантом, государство-призрак, не в Боснию, а в «дейтонскую Боснию».

Линия территориального разграничения по Дейтонским соглашениям почти совпала с реальным положением фронтов. На Западе Боснии сербы даже получили назад два небольших городка — Мркониц-Град и Шипово. Однако все другие изменения были для боснийских сербов крайне болезненными и ставили их в очень тяжелое положение.

Во-первых, мусульманам передавалось все Сараево, включая и его сербскую часть — пять пригородных районов: Вогошча, Илиаш, Хаджичи, Илиджа и Грбавица. Отдавалось не за Грражде или за что-то еще, а просто так. Более того, от Сараево до Грражде через сербские территории пробивался специальный мусульманский коридор. Вследствие этого восточная часть Республики Сербской получала крайне невыгодную конфигурацию с выходом мусульман к Дрине, еще немного и она распадалась бы на две части.

Внешне как будто благородная идея единого Сараево, которую всегда поддерживал российский МИД, являлась явным анахронизмом после согласия мирового сообщества на развал Югославии, а затем и фактически — Боснии. Причем, в отличие от Сараево, мировые посредники в Дейтоне спокойно разделили де-факто крупнейший город Герцеговины Мостар между хорватами и мусульманами в рамках их общей Федерации. Даже командующий миротворческими силами ООН в Сараево французский генерал Ж.-Р.Башле заявил, что Дейтонские соглашения о мирном урегулировании в Боснии предоставляют сараевским сербам выбор «между гробом и чемоданом», за что и был немедленно отозван своим руководством в Париж. Тем не менее Башле поддержали еще два француза — командующий силами ООН в Боснии генерал Б.Жанвье и генерал Б. де Лапрель — военный советник К.Бильдта. Президент Франции Ж.Ширак в послании к Б.Клинтону также выразил сожаление по поводу сараевского пункта Дейтонских соглашений(20).

Вместо решения проблем беженцев и других вопросов этот пункт соглашений породил новую гуманитарную трагедию — исход из сербского Сараево около 150 тыс. человек. Это была этническая чистка, порожденная уже самим Дейтоном. Мусульманская власть выступила с угрозами, что как только сербские кварталы перейдут под ее юрисдикцию, многие их жители должны быть готовы понести «ответственность по закону», а студенты и школьники, которые участвовали в акциях протеста, «могут столкнуться с проблемами в продолжении обучения»(21). Не дожидаясь репрессий, сербы ушли. Весь мир облетели тогда страшные кадры сербского исхода. Ж.-Р.Башле немного ошибся. Уходили не только живые, но и мертвые. Выбора не было даже «между гробом и чемоданом». Сараевские сербы выкапывали гробы своих близких и увозили их с собой на новое место.

До войны Сараево занимало второе место после Белграда по численности сербского населения. Теперь его покинули не только сербы, но и большинство хорватов. Фактически город стал чисто мусульманским. Причем финансовая помощь Запада оказывалась не покинувшим город сербам, а переселившимся в сербскую часть Сараево 6,5 тыс. мусульман.

Во-вторых, в Дейтоне так и не была решена важнейшая проблема Посавинского коридора. Он хоть и оставался под контролем боснийских сербов, но его дальнейшая судьба была передана на рассмотрение международного арбитража. Такого органа в мире не существовало, и на каких принципах он будет утвержден — также было неясно. Впрочем, в любом случае в его объективность и беспристрастность после предыдущего опыта миротворчества верилось с трудом. А проблема Посавины была чуть ли единственной, которая могла вызвать новую войну. С.Милошевич не стал настаивать на достигнутых ранее с хорватами и мусульманами договоренностях о расширении этого коридора с 4 до 20 км. А это требование боснийских сербов было, помимо всего прочего, вызвано и тем, что такая ширина требуется по международным правилам для прокладывания воздушных маршрутов. В противном случае терял свое значение их практически единственный аэродром в Баня-Луке.

В-третьих, боснийские сербы так и не получили выхода к морю южнее Дубровника. Одновременно этим решался бы вопрос передачи сербам и черногорцам полуострова Превлаки, заправшего выход из Которского залива и мешавшего нормаль-

ному функционированию крупнейшей базы югославского ВМФ. Хотя Милошевич устно и договорился об этом с Туджманом (предполагался обмен участка территории Хорватии на участок территории в сербской Герцеговине в районе Попова поля), на бумаге ничего зафиксировано не было. А позже Туджман спокойно взял свои слова назад.

Все невыгодные для боснийских сербов территориальные изменения произошли в самый последний момент. Председатель парламента Республики Сербской М.Краишник рассказывал, что новые карты разграничения были предоставлены им буквально за 10 минут до подписания документов. И хотя боснийские сербы возражали, они не смогли воспрепятствовать подписанию этих карт С.Милошевичем(22). Один из российских экспертов, принимавших участие в мирных переговорах, косвенно это подтвердил. Он сообщил, что делегация России также узнала, например, о передаче сербских районов Сараево под контроль мусульманско-хорватских властей только за 15 минут до церемонии парафирования(23). К слову сказать, сообщение эксперта хорошо иллюстрирует слова руководителей МИДа о «ведущей роли» России в процессе мирного урегулирования.

Крайне болезненным для боснийских сербов было и то, что их лидеры Р.Караджич и Р.Младич должны были, согласно договоренностям, оставить свои посты и предстать перед Международным трибуналом в Гааге. Этот вопрос, не принципиальный с точки зрения общего урегулирования, вызвал у организаторов переговорного процесса особое рвение. Кроме желания максимально ослабить боснийских сербов, это сильно походило и на банальную месть. Принцип презумпции невиновности был в одночасье отброшен. Многие американские и международные функционеры до всякого суда публично заявляли, что лидеры боснийских сербов — главные преступники.

Сам Р.Младич заявил, что «Трибунал в Гааге — это не суд закона и справедливости, а суд политический. Мне нечего его бояться, поскольку в ходе войны в Боснии делом моей чести, моим долгом и обязанностью как солдата было защищать свой народ, на который напал враг и — при одобрении ООН — вооруженные силы мирового сообщества». Отвечая на вопрос, что он будет делать, если его попробуют арестовать войска НАТО, Младич усмехнулся: «Пусть попробуют. Вместе потом увидим, что из этого получится»(24).

Россия также согласилась с уходом лидеров боснийских сербов с политической сцены (на Лионском саммите «восьмерки»), но была против их передачи Гаагскому трибуналу. Она даже безрезультатно обращалась в Гаагу с просьбой заморозить юридические процедуры по осуждению Р.Караджича и Р.Младича, «еще раз всесторонне, взвешенно, с учетом всех фактов рассмотреть эту проблему»(25).

Одно время после Дейтона вопрос ухода со своих постов Р.Караджича и Р.Младича стал чуть ли главным в боснийском урегулировании. К требованиям Запада присоединился и С.Милошевич, который даже пригрозил боснийским сербам новой блокадой. Это обещание «выжал» из него все тот же неугомонный Р.Холбрук, заявивший в интервью, что, конечно, нельзя сказать, что они с югославским лидером союзники. Но Милошевич не любит боснийских сербов, особенно Караджича. «Вот на этом мы и сошлись, — отметил американский эмиссар. — Поэтому у нас хорошее сотрудничество»(26).

Наконец, Караджич под беспрецедентным давлением со всех сторон передал полномочия президента Республики Сербской своему заместителю Биляне Плавшич. Он также «в интересах своего народа» отказался баллотироваться на пост президента Республики Сербской на второй срок.

Позже покинул свой пост и Р.Младич. Мы виделись с ним буквально накануне его отставки в конце октября 1996 г. Генерал встретил нас в своем бункере в Хан-Песаке. Выглядел он усталым и постаревшим. Но в разговоре бодрился, называл себя «начальником караула на западной границе православия, говорил, что обвинения НАТО только делают ему честь». В конце беседы легендарный сербский генерал подарил для Б.Ельцина, готовившегося тогда к операции на сердце, банку меда с собственной пасеки. Младич на наших глазах попробовал этот мед, а затем вывел на баночной этикетке: «Президенту Ельцину, чтобы у него выздоровели сердце и душа».

Исходя из Дейтонских договоренностей, Совет безопасности ООН принял две резолюции: приостановил санкции против Югославии и отменил эмбарго на поставки вооружений в бывшую Югославию. После отведения вооруженных сил боснийских сторон в зоны разъединения санкции должны были приостанавливаться и в отношении Республики Сербской. На 10-ый день после проведения «свободных и справедливых выборов» в Боснии санкции с сербов должны были полностью сниматься.

Сами американцы не скрывали того, что вторая резолюция — отмена эмбарго вместе с так называемым «стабилизационным соглашением» — была прямо направлена на разоружение сербов и вооружение хорватов и мусульман. «Потолки» для определенных видов тяжелого вооружения устанавливались таким образом, чтобы боснийские сербы сокращали, например, свои танки на 350 штук, а хорваты и мусульмане, наоборот, могли импортировать их в примерно таком же количестве. Вместо разоружения обеих сторон в конфликте происходило разоружение одной, а вторая — еще больше вооружалась.

Наш представитель в СБ ООН С.Лавров при голосовании воздержался, оправдываясь тем, что обе резолюции представляли собой неразрывный пакет и иначе не было бы подвижки в вопросе о санкциях. Но факт оставался фактом. В одночасье и без серьезных консультаций была отброшена принципиальная позиция России, которая все четыре года конфликта выступала за сохранение военного эмбарго. Кстати, это требование всегда поддерживала и европейская дипломатия.

Наконец, под давлением американцев переговаривавшиеся стороны согласились на натовскую военную операцию по реализации мирного соглашения. Резко выступили против этого только входившие в объединенную сербскую делегацию боснийские сербы. Все три члена делегации от Республики Сербской голосовали «против», а другие три члена от Югославии — «за». Главным оказался голос С.Милошевича. Решив вопрос единолично, он потом жаловался в Белграде на пассивность России, которая заранее-де отдала всю операцию на откуп Североатлантическому альянсу. Впервые в истории НАТО вытеснила и подменила собой миротворческие силы ООН, хотя первоначально была приглашена, чтобы им помочь. Как кукушонок, выкинула из гнезда находившихся в нем птенцов.

Как упоминалось, назвать мероприятие, проходившее в Дейтоне, переговорами — трудно. Это было откровенное навязывание уже готовых решений с позиции силы. А на боснийских сербов оказывала еще дополнительное давление югославская часть делегации. Рассказывая об обстановке, царившей в Дейтоне, министр иностранных дел Республики Сербской А.Буха, человек интеллигентный и исключительно честный, не пожалел эпитетов. По его словам, «человеческая ложь, преднамеренное вранье, метод свершившегося факта и узаконенного обмана, а так-

же хитрость, притворство, вероломность, шантаж ... эти традиционно лицемерные моменты политики были вброшены в игру под лозунгом правды и справедливости и одновременно была очевидная угроза применения грубой силы. Хуже этих угроз было намерение посредников представить нас дураками, которые должны поверить в их ложь и обман»(27).

Чуть позже, в интервью телекомпании Эн-Би-Си «архитектор» Дейтонских договоренностей Р.Холбрук, касаясь недовольства боснийских сербов невыполнением ни одного из выдвинутых ими условий, цинично заметил: «Мы это предвидели. Однако президент Сербии Слободан Милошевич обещал, что боснийские сербы не будут нарушать мирное соглашение, и США ожидают, что он сдержит свое слово»(28). Так оно и вышло. После 3-х дневного давления со стороны С.Милошевича боснийские сербы согласились принять мирный план.

С 8 по 9 декабря в Лондоне состоялась конференция по реализации Дейтонских соглашений. На ней было решено вместо учрежденной еще в 1992 г. Международной мирной конференции по бывшей Югославии создать Совет по выполнению мирного соглашения. В рамках Совета образовывался Постоянный рабочий комитет во главе с Верховным представителем для осуществления гражданских аспектов мирного соглашения К.Бильдтом. На ОБСЕ была возложена задача по организации в Боснии свободных выборов. Наконец, 14 декабря парафированные в Дейтоне мирные соглашения были подписаны в Париже.

На наш взгляд, несмотря на крупные недостатки, Дейтонские соглашения все же выполнили свою главную задачу. Во-первых, они остановили войну, которая была самой разрушительной в Европе за последние полвека. Война в Боснии унесла более 200 тысяч человеческих жизней. Погибло и более 200 человек из числа миротворческих сил ООН или различных гуманитарных организаций. Из 4,5 миллионов жителей этой довоенной югославской республики более 2 миллионов покинули свои дома. Из восточной части Боснии было изгнано около 800 тыс. мусульман, из ее западной и центральной части — около 600 тыс. сербов и из той же центральной части — около 300 тыс. хорватов.

Около половины беженцев покинуло Боснию. Другая половина переселилась на территории, контролировавшиеся соотечественниками. Фактически и Республика Сербская, и обе части мусульманско-хорватского образования стали национально од-

народными. В Республике Сербской представителей несербской национальности осталось не более 10%. Мусульмане на контролируемых ими землях также составляли 80-85% населения. И, наконец, в хорватской части Федерации проживало около 98% хорватов. Полностью изменилась этническая карта не только Боснии, но и Хорватии, которую покинуло 500 тыс. сербов. Фактически она также стала моноэтническим государством, в котором проживает не более 4% жителей, принадлежащих к национальным меньшинствам(29).

Во-вторых, Дейтонские соглашения создали уникальную и не самую худшую в тех условиях модель государственного устройства. Решив все другие спорные моменты в ущерб сербам, американцы оставили все же без изменения основу конституционной конструкции — деление Боснии на два равноправных образования. Причем это была не федерация и даже не конфедерация, а что-то еще более аморфное. Примерно так и оценили Дейтон лидеры боснийских сербов. Р.Караджич подчеркнул, что, с точки зрения территориального разграничения, были несправедливо решены вопросы принадлежности западных областей Боснии, Посавинского коридора и передачи сербских кварталов Сараево под мусульманский контроль. Однако, «с политической точки зрения, Република Сербская получила полную самостоятельность, оставаясь в то же время в какой-то Унии»(30).

Некоторые аналитики были недовольны Дейтоном именно в связи с этим. По их мнению, следовало провести нечто подобное «денацификации Германии», а «не придавать легитимность свершившемуся этническому разделу». Они считали, что была возможность возвращения Боснии «к добрососедскому межнациональному общению». Ведь даже после зверств второй мировой войны «режиму И.Броз-Тито удалось, жестоко подавив и поставив вне закона национализм, добиться нормализации межнациональных отношений»(31). Однако эти авторы забывали, что Тито действовал в рамках «большой» Югославии. Ее развал коренным образом изменил всю ситуацию.

Кроме двух равных гособразований, в Боснии еще было три равных народа. Разобраться во всем этом было сложно. По мнению М.Крайшника, Республика Сербская и Мусульманско-хорватская федерация получали по 80% полномочий и 20% — оставалось в ведении центральной власти. Но эти 20% в свою очередь делились на три общины — примерно по 7% получала каждая из них. Поэтому, считал он, боснийские сербы получали 87% прав(32).

Конечно, дейтонская модель была переходной. Она отражала компромисс как между сербами, хорватами и мусульманами, так и между членами контактной группы. Модель — нежизненная, неустойчивая и хрупкая. От дейтонской Боснии теоретически было возможно движение как в сторону большего унитаризма, так и в сторону усиления центробежных сил, вплоть до распада дуалистического государства. Причем первая тенденция продавливается исключительно с помощью военной силы, а вторая — имманентно присуща дейтонской Боснии. Это доказывало и то, что самые серьезные проблемы после заключения Дейтонских соглашений стали возникать не между боснийскими сербами и мусульманами, а между мусульманами и хорватами в рамках их Федерации.

Дейтонская Босния — чисто вынужденное сожительство трех народов. Фактически Босния вновь повторила свою печальную судьбу и во многом превратилась в «подмандатную» территорию. Иначе она, по-видимому, и не могла существовать. Элементы этого были заложены уже в Конституцию дейтонской Боснии. В общем Конституционном Суде было по два представителя от каждой общины, а трое — иностранцы, которые назначались председателем Европейского суда по правам человека. Главой Центрального Банка был тоже иностранец, назначаемый Международным валютным фондом. Иностранцы занимали ключевые посты в Палате по правам человека, Комиссии по делам беженцев и т.д. Флаг, паспорт, номерные знаки для автомобилей придумала ООН.

Еще более «подмандатной» территорией Босния стала, когда туда уже по решению Совета Безопасности ООН были введены войска НАТО. В их задачу входило патрулирование 4-х километрового «коридора безопасности» между сторонами конфликта. Однако они имели полную свободу передвижения по всей Боснии. СБ ООН признал право сил по выполнению соглашения во главе с НАТО «предпринимать все необходимые шаги в целях своей обороны от нападения или угрозы нападения». Впервые после своего образования в 1949 г. НАТО начала широкомасштабную кампанию на суше с участием 60 тысяч солдат. Самый большой контингент был американский — около 20 тыс. человек.

Первоначально объявлялось, что срок операции НАТО — всего один год. Б.Клинтон неоднократно повторял, что американ-

ские войска, которые будут в ней участвовать, будут выведены по окончании этого срока, вне зависимости от того, установится ли в Боснии прочный мир. Это будет сделано даже в том случае, если будет существовать угроза возобновления военных действий. «Если мы останемся там на период более чем в один год, — говорил американский президент, — то нас быстро начнут рассматривать как оккупационную силу»(33). Однако было ясно, что заверения Клинтона были, говоря словами Козырева, «для внутреннего пользования», для того, чтобы парламентарии не чинили препятствий отправке американских войск. Об этом говорило и то, что аэродром Тузла, например, был арендован натовскими войсками сразу на 15 лет.

Решилась и судьба российского контингента. В Боснию была отправлена российская группа из 12 офицеров во главе с генералом Н. Стаськовым, которая на местности, в Посавинском коридоре определила конкретные пункты размещения десантной бригады. Однако одновременно стали приходить тревожные известия о возможном изменении места ее дислокации. В частности, А. Демуренко сообщил из Сараево, что некоторыми командными структурами НАТО предпринимаются «попытки отодвинуть» российскую бригаду к востоку — подальше от города Брчко, поближе к боснийско-югославской границе. Российский офицер делал справедливый вывод, что, если это произойдет, то участие России в операции по выполнению соглашения утрачивает смысл. «Наш миротворческий контингент окажется в боснийском «медвежьем углу», а его роль в операции станет декоративной»(34).

К сожалению, эти вести подтвердились. Командование IFOR договорилось в Брюсселе с генералом Л. Шевцовым о том, что 1,5-тысячный российский контингент будет размещен в горном массиве Маевица на северо-востоке Республики Сербской. Так это позднее и произошло. Российский контингент был вклинен между двумя бригадами 1-ой бронетанковой дивизии США. Его штаб — помещен в шахтерский городок Углевик. Находящиеся по соседству американцы получают дополнительную плату за службу в этом экологически неблагоприятном месте, а сам Углевик по созвучию называют Uglyville, то есть Уродовск(35). Зона ответственности российской бригады включает 75 км линии разграничения и состоит из 85% сербской территории и 15% — мусульманской.

Как Дж.Джоулану и другим удалось уговорить Л.Шевцова отойти от принципиальной позиции российского руководства, остается неясным. Ведь во многом именно дислокацией в Посавинском коридоре обуславливалось согласие России на участие во всей операции. Говорили, правда, что сдать коридор Шевцову советовали и «некие российские дипломатические деятели». По-видимому, именно это и оказалось решающим.

Участие России в натовской операции в Боснии вызывало большие сомнения и раньше. С одной стороны, не хотелось находиться в неравноправных условиях под командованием американцев и сотрудничать с ними в фактически антисербской кампании, придавая ей большую легитимность. С другой стороны, не хотелось совсем уж уходить из Боснии, бросать боснийских сербов на произвол судьбы. А то, что давление на них будет продолжаться, было ясно. Кстати, сами сербы просили о размещении российского контингента в Посавинском коридоре. Но теперь участие России в миротворческой операции в Боснии стало трудно объяснимым.

С самых первых разговоров по поводу натовской операции с ней стали происходить те же вещи, которые постоянно происходили с миротворческой операцией ООН в Боснии. Тогда Россия шаг за шагом, тихой сапой сдавала свои позиции: «бесплодные зоны» — «зоны безопасности» — возможность бомбовых ударов натовской авиации — ввод сил быстрого реагирования. Каждая уступка сама по себе была вроде бы не такой уж большой, но их сумма коренным образом меняла всю ситуацию. Так и сдача Посавинского коридора Л.Шевцовым обозначила изменение качества. Но она произошла почти незаметно на фоне череды предыдущих уступок России в ходе планирования операции. «Подумаешь, немного в сторону перенесли место дислокации российского контингента». И уже все забыли, что совсем недавно в российских верхах всерьез обсуждался вопрос о применении права вето, чтобы в принципе не допустить развертывание натовской операции.

Когда боснийские сербы узнали, что вместо российских военнослужащих в Посавинском коридоре будут находиться американцы, они назвали это «последним предательством России». И запретили проводить рекогносцировку в другом месте. Только благодаря долгим и трудным переговорам Н.Стаськова и других офицеров с военно-политическим руководством боснийских сер-

бов размещение российской бригады все же состоялось(36). Многие сербы встречали российских военных со слезами радости на глазах. Но некоторые спрашивали: «Зачем вы им помогаете?»

Позже Л.Шевцов стал лучше разбираться в ситуации. Он рассказывал, что с кем бы ни встречался в Республике Сербской — все были против единой Боснии, «хоть их режь». Он даже говорил американцам, что искусственно созданное государство не имеет перспектив. «Какого черта, — вспоминал Л.Шевцов, — пытал я американцев, — вы деньги транжирите? Где ваш хваленый прагматизм? Они в ответ смеялись: мол, Дейтонские соглашения заключены — это документ, который надо выпонять». Российский генерал делал справедливый вывод, что, в тех условиях поддержка армии единой Боснии превращала ее в политическую силу. «Тогда это уже будет не миротворческая операция, а самая настоящая оккупация»(37).

Еще раз повторим. Фактически США в Дейтоне добились окончания боснийской войны, добавив к карте территориального разграничения Боснии и Герцеговины ее конституционное устройство. То, на что боснийские сербы были согласны пойти мирным путем еще в середине 1994 г., было реализовано силой через полтора года, ради интересов, не имеющих к Боснии непосредственного отношения. Ценность пакетного решения кризиса косвенно подтвердил и первый заместитель министра иностранных дел России И.Иванов. Вот его слова о Дейтоне: «...мне удобнее оценивать результаты на профессиональном языке. Итак, главный успех: впервые на прямой диалог удалось вывести все конфликтующие стороны. Впервые от них удалось добиться принятия не фрагментарных решений, а целого пакета договоренностей...»(38)

На завершающем этапе боснийского урегулирования Россия уже совершенно бесцеремонно была отодвинута в сторону. Считаться с ней просто перестали. Этому способствовали, конечно, объективные причины и прежде всего то, что российский экономический кризис пришелся как раз на те же годы. Но были и субъективные причины — деятельность МИДа, возглавляемого А.Козыревым. Наверное, ни одна дипломатия мира не совершала за столь короткий период столько грубых ошибок и при этом не высказывала столько безудержной похвальбы в свой собственный адрес. Впрочем, это не снимает вины и со всего российского руководства.

Слабым утешением стало то, что через месяц с небольшим после Дейтона А.Козырев был отправлен в отставку. Причем, говоря о его ошибках, президент Б.Ельцин, в частности, отметил, что «не очень четкой была политика в Югославии»(39). Министром иностранных дел России был назначен Е.Примаков.

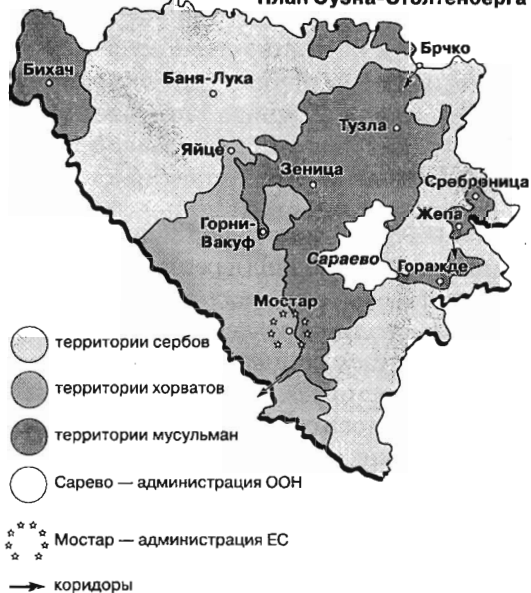
Но связи А.Козырева с сербами по иронии судьбы не прервались. Он вошел в совет директоров американской фармацевтической компании ICN Pharmaceuticals, которую возглавляет известный американский бизнесмен сербского происхождения и экс-премьер Югославии М.Панич.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 2 ноября.
2. Уз музыку Плена Милера. Карл Билт: Задатак мир // НИН, 1999, 11 марта; Надеин В. Трех президентов держат на военной базе в спартанской обстановке // Известия, 1995, 14 ноября.
3. Козловский В. Белый дом заступает за Слободана Милошевича // Сегодня, 1995, 22 ноября.
4. Невская А. В Париже Черномырдину указали его место // Московский комсомолец, 1995, 15 декабря.
5. См: Стуруа М. Человек-дыра // Там же, 1998, 22 июля.
6. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 3 и 9 ноября.
7. Сводки СРНА, 1995, 3 ноября.
8. Надеин В. Трех президентов держат на военной базе в спартанской обстановке // Известия, 1995, 14 ноября.
9. Сводки ИТАР-ТАСС, 1996, 4 мая.
10. Виноградов Б. Первая кошка между миротворцами из России и НАТО в Боснии уже пробежала // Известия, 1996, 3 февраля.
11. Сводки Интерфакса, 1995, 10 ноября.
12. Личный рабочий архив.
13. Сводки Интерфакса, 1995, 24 ноября.
14. Там же, 1995, 27 ноября.
15. Петрова С. Еще раз о судьбе главы российского МИДа // Независимая газета, 1995, 2 декабря.
16. Сводки Интерфакса, 1995, 5 декабря.
17. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 14 октября.
18. Дейтонские соглашения были много раз опубликованы. См., например: Лукић В., Поповић В. Документи: Дејтон — Париз. Бања Лука, 1996; см. также: Гуськова Е. Урегулирование на Балканах... С. 48-58.

19. Нарышкин А. Марафон в Дейтоне // Эхо планеты. 1995. № 49.
20. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 4 декабря; Коваленко Ю. Обидевшись на Америку, французы берут сторону сербов // Известия, 1995, 6 декабря.
21. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 17 декабря.
22. Там же, 1995, 22 ноября.
23. Абаринов В. МИД РФ сосредоточится на гражданском аспекте боснийской операции // Сегодня, 1995, 7 декабря.
24. Цит. по: сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 13 декабря.
25. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 10 декабря.
26. Сводки СРНА, 1996, 29 июля.
27. Буха А. Указ. Соч. С. 252.
28. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 26 ноября.
29. См., например: Боич О., Сабов Д. Мир в обмен на демократию // Итоги. 1996, 10 сентября.
30. Сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 10 декабря.
31. Кандель П. Сможет ли Босния и Герцеговина существовать в «дейтонском формате»? // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 1996. № 3. С. 24-25.
32. Личный рабочий архив.
33. См., например: сводки ИТАР-ТАСС, 1995, 10 и 15 декабря.
34. Там же, 1995, 12 декабря.
35. Козловский В. Американские и российские миротворцы в Боснии // Сегодня, 1996, 26 января.
36. Дементьева М., Леонтьев М. Коридорный вопрос генерала Шевцова // Там же, 1996, 13 марта.
37. Калядина Е. Генерал Шевцов грызет натовскую кость // Московские новости, 1996, 8-15 сентября.
38. Иванов И. Босния: этот мир придуман не нами // Там же, 1995, 26 ноября — 3 декабря.
39. Сводки Интерфакса, 1996, 10 января.

План Оуэна-Столтенберга

План контактной группы

Глава XIX

Дейтонская Босния

Оценивая итоги 1995 г., У.Кристофер заявлял, что «США потеснили Россию, навязали свой подход к решению югокризиса, в ходе реализации которого Москва оказалась отодвинута на третий план ... и не смогла принять реального участия в широком решении, ограничившись направлением воинского контингента под командованием американских военных». Госсекретарь считал, что американской дипломатии удалось обеспечить прочные позиции практически во всех балканских странах. Вместе с тем, проводимая государственным департаментом балканская политика должна быть еще более жесткой и направленной на противодействие России. Всем американским дипломатам было рекомендовано использовать имеющиеся возможности для более быстрой «американизации Балкан и выдавливания оттуда русских»(1).

В том, что российская политика на Балканах потерпела крах, сходились в России все — и левые, и правые, и западники, и «державники», и оппозиция, и «партия власти». Даже российский МИД, казалось, уже не протестовал против такой оценки. Но все понимали это поражение по-своему. Вот, например, оценка одного из ярых противников самостоятельной роли России К.Эггерта: «В 1993 году, когда МИД еще считался оплотом либерализма, — пишет журналист, — некоторые эксперты министерства предлагали Андрею Козыреву и президентскому окружению: «Нужно постепенно свертывать активную политику в бывшей Югославии, так как ни настоящих союзников, ни крупных интересов у нас там нет». Этот шаг оставил бы Балканы в распоряжении государств, обладающих реальным влиянием или деньгами, чтобы его купить. Возможно, Дейтонские соглашения состоялись бы тогда значительно раньше. Соображения престижа и непонятная уверенность в том, что сербы готовы стать нашими верными союзниками, заставили Ельцина и Козырева избрать другой путь. Можно без преувеличения сказать: односторонне просербская позиция, занятая Москвой исключительно в пику Вашингтону, способствовала затягиванию войны...»(2)

Можно только поразиться тому, как нелиберально наши доморощенные либералы относились к внешнеполитической проблематике (у кого есть сила или деньги, тот и прав), как охотно оправдывали они любую имперскую политику, делая исключение только для России, которая не могла иметь даже права голоса. И позволительно отметить, что война в Боснии окончилась бы намного раньше как раз в обратном случае — не будь этого грубого, почти колониального вмешательства со стороны Запада.

Но, конечно, у К.Эггерта — крайняя точка зрения. Во внешнеполитическом истеблишменте, в общественных и научных кругах в подавляющем большинстве придерживались противоположной. Приведем слова одного из самых опытных журналистов-международников С.Кондрашова: «Когда рушили СССР и брали власть в Москве, вся внешнеполитическая концепция сводилась к тому, чтобы доказать США и всему Западу: с Ельциным им будет еще лучше, чем с Горбачевым. Если при Горбачеве внешнюю политику деидеологизировали, чтобы уйти от противостояния с Вашингтоном, то при раннем Ельцине ее заново, но с другим знаком идеологизировали, чтобы продемонстрировать Джорджу Бушу, что у России, младшего партнера США, не может быть никаких позиций и интересов, отличных от американских (или западноевропейских). В этом, между прочим, один из источников развития югославского кризиса в его крайней, боснийской форме(3).

Мы придерживались той же позиции. И не только придерживались, но и активно пытались проводить в жизнь альтернативную МИДу линию. Эта борьба не привела к успеху. Альтернативная модель боснийского урегулирования, которой, собственно, и посвящена лежащая перед читателем книга, так и не стала официальной российской позицией. Более того, российское министерство иностранных дел всеми силами ему противодействовало. Альтернативный вариант урегулирования, естественно, не устраивал Запад, который вместо принципа равных прав предпочитал принцип двойных стандартов. Наконец, этот вариант не поддержало и югославское руководство во главе с С.Милошевичем, продолжавшее ориентироваться на советы и рекомендации А.Козырева. К сожалению, возглавляемый им МИД сохранил в России свою монополию на югославское урегулирование. Разрушить ее нам так и не удалось. Писались многочис-

ленные записки, составлялись совместные доклады, подключались к работе депутаты Государственной Думы. Все было напрасно. В своей книге “Преображение” А.Козырев написал: “Скажу прямо: любые планы монополизации миротворчества в Югославии ... столь же бесперспективны, как и опасны”(4). На наш взгляд, это полностью и главным образом относится к самому российскому МИДу.

И все же нельзя говорить и о том, что наши усилия в Кремле были совершенно напрасными. Косвенно это признал тот же А.Козырев. Он вспоминал, что сразу после присоединения России к антисербским санкциям «стало нарастать давление на власть со стороны так называемых патриотических кругов, а иммунитет власти к их влиянию начал ослабевать. Все последние годы югославской драмы, вплоть до своего ухода из МИДа, я просто-напросто выкручивался, шел на компромиссы, а не вел сколько-нибудь последовательную, близкую мне линию»(5).

Дейтонские соглашения обозначили принципиально новую ситуацию и в самой бывшей Югославии. Многие западные наблюдатели расценили их как победу Ф.Туджмана, который вернул себе Восточную Славонию, получил солидную буферную зону, отделявшую Хорватию от Республики Сербской, и приобрел значительную роль в определении политики мусульманско-хорватского образования — Федерации Боснии и Герцеговины. Независимые белградские аналитики также характеризовали Дейтонские соглашения как «огромную победу хорватов, относительный выигрыш мусульман и полное поражение сербской политики». Радикальная оппозиция была еще резче и обвиняла С.Милошевича в «самом большом предательстве в истории сербского народа»(6).

И действительно, Хорватия практически решила все свои задачи. В Боснии им оставалось только не допустить ассимиляции в рамках Федерации своего национального образования Герцег-Босны, а в Хорватии — регионального сепаратизма со стороны Далмации и Истрии. Несмотря на насильственное изгнание сербского населения, Хорватия сохранила довольно высокий рейтинг на Западе и шансы вступить в будущем в европейские международные организации. Сербия же оказалась в полном проигрыше — в проигрыше из-за развала Югославии, из-за разразившейся войны и из-за способа ее урегулирования. Поворот, совершенный С.Милошевичем в середине 1994 г. при-

нес столь же мало успехов, как и первоначальный курс на объединение сербских земель. Надежды на то, что с завершением войны в Боснии все самое плохое для Сербии закончится, также не оправдались. Санкции были приостановлены, но не приостановилась «холодная война» со стороны Запада, которая в любой подходящий момент могла вновь перерасти в «горячую».

В отличие от Хорватии, Сербия оставалась многонациональным государством, что было чревато провоцированием новых кризисов. В Косово до 90% населения составляли албанцы, в Санджаке (Рашке) мусульман было немногим больше половины, наконец, в Воеводине, где сербов насчитывалось 57%, были значительные венгерское и другие национальные меньшинства. Существовала угроза сепаратизма в Черногории. Не ясны были и перспективы какой-либо интеграции с Республикой Сербской.

Хотя определенные шаги в этом плане и были сделаны. Так, 29 февраля 1997 г. С.Милошевич и М.Краишник подписали соглашение об установлении специальных параллельных отношений между Югославией и Республикой Сербской и об учреждении Совета по сотрудничеству. Однако, во-первых, создавалось впечатление, что главной целью Милошевича было отвлечь внимание собственной общественности от проходивших тогда демонстраций оппозиционного блока «Заедно» («Вместе») в Белграде. А во-вторых, ни в чем не противоречившее Дейтону соглашение вызвало остро негативную реакцию Запада, и не было, вследствие этого, реализовано.

В Боснии мусульманская община теоретически смогла сохранить единство страны, однако фактически контролировала лишь ее центральную часть. Это резко уменьшило ее шансы с помощью численного превосходства и более высокой рождаемости постепенно изменить демографическую ситуацию в свою пользу во всей Боснии. Частично проблема решалась стимулированием возврата мусульманских беженцев в места бывшего проживания. Но мало кто хотел жить на территории бывшего врага. Оставалось по-прежнему надеяться на экономическую и военную помощь западных и исламских государств и ждать нового обострения ситуации в связи, например, с косовским кризисом. Эти надежды были вполне реальными. Сразу после Дейтона США и некоторые исламские страны договорились о выделении мусульманам около 800 млн. долларов на модернизацию их армии. Учитывая, что все мусульманское население Боснии

составляло около 2 млн. человек, это была весьма приличная сумма. И сегодня из всех боснийских общин только мусульманская в принципе ждет нового передела, в том числе и военным путем.

Боснийские сербы получили международное признание и сохранили целостность своей территории. Однако за несколько последних месяцев войны они потеряли около 20% территории, шансы на выход к морю, часть Сараево, не добились права на конфедерацию с Югославией и лишились своих авторитетных лидеров — Р.Караджича и Р.Младича. Не было у них и надежды на обещанную всей Боснии экономическую помощь международного сообщества. И все же Республика Сербская не повторила в 1995 г. трагическую судьбу Республики Сербская Краина. Маленькое образование боснийских сербов сумело выстоять не только в гражданской войне, не только в кольце двойной блокады — международного сообщества и «братской» Югославии, но и противостоять военной агрессии НАТО. Хочется верить, что вклад в это дело внесли и мы. Впрочем, судить об этом предстоит самим читателям.

При всех минусах Дейтонских соглашений главной задачей боснийских сербов после подписания мира было не допустить попыток их нарушения, подмены «буквы Дейтона» «духом Дейтона», изобрести новый, «улучшенный Дейтон» и т.п. А такие попытки начались, едва на мирных соглашениях высохли чернила. Сразу же началась борьба о толковании, об интерпретации достигнутых договоренностей.

Еще в период между Дейтоном и Парижем министерство обороны США при переносе линии разграничения с карты масштабом 1:600000 на карту с масштабом 1:50000 допустило многие отклонения, несшие прямой ущерб Республике Сербской. В целом к РС отошло на 170 кв. км меньше, чем было предусмотрено пропорцией 49 на 51 процент. На протесты боснийских сербов американцы цинично отвечали, что «нужно уметь жить и с ошибками». Стал пересматриваться и самый болезненный вопрос, связанный с Посавинским коридором. Боснийские сербы были убеждены, что в Дейтоне речь шла только о его ширине. Но К.Бильдт начал прямо заявлять о том, что предметом арбитража может стать и сам город Брчко.

Воспользовавшись тем, что в Дейтонских соглашениях никак не был обозначен порядок функционирования центральных ор-

ганов власти БиГ на время переходного периода (то есть до первых выборов), мусульманское правительство фактически узурпировало право по-прежнему представлять всю Боснию. Причем мусульманское руководство использовало название «Республика Босния и Герцеговина», хотя, по Дейтону, официальным названием являлось только «Босния и Герцеговина». Стороны так и не договорились — идет ли речь о конфедерации, унии или о чем-либо еще. На проходившие после Дейтона международные встречи боснийских сербов просто не приглашали.

Подвергся ревизии и вопрос о выборах. Согласно Дейтону, население БиГ могло принимать участие в них или там, где оно проживало до войны, или там, где стало проживать после. Однако вдруг стали говорить, что в местах фактического проживания можно голосовать только в порядке исключения.

Начались аресты некоторых сербских военнослужащих по обвинению в военных преступлениях. Причем даже тех, кто не входил в «черные списки» Гаагского трибунала. Стали циркулировать слухи, что есть еще один секретный список, который никто не видел. Это, конечно, давало возможность подвергнуть репрессиям любого взрослого мужчину из Республики Сербской. А.Солженицын справедливо назвал тайные списки Гаагского трибунала «приемом, даже не инквизиторским, а достойным дикарей за 3 тысячелетия до нашей эры»(7).

Перечень таких нарушений можно без труда продолжить. Даже введенные против боснийских сербов санкции никто не спешил приостанавливать, хотя это следовало сделать автоматически сразу после отвода противоборствовавших сторон из зон разъединения. А этот отвод уже состоялся к 23 января 1996 г., о чем генеральный секретарь НАТО Х.Солана официально доложил Бутросу-Гали.

Пришлось и здесь торопить российский МИД. Ю.Батурин направил Б.Ельцину записку, где изложил суть проблемы. Официальное поручение МИДу от имени президента России направить не удалось, так как против этого был его помощник по международным делам Д.Рюриков. Тем не менее, Б.Ельцин на батурской записке написал: «Согласен». После этого, наконец, заработал и МИД, которым было подготовлено подписанное затем президентом распоряжение. Не могу не привести его название. Оно, с одной стороны, ярко показывает весь бюрократизм внешнеполитического ведомства, а с другой — его отношение к уже

официально признанной Республике Сербской. (К слову сказать, дипломатический представитель России в Боснии Я. Герасимов жил в Сараево и за несколько месяцев работы ни разу не посетил территории Республики Сербской). Итак, документ назывался «О мерах, связанных с выполнением резолюции Совета Безопасности ООН 1022 от 22 ноября 1995 г. в части, касающейся районов Республики Боснии и Герцеговины, которые находятся под контролем сил боснийских сербов» от 21 февраля 1996 года, № 78. В длинном названии не нашлось места ни для названия «Республика Сербская», ни для слова «санкции» (8).

Российский постоянный представитель в ООН С. Лавров заявил, что Россия ожидает, что санкции снимут и другие члены Совета Безопасности и оправдывался, что российское решение ни в коей мере нельзя рассматривать в качестве односторонней акции. Но, говорил он, недопустима и ситуация, когда действие санкций растягивается на неопределенный срок без учета подвижек в реальной ситуации (9). Тем не менее, эта была именно односторонняя акция, и именно так ее все и восприняли.

Р. Караджич прислал Б. Ельцину письмо, в котором выразил ему глубокую признательность за выход России из режима санкций. В письме говорилось, что «в течение пятилетнего кризиса мир постоянно был несправедлив к малому национальному образованию сербов в бывшей Боснии и Герцеговине. Наш народ претерпел великие страдания, которые все еще продолжаются из-за санкций, которые только Вы отменили, и из-за огромного числа беженцев и изгнанных сербов. Поэтому Ваше решение не только справедливое, но и глубоко гуманное. В нем видится величие России, которая заботится о малой Республике Сербской. Сербский народ этого никогда не забудет» (10).

После одностороннего российского шага СБ ООН через несколько дней все-таки принял решение о приостановке санкций против Республики Сербской. Отменило политическую и экономическую блокаду боснийских сербов и правительство Югославии.

Однако в целом позиция России по отношению к боснийской проблеме после смены министра иностранных дел заметно не изменилась. Снизилась лишь интенсивность работы, про Боснию после заключения мира стали в известной мере забывать. А главное — в предыдущий период было наделано столько ошибок, Россия уже так завязла в навязанной Западом схеме урегу-

лирования, что выбраться из всего этого было непросто. Тем более, что кадровый состав, обеспечивавший в МИДе югославское направление, остался прежним. Одних заместителей министра в наследство от Козырева досталось Е.Примакову десять человек. Из них только Н.Афанасьевский своим вдумчивым и непредвзятым подходом к югославскому кризису отличался в лучшую сторону. Он был послом в Бельгии до В.Чуркина и к козыревской команде прямого отношения не имел.

Масштабность личности самого нового министра иностранных дел Е.Примакова не вызывала сомнений, но ему приходилось заниматься многими другими проблемами. Пока же он разъезжал по всему миру, на хозяйстве оставался первый заместитель И.Иванов. В результате у сотрудников МИДа выработалась привычка в решении своих проблем полагаться прежде всего на него (11). Сохранилась и монополия МИДа в вопросах внешней политики. Более того, один из первых указов президента России, который «выбил» Е.Примаков, касался подтверждения координирующей роли внешнеполитического ведомства в этих вопросах. (Это был уже третий указ на тему координации, два других относились ко времени Козырева).

Об аморфности позиции России в тот период дает представление записка министра иностранных дел Б.Ельцину, озаглавленная «О наших шагах в боснийском урегулировании».

В записке говорилось, что «в процессе боснийского урегулирования наступил решающий этап — практическая реализация гражданских аспектов Парижского мирного соглашения (на официальном языке мирное соглашение по Боснии называлось Парижским, но в обиход оно уже неотвратимо вошло как Дейтонское. — К.Н.). Россия активно включилась в осуществление мирного соглашения... Для того, чтобы подчеркнуть роль России в боснийском урегулировании, усилить двусторонний компонент нашего участия в посткризисный период, планируем направить в регион в начале мая с.г. первого заместителя министра иностранных дел И.Иванова. Он мог бы обсудить с президентами Сербии, Хорватии и БиГ ключевые проблемы, посетить Республику Сербскую, а также наши воинские контингенты. Представляется целесообразным от Вашего имени направить послания С.Милошевичу, Ф.Туджману и А.Изетбеговичу. В них выскажем нашу твердую решимость добиваться выполнения Парижского мирного соглашения, обеспечить мир и стабильность в регио-

не, выразим готовность к всестороннему развитию двусторонних отношений»(12).

Не более содержательными были и подготовленные для Б.Ельцина послания руководителям новых государств, образовавшихся на территории бывшей Югославии. Ф.Туджману, названному «одним из ведущих политических лидеров в регионе», была обращена просьба «исключительно мирными средствами решить проблему Восточной Славонии». В отношении Боснии говорилось, что «многое будет зависеть от ситуации, складывающейся в Федерации БиГ. Полагаю, что Загреб может сыграть здесь весьма позитивную роль»(13).

Послание А.Изетбеговичу еще более было выдержано в духе общих рассуждений: «Безусловно, дорога к миру трудна. Слишком много разрушений оставила после себя четырехлетняя война. Но цель намечена — воссоздание на демократической основе условий для совместной жизни». Были, правда, и конкретные фразы о «принципе равенства обоих образований в БиГ» и о «процессе реконструкции хозяйства, основанном на недискриминационном подходе международного сообщества»(14). Впрочем, впечатление было такое, что единство Боснии заботит российскую дипломатию чуть ли не больше ее собственных жителей, что речь в послании идет не о дейтонской Боснии, а о нормальном федеративном государстве. Как представлялось, лучше бы Россия постаралась поднять уровень своих отношений с Республикой Сербской до уровня отношений с Федерацией мусульман и хорватов. Это бы в полной мере соответствовало и ее собственным интересам, и Дейтонским соглашениям.

Наконец, в послании к С.Милошевичу отмечалось, что от нормального проведения выборов в Боснии зависит окончательная отмена санкций. «В этот ответственный момент чрезвычайно важно не допустить новой конфронтации, предотвратить попытки отойти от Дейтонских договоренностей. Скажу прямо: что касается готовности боснийских сербов к сотрудничеству (с кем: с мусульманско-хорватским образованием, с Югославией, с международными посредниками, с Россией, с НАТО? — К.Н.), обеспечения их реальных интересов, то мы рассчитываем на веское слово Белграда, на Вас, господин президент, как авторитетного политика»(15). Трудно было что-то понять. С одной стороны, продолжалась старая линия — давление на боснийских сербов через давление на Белград. С другой стороны, если Белграду сове-

товали обеспечить реальные интересы боснийских сербов, то это могло означать только сербско-сербское объединение.

И.Иванов действительно отправился в бывшую Югославию и даже заехал в Республику Сербскую. В Пале он встретился с А.Бухой. Российский дипломат заявил, что в реализации Дейтонских соглашений существует немало проблем, но им нет альтернативы. Он также пообещал, что в дальнейших своих действиях по урегулированию в Боснии и Герцеговине российская дипломатия «примет во внимание изложенные сегодня А.Бухой взгляды» (16). Визит Иванова был самым заметным действием Москвы за полгода, прошедшие со времени Дейтона. Но, как отметили наблюдатели, Россия скорее обозначила свое присутствие, чем присутствовала на деле. Это отражало ее несколько обновленную балканскую стратегию — «никаких оглушительных инициатив и поддержание достойного объема участия в уже созданных структурах» (17).

Я тоже продолжал ездить в Республику Сербскую, видел, как постепенно отстраиваются разрушенные дома, как начинается медленное восстановление хозяйственной жизни. Везде было множество беженцев. Открывая в первую очередь свои любимые сербские кафе-«кафаны», они давали им названия родных мест, например, «Илиджа». Это было время, когда Р.Караджич уже ушел в отставку и США разрабатывали планы его похищения. В ответ на это боснийские сербы на всех дорогах расклеивали большие цветные плакаты с фотографией своего лидера и надписью по-сербски и по-английски: «Не трогайте его!»

Встречался я несколько раз и с персонажем, изображенным на плакате. Особенно мне запомнилась поездка в начале августа 1996 г. В России закончились президентские выборы, политическая жизнь стала входить в нормальное русло, и я смог отпроситься в Югославию. Это была редкая передышка не только и не столько для меня, сколько для Р.Караджича. Было относительно спокойно, и лидер боснийских сербов находился в Пале. Он был несколько бледнее обычного, так как только что стал поправляться после гриппа. Когда я вошел к нему домой, он перечитывал Достоевского. Если мне не изменяет память — «Униженные и оскорбленные». Само название произведения было весьма символическим и для самого Радована, и для народа Республики Сербской.

Мы долго, несколько часов, сидели в комнате обычного сербского дома, а затем, пока не стемнело, во дворе. У Караджича был сравнительно небольшой участок с русской березкой посередине. По участку бегал и резвился его любимый пес — молодой доberman. Поверх низкого заборчика были видны соседние участки и работавшие на них люди. Караджич смеялся, говорил, что он превратился в Дэн Сяопина, показывал мне карикатуру из мусульманской газеты «Освобожден», на которой было изображено заседание руководства боснийских сербов. У каждого из заседавших на спине была табличка — Карабуха, Карплавшич, Каракраишник и т.д. А подпись гласила: «Караджича больше нет».

Мысли моего собеседника были заняты, с одной стороны, политикой, от которой он еще никак не мог отойти и которая целиком поглощала его все последние годы. С другой стороны, он уже говорил и о том, что хотел бы посвятить себя медицине или поэзии, больше времени проводить в семье, рассказывал о замыслах посадить на участке в качестве живой изгороди малину. Была у него и сокровенная мечта основать в Пале Университет, чтобы сербской молодежи было где учиться... На прощание Караджич сказал, что никуда уезжать не хочет — ни в Черногорию, ни в Россию и что он надеется, что «когда-нибудь все образумится».

Все было, конечно, далеко не так просто. Экономическая помощь Боснии шла в основном только мусульманско-хорватскому образованию. Республика Сербская получала лишь 2% от всей предназначенной для Боснии суммы. Вследствие этого, зарплата в Федерации оказалась в три раза выше, чем на сербской стороне. Экономический рост составил в Федерации 40%, а у сербов равнялся нулю(18).

Не лучше была и политическая ситуация. В ожидании первых боснийских выборов Запад взял на вооружение политику по выдвижению и поддержке в каждой из трех боснийских национальных общин так называемых “умеренных лидеров”. В Республике Сербской этим критериям, как правило, отвечали выходцы из Баня-Луки, где были сильные позиции у Сербской социалистической партии — фактически боснийского филиала партии С.Милошевича. Им противостояли выступавшие обычно единым фронтом Сербская демократическая партия Р.Караджича и Сербская радикальная партия (также имевшая в Сербии своего патрона — радикальную партию В.Шешеля).

На территории формально упраздненного после Дейтона хорватского образования Герцег-Босны наиболее мощные позиции были у Хорватского демократического содружества (филиала партии Ф.Туджмана). Земли хорватов находились в основном в западной Герцеговине. В этой глубинке жили суровые люди, истовые католики, которых было трудно чем-то сломить. «Умеренных» среди них западным политикам долго найти не удавалось. Правда, всю общину возглавлял выходец из северного хорватского анклава К.Зубак.

Наконец, среди боснийских мусульман «умеренным лидером» был провозглашен создавший свою партию «За Боснию и Герцеговину» бывший премьер мусульманского правительства Х.Силайджич. Но он заметно уступал по популярности бессменному лидеру мусульманской общины А.Изетбеговичу и его партии Демократического действия, шедшей на выборы под характерным для «мультиэтнической» Боснии лозунгом — «Одна страна, одна религия».

Самим западным аналитикам становилось ясно, что победу на выборах в Боснии даже при манипулировании с голосами избирателей одержат старые, прошедшие войну лидеры. Накануне выборов Р.Холбрук говорил, что их могут выиграть «фашисты и сепаратисты», а потому сразу после них следует провести еще одну «глобальную» мирную конференцию — «Дейтон-2». На ней было бы необходимо исправить совершенные на прежних переговорах ошибки и разработать меры по укреплению унифицированной боснийской государственности(19). Становилось ясно, что при первой же возможности западные лидеры перестанут соблюдать мирные договоренности и что любой пересмотр Дейтона будет идти за счет ущемления прав боснийских сербов. Но в то время у мирового сообщества еще не было ни сил, ни желания откликаться на призывы Холбрука и заново переигрывать все боснийское урегулирование. Были отложены только выборы местных органов власти, так называемые «муниципальные выборы».

Первые «свободные» выборы в Боснии не принесли неожиданностей. Не помогли даже крупные подтасовки с голосами сотен тысяч мусульманских беженцев из-за границы. Бюллетени с их волеизъявлением два раза привозили в Сараево в опечатанных мешках. Были и другие манипуляции с голосами. Отвечавший за выборы представитель ОБСЕ американец Р.Фроуик долго за-

держивал официальное сообщение об их результатах и в целом откровенно выполнял все распоряжения госдепа США. Но все-таки даже он ничего сделать не смог.

На следующие два года в Президиум дейтонской Боснии были избраны мусульманин А.Изетбегович, серб М.Краишник и хорват К.Зубак. Президентом Республики Сербской стала Б.Плавшич. Последнее было гораздо важнее для боснийских сербов, поскольку все основные вопросы должны были решаться на уровне гособразований. Тем более, что опрошенные корреспондентами агентства Рейтер, жители Республики Сербской в один голос заявили об отказе считать своим президентом «военного преступника» Изетбеговича(20).

Выборы не ослабили, а усилили и легализовали раздел Боснии. Даже присутствие блока НАТО не могло этому помешать. Они еще раз показали, что большинство боснийского населения не хочет жить в едином государстве, что цивилизованный развод для них лучше силового принуждения к браку. Однако против этого были Запад во главе с США. Было ясно, что, говоря словами П.Канделя, «Босния и Герцеговина по дейтонским рецептам жить не сможет, а умереть ей не позволят»(21).

Это подтверждала депеша служащего американского посольства в Сараево, которая была отправлена в госдепартамент, но неожиданно попала на страницы газеты «Нью-Йорк таймс». Дипломат писал, что, «как только западные войска покинут страну, боснийские сербы тут же заявят о своей независимости. За ними последуют боснийские хорваты, а там — полная неразбериха и, возможно, новая война. Единственный способ сохранить Боснию — это взять ее на пять лет под западную защиту, то есть превратить страну в протекторат»(22).

Сразу после выборов был опубликован и доклад новой независимой международной общественной комиссии, созданной фондом Карнеги в сотрудничестве с берлинским институтом Аспена. Входящие в комиссию бывшие американские и европейские политические деятели и ученые настаивали на недопущении раздела Боснии на этнические части. Оставить мусульманское государство зажатым между Великой Сербией и Великой Хорватией, говорилось в докладе, — значит обречь мир в регионе на мгновенную смерть и вечную нестабильность, а кроме того осложнить отношения всего исламского мира с Европой. Задача — подготовить лучшие условия для следующих выборов

и, конечно, довести до конца работу Международного трибунала в Гааге, даже в отсутствие главных обвиняемых, как было на Нюрнбергском процессе(23).

Получалось, что сербы были обязаны навсегда оставаться заложниками чужих интересов. А их за это еще и следовало почти поголовно объявить военными преступниками. В реальности раздел маленькой Боснии, конечно, не создавал никаких «великих государств» из также не очень больших соседей. А у боснийских мусульман при такой ситуации была бы возможность остаться с Хорватией на правах конфедеративного объединения или образовать независимое государство. Правда, образования такого мусульманского государства в Европе очень не хотелось допустить американским и западноевропейским политикам. Мусульмане контролировали только центральную часть Боснии. Поэтому создание их государства на этих землях (входящего в конфедерацию с Хорватией или независимого) означало бы признание реального положения вещей. Это умерило бы аппетиты мусульманской общины, которая вместо претензий на всю Боснию должна была научиться жить самостоятельно, жить, имея равные права с другими боснийскими народами, а не быть гонителем или гонимым. И, разумеется, мусульманскому государству нужно было предоставить политические и экономические гарантии существования. Именно это могло бы внести в регион стабильность. Распад Боснии и был единственным долгосрочным решением боснийского кризиса. Ведь исторически более нестабильное место в Европе, чем оккупированная или «подмандатная» Босния, трудно было придумать. Вот уж где на самом деле царил «вечная нестабильность».

1 октября 1996 г. через 10 дней после официального объявления результатов выборов Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1074, в которой отменил продолжавшиеся 52 месяца антисербские санкции. Они нанесли Югославии ущерб, по некоторым данным, превышающий 40 млрд. долларов, и надолго подорвали экономику страны(24). Однако осталась так называемая «внешняя стена» санкций. США отказались включить в резолюцию пункт, предусматривавший автоматическое восстановление Югославии в ООН и других международных организациях. Американцы также воспрепятствовали налаживанию связей Югославии с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими финансовыми институтами. Оста-

вались замороженными внешние авуары экс-Югославии. Таким образом, и здесь Дейтон был в определенной степени пересмотрен. Белград по-прежнему оказывался исключенным из международной политики и экономики.

После окончания операции IFOR она была еще дважды продлена. Первый раз — на полтора года в уменьшенном составе (более 30 тыс. человек, из них 8,5 тыс. — американцев и впервые около 3 тыс. — немцев) и под несколько измененным названием SFOR — Силы по стабилизации (СПС). Можно было, конечно, оставить и старое название, но НАТО было важно показать, что первая операция полностью выполнена и завершена. Второй раз операцию продлили еще на один год, но уже под тем же названием и примерно в том же составе.

НАТО во главе с США не устали пропагандировать успешное сотрудничество с Россией в рамках операции многонациональных сил в Боснии. Оно виделось Западу чуть ли ни как прообраз будущего взаимодействия наших стран в XXI в. Но, несмотря на «партнерскую» фразеологию, нельзя было не видеть, что российское участие в операции носило далеко не равноправный и более чем ограниченный характер. Россия была оттеснена в сторону еще на этапе подготовки операции, которая готовилась исключительно Советом НАТО. «Партнерство» оказалось ограничено тактическим уровнем, а на стратегическом — его не было и в помине. Другими словами, Россия получила приглашение участвовать в игре, правила для которой составляли другие. Уникальность найденного в Дейтоне компромисса породила и исключительность миротворческой операции. И, конечно, распространять этот опыт на будущее всего человечества было бы по меньшей мере неразумно(25).

Так или иначе, но Россия продолжала свое участие в миротворческой операции в Боснии. Более того, Ю. Батулин говорил, что даже после завершения операции российское военное присутствие не должно прекращаться. «Я не вижу ничего странного, если Россия поставит вопрос о собственной военной базе в этом регионе. Точнее — там, где сейчас дислоцируется воздушно-десантная бригада, на территории Сербской Республики. Тем более, что американцы это уже делают, даже не ставя каких-либо вопросов. Я имею в виду военную базу в Тузле, где сейчас находится штаб миротворческой операции под эгидой НАТО»(26). Это заявление вызвало много шума на Западе, но осталось почти

незамеченным в России. Между тем, военные базы за границей, в том числе и на Балканах, позволяли бы минимальными силами сдерживать возможные действия оппонентов, направленные на дальнейшее ущемление интересов России и ее союзников. В связи с этим заявление Ю. Батурина было вполне логичным. Однако то, что дозволялось США, России запрещалось.

В конце 1996 г. в Кремль поступил подписанный Н. Афанасьевским проект Концепции политики России на Балканах. Это был большой семистраничный документ, состоявший из шести разделов.

В вступительном первом разделе говорилось о стратегическом значении Балкан в системе международных отношений и о той ситуации, которая возникла в связи с югославским кризисом. Во втором разделе речь шла о «потенциальных очагах напряженности на Балканах» и делался вывод о том, что этот регион еще долго будет очагом нестабильности.

Третий раздел был посвящен тому положению на Балканах, в котором оказалась Россия. В документе говорилось, что, «несмотря на определенное ослабление в регионе российских позиций в силу собственных экономических трудностей, ограниченности материальных и финансовых ресурсов, отсутствия теперь на Балканах союзных нам государств, упущений в нашей политике, в целом удалось, опираясь на традиционные связи и заинтересованность балканских стран в России как противовесе влиянию других держав, сохранить уровень отношений, установить их с новыми государствами, образовавшимися на пространстве СФРЮ. Сохранению позиций в регионе способствовало и наше активное участие в международных усилиях по мирному урегулированию в БиГ.

Балканские страны не ставят под сомнение обоснованность нашего присутствия в регионе, видят в России активного участника происходящих здесь процессов...

Место Балкан в нашей политике определяется ... следующими факторами:

1. Балканы — регион потенциальных прямых угроз национальной безопасности России, особенно в случае осуществления планов НАТО, создания здесь замкнутых группировок с опорой на те или иные внешние силы.

2. Проблемы региона тесно переплетаются с проблемами нестабильности на южном фланге России, судьбой черноморских проливов, с вопросами транспортировки каспийской нефти.

3. С политикой балканских государств, например, Турции, связан ряд проблем, затрагивающих интересы России в других районах мира (Закавказье и Средняя Азия, Ближний и Средний Восток).

4. Балканы важны и в более широком контексте формирования после окончания биполярного противостояния, будущей модели взаимоотношений с Западом и закрепления за Россией одного из решающих полюсов мировой политики, утверждения современной системы общей и всеобъемлющей безопасности...

5. С учетом широкого развития в прошлом торговых связей, экономического и военно-технического сотрудничества с балканскими странами, этот регион, который по мере продвижения процесса югоурегулирования будет становиться емким рынком и пространством реализации крупных инфраструктурных и энергетических проектов, представляет несомненный интерес с точки зрения перспектив нашей внешнеэкономической деятельности, в том числе и как один из путей выхода на Западную Европу.

6. Наконец, Балканы для России — не только вопрос внешней политики, но и предмет острых столкновений различных внутриполитических сил из-за психологического настроения российского общественного мнения, пусть и базирующегося во многом на стереотипах и мифах прошлого».

В четвертом разделе документа говорилось о необходимости проведения Россией «активной политики на балканском направлении» с целью преодоления отчуждения и враждебности между балканскими народами, утверждения многополюсного баланса сил без явного перекаса в пользу какой-либо страны региона, формирования многостороннего внеблокового сотрудничества, которое исключало бы утверждение гегемонии внерегionalных сил, втягивания балканских стран в НАТО.

В пятом разделе документа конкретизировалось то, на чем России следовало особенно сосредоточить свои усилия:

«1. Продолжать наше активное участие в многосторонних политических и военных усилиях по обеспечению реализации достигнутых мирных договоренностей...

2. ... в отношении СРЮ добиваться восстановления ее равноправного статуса в международном сообществе... В этом контексте стимулировать Белград на конструктивный политический диалог с представителями албанцев Косово...

3. Содействовать реализации договоренностей о нормализации отношений между Хорватией и СРЮ как главного звена процесса стабилизации обстановки на югопространстве. Одновременно, действуя через Совет Европы и ОБСЕ, сохранять в повестке дня вопросы мониторинга выполнения Хорватией обязательств по обеспечению прав проживающих на ее территории нацменьшинств.

4. Усилить дипломатическую работу со всеми тремя членами Президиума БиГ с целью точного выполнения мирного соглашения и нормализации отношений по линии Белград-Сараево как фактора оздоровления обстановки в Боснии и Герцеговине.

5. Способствовать ограничению военных возможностей сторон, участвовавших в конфликте на пространстве бывшей Югославии, и установления военного равновесия между ними...»

Последний, шестой раздел касался направлений сотрудничества России с балканскими государствами. В нем говорилось, что необходимо «поддерживать активный и регулярный политический диалог на уровне руководства со всеми балканскими странами и прежде всего с такими ключевыми партнерами России на Балканах, как Болгария, Греция и СРЮ... Способствовать формированию прочного экономического фундамента наших отношений со странами региона... Обеспечить расширение наших позиций в регионе, в первую очередь в таких отраслях, как поставки нефти и газа, создание топливно-энергетической инфраструктуры, транспорт и связь...

Ключевым условием проведения Россией целенаправленной и эффективной политики в отношении балканского региона и конкретных стран является обеспечение действенной координации работы всех федеральных министерств, ведомств и организаций, согласования интересов государственных и предпринимательских структур»(27).

Записка, присланная Н.Афанасьевским, не была свободной от некоторых неточностей, но мы, наконец, заговорили с МИ-Дом на похожем языке. При всех рудиментах старого подхода в российской дипломатии был сделан явный шаг вперед.

Через несколько дней был подготовлен небольшой ответ: «Проект Концепции политики России на Балканах — это по сути первый за последние годы документ такого рода. И в целом он оставляет хорошее впечатление. Впервые в нем аргументированно обосновано значение Балкан для нашей страны. Впервые в

нем говорится также об «определенном ослаблении в регионе российских позиций», об «упущениях в нашей политике». И уже в этом — большое значение документа. Не буду подробно останавливаться на его положительных сторонах. Важнее то, что, на мой взгляд, нуждается в некотором уточнении...

Идеология Концепции базируется на желательности всемерного сохранения общебалканского (югославянского) пространства, «которое бы исключало втягивание балканских стран в НАТО. Их раскол на противостоящие группировки».

Теоретически это не вызывает возражений, но в реальной жизни Балканы никогда не представляли и не представляют собой (особенно после развала Югославии) единого целого. Реальность такова, что раскол Балкан и особенно югопространства может еще больше увеличиться. России необходимо иметь план действий и на этот случай, на случай создания американских военных баз в регионе и т.д. Тем более, что этот вариант развития уже осуществляется.

Вообще Балканы в связи с распадом Югославии фактически теряют свою конфигурацию: безвозвратно потеряли Словению и теряют Хорватию. Конфликтный регион вместе со всеми свойственными ему противоречиями «сползает» все больше на юго-восток. Наиболее острые противоречия сейчас уже не сербско-хорватские, а сербско-мусульманские (в том числе и сербско-албанские), греко-турецкие и т.п. ...

Предложения по тексту.

Раздел III. В преамбуле снять последнее предложение. (Или «ослабление российских позиций, или «сохранение позиций»). Там же переделать следующий абзац, начинающийся со слов «балканские страны». Пока изложенное — абстракция. В балканских странах есть различные силы — одни на позициях русофобии, другие — русофилии, огромный разброс мнений и по другим вопросам.

Снять из пункта 6 упоминание о стереотипах и мифах прошлого.

Раздел V. В пункт 2 ... Права человека и национальных меньшинств должны, естественно, соблюдаться на территории всех балканских стран, включая Турцию. Из пункта 4 снять формулировки о нормализации отношений по линии Белград-Сараево, так как фактически это отношения Югославии с Мусульманско-хорватской федерацией (без Республики Сербской). Или добавить отношения по линии Белград-Пале.

Полагаю, что после необходимых уточнений и согласования проект Концепции вполне может быть представлен на рассмотрение Президенту Российской Федерации»(28).

В июне 1997 г. новый госсекретарь США Мадлен Олбрайт совершила двухдневную поездку на Балканы. В отличие от большинства американских дипломатов, о сербах она знала не понаслышке. В детстве вместе со своим отцом чешским дипломатом ей довелось несколько лет прожить в Сербии, и даже сербский язык она забыла не до конца. Тем не менее, М.Олбрайт всегда последовательно и яростно выступала с крайне антисербских позиций и открыто поддерживала боснийских мусульман. За это ее машина была даже один раз забросана камнями в Республике Сербской. Но дело не в особенностях мировоззрения Олбрайт. Во время своего посещения Баня-Луки она встретила с президентом Республики Сербской. Две «железные леди» два часа разговаривали один на один без переводчика. И это имело далеко идущие последствия.

После беседы двух дам в Баня-Луке началось чудесное превращение Б.Плавшич из «сербской националистки» в лидера «умеренного толка». Она вышла из Сербской демократической партии и под видом борьбы с коррупцией стала откровенно опираться на поддержку Запада. Конечно, в любой воюющей стране без коррупции не обходится. Как говорится, «кому — война, а кому — мать родна». Но предательство — преступление еще более тяжкое. Именно так и расценило большинство боснийских сербов поведение своего президента. Правительство РС заявило, что «госпожа Плавшич превзошла всех существовавших в истории сербских предателей ... Наш народ с давних времен знает, что те, кто находится на службе иностранных интересов, есть предатели собственного народа»(29). Разразившийся кризис в верхах боснийских сербов заметно и надолго ухудшил позиции Республики Сербской. Он позволил натовским силам еще откровеннее вмешиваться во внутренние сербские дела — вплоть до захвата полицейских участков и телестанций.

Трудно сказать, в чем была причина столь резкого изменения поведения Б.Плавшич. Сама она в интервью «Файнэншл таймс» заявила, что Олбрайт лишь передала через нее предложение Караджичу тайно покинуть Республику Сербскую и попросить убежище в какой-либо третьей стране, чему Вашингтон был готов оказать содействие(30). Однако скорее всего у амбициозной

госпожи Плавшич закружилась голова, и она решила избавиться от все еще влиятельного конкурента. Вероятно, что и Олбрайт в случае избавления от Караджича обещала оказать ей всемерную поддержку, в том числе и экономическую помощь.

В то время многие объясняли причину столь неожиданной эволюции Плавшич — ее любовью к комфорту. Именно поэтому она постоянно проживала в Баня-Луке в отрыве от других руководителей РС, находившихся в Пале. Метаморфозу, которая произошла с Плавшич, объясняли даже возрастными особенностями женского организма. Но в целом независимые аналитики полагали, что дело Плавшич — результат специальной операции американцев, направленной на ослабление Республики Сербской. Конкретно эту работу выполнили два советника Плавшич — американцы сербского происхождения. Руководствуясь их рекомендациями, она стала принимать все более странные и необоснованные решения(31).

На период парламентских выборов в Республике Сербской (старый парламент распустила Б.Плавшич) министерство обороны США отправило в Боснию три специальных самолета E-130E «Коммандо соло», предназначенных для глушения передач радио и телевидения Республики Сербской. Многие критики указывали, что применение самолетов-«глушилок», тем более в период выборов, является вмешательством в политический процесс в республике и нарушением прав ее граждан на свободу мнений, слова и печати(32). Но представители международного сообщества не обращали на эту критику никакого внимания.

Более того, заменивший К.Бильдта на посту координатора гражданских аспектов мирного соглашения по Боснии испанец Карлос Вестендорп потребовал даже уволить все руководство Сербского радио и телевидения, а взамен назначить международного генерального директора и двух его заместителей, а также провести переаттестацию всех сотрудников. Особенно нового Верховного представителя международного сообщества взбесил телевизионный ролик с параллельным показом выступлений на митингах Б.Плавшич и Б.Муссолини и надписью SSFOR через два нацистских «с». Естественно, что со стороны Вестендорпа это было уже полным беспределом вмешательства во внутренние дела боснийских сербов.

Досрочные выборы в парламент РС состоялись 22 и 23 ноября 1997 г. Снова были различные махинации. Например, на вто-

рой день в Брчко избирательный участок закрылся уже в 16.00, что не дало возможности проголосовать многим сербам. В то же время за границей для мусульманских беженцев выборы продлили до 5 декабря. Это не могло не сказаться. Хотя Сербская демократическая партия и получила больше всех голосов, но даже вместе с Сербской радикальной партией ей не хватило 4 голосов, чтобы самостоятельно сформировать правительство. В результате премьер-министром стал поддержанный Б.Плавшич и мелкими партиями М.Додик. Он был тут же обласкан в Вашингтоне и даже получил небольшую финансовую помощь.

Российский МИД также безоговорочно принял в конфликте в Республике Сербской сторону Плавшич и Додика, не особенно задумываясь о том, в чем, собственно, состоит политика России. Хотя, казалось, было ясно, что ослабление позиций Республики Сербской никак не отвечало ни общесербским, ни российским интересам.

С 12 по 13 сентября 1998 г. в дейтонской Боснии вновь прошли выборы в коллективный Президиум и выборы президента Республики Сербской. Не изменилась и тактика Запада — поиск «умеренных лидеров». В Республике Сербской такой была объявлена Б.Плавшич. В хорватской общине ставка была сделана на К.Зубака, которого считали менее радикальным, чем выходцев из хорватской Герцеговины. Готовясь к выборам, Зубак даже вышел из партии Хорватское демократическое содружество и основал собственную — Новая хорватская инициатива. Наконец, среди мусульман альтернативу исламско-националистической партии Демократического действия А.Изетбеговича пытались найти в слиянии двух левых партий. Одновременно ужесточались правила выборов, к ним по единоличному решению К.Вестендорпа могли не допускать партии или должностных лиц любого уровня(33).

Казалось, что все было сделано и предусмотрено. Перед выборами К.Вестендорп публично выразил удовлетворение тем, что международным посредникам удалось расколоть единый националистический фронт в хорватской и сербской общинах, а также заставить смягчить позицию мусульман(34). Однако голосование показало, что он явно поторопился.

Во всех трех общинах самую большую поддержку получили конкуренты западных ставленников. В Президиум БиГ вошли от мусульман — А.Изетбегович и от хорватов — А.Елавич, уве-

ренно победивший К.Зубака. И только от сербов лидировавший после предварительных данных М.Крайшник был вынужден после уже привычных манипуляций уступить место социалисту Ж.Радишичу. Тем не менее, президентом Республики Сербской был избран победивший Б.Плавшич и поддержанный Сербской демократической партией радикал Н.Поплашен.

Выборы еще раз показали, что за три года после Дейтона мало что изменилось. Боснийским народам было легче жить врозь, чем вместе. Выборы показали также, что демократическим путем и не пересматривая Дейтон было невозможно изменить волю сербского народа в Боснии. Значит, нужно было нарушить и одно, и другое. Именно по этому пути пошли после выборов международные посредники.

В один день, 4 марта 1999 г., произошли два важнейших события, которые могут повлиять на весь дальнейший ход урегулирования. Сначала К.Вестендорп вопреки Дейтонским соглашениям, конституциям Боснии и Республики Сербской сместил со своего поста Н.Поплашена. Один человек отменил волеизъявление целого народа. А уже через несколько часов арбитражная комиссия по Посавинскому коридору во главе с Р.Оуэном, опять же пересматривая по существу Дейтонские соглашения, нанесла по боснийским сербам еще один тяжелый удар. Она сообщила, что Брчко станет самоуправляемым и самостоятельным округом под международным надзором. Фактический вывод Брчко за рамки Республики Сербской означал, что территория боснийских сербов оказывается разделенной пополам. Кроме всего прочего, этими решениями США усиливали давление на С.Милошевича при решении косовской проблемы (35). А российский МИД, как всегда, промолчал. Не было отмечено даже малейшей реакции.

Дейтонской Боснии скоро будет четыре года. Все это время не утихает политическое и экономическое давление на Республику Сербскую. Но попытки склеить две или три части Боснии в одно целое по-прежнему безуспешны. Единство государства держится только на военной мощи НАТО. По опросам, 96% боснийских сербов связывают свое будущее с Сербией, а не с единой Боснией. 90% боснийских хорватов сказали то же самое о Хорватии. Лишь подавляющее большинство мусульман (которые, напомним, составляют заметно меньше половины населения Боснии) — за единую Боснию. Впрочем, они выступают за со-

хранение территории страны, а отнюдь не ее хорватского или, тем более, сербского населения.

Сегодня перед мировым сообществом все еще сохраняется альтернатива. Что делать? Тратить огромные деньги, продлевать без конца пребывание в Боснии многотысячного воинского контингента и всего лишь консервировать конфликт? Одни США уже потратили на военную операцию в Боснии более 10 млрд. долларов. Но даже уничтожение Республики Сербской не приведет к миру. Пока в Боснии есть сербы, результат будет обратный.

Или согласиться с разделом Боснии, то есть фактически признать существующее положение вещей. Ведь, начиная с образования на территории бывшей югославской республики Боснии и Герцеговины Республики Сербской и хорватского образования Герцег-Босна и кончая реализацией проекта «дейтонская Босния», большинство населения этого края многократно ясно и недвусмысленно высказывает против совместного проживания. К сожалению, международное сообщество упорно не желает идти по этому пути.

Сошлемся на А.Солженицына. «От Югославии, — писал он, — из семи расчужденных народов, требовалось как можно скорей развалиться. Но Босния, из трех расчужденных народов и с неугасшей памятью о гитлеровско-хорватской резне миллиона сербов, должна была непременно остаться единой! — таково особое настояние правительства Соединенных Штатов. Кто нам объяснит столь разный подход?»(36)

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Личный рабочий архив.
2. Эггерт К. «Державная» внешняя политика стоит слишком дорого // Известия, 1995, 16 декабря.
3. Кондрашов С. Уход верного Андрея: почему и что дальше? // Там же, 1996, 10 января.
4. Козырев А. Указ. Соч. С. 115.
5. Велехов Л. «Покровительствуя Милошевичу, мы оказали ему плохую услугу». Андрей Козырев о роли России в югославском урегулировании // Итоги. 1999. № 9.
6. Иванов Ив. Марафон в Дейтоне // Эхо планеты. 1995. № 49.
7. Солженицын А. Лицемерие на исходе XX века // Аргументы и факты. № 40. 1997, октябрь.

8. Распоряжение Президента Российской Федерации № 78. 1996, 21 февраля.
9. Сводки ИТАР-ТАСС, 1996, 23 и 24 февраля.
10. Караджич Р. — Ельцину Б. 1996, 26 февраля.
11. См.: Чубченко Ю. Persona non grata // Коммерсантъ-власть. 1998. № 10.
12. Примаков Е. — Ельцину Б. 1996, 26 апреля.
13. Ельцин Б. — Туджману Ф. 1996, 30 апреля.
14. Ельцин Б. — Изетбеговичу А. 1996, 30 апреля.
15. Ельцин Б. — Милошевичу С. 1996, 30 апреля.
16. Сводки ИТАР-ТАСС, 1996, 6 мая.
17. Стахов А. Российский дипломат объехал зону конфликта // Сегодня, 1996, 12 мая.
18. Калядина Е. Прощание американки // Российская газета, 1997, 1 февраля.
19. Стахов А. Боснийские выборы окончатся Дейтоном-2 // Сегодня, 1996, 11 сентября.
20. См., например: Юсин М. Три националиста поделят власть в Боснии // Известия, 1996, 19 сентября.
21. Кандель П. Без сюрпризов // Новое время. 1996. № 39.
22. Цит. по: Жигалкин Ю. Депеша сомнений // Советская Россия, 1996, 17 октября.
23. См.: Зимин Н. Мир под дулами пушек // Сегодня, 1996, 27 сентября.
24. См.: Петровская Ю. Санкции с СРЮ сняты // Независимая газета, 1996, 4 октября.
25. См.: Ю. Батулин считает, что боснийский опыт НАТО не подходит для обеспечения общеевропейской безопасности. У России есть свои идеи, как можно было бы трансформировать Североатлантический альянс // Независимая газета. 1996, 28 ноября.
26. Ю. Батулин. Передний край Совета обороны // Коммерсантъ. 1996. № 42.
27. Записка Н.Афанасьевского. 1996, 28 ноября.
28. Батулин Ю. — Афанасьевскому Н. 1996, 5 декабря.
29. Заявление правительства Республики Сербской. 1997, 21 августа.
30. Смирнов А. Радовану Караджичу предлагали стать политэмигрантом // Сегодня, 1997, 15 августа.

31. Дементьева М. Сербская Республика на грани развала // Независимая газета, 1997, 11 июля; Мошечков С. Сербская «первая леди» сменила сексуальную ориентацию. На политическую // Комсомольская правда, 1997, 4 сентября.

32. Самолеты-«глушители» в борьбе за свободу слова // Сегодня, 1997, 13 сентября.

33. См.: Морозов А. Выборы в Боснии как результат эксперимента // Независимая газета, 1998, 11 сентября.

34. Стахов А. Праздник демократии не получился // Время, 1998, 17 сентября.

35. Рельић С., Перић Б. У држави Вани-Вуту... // НИН, 1999, 11 марта; Кецмановић Н. По Гелбардовим инструкцијама // Там же.

36. Солженицын А. Указ. Соч.

Заключение

Боснийский конфликт важен не только сам по себе. Не будет преувеличением сказать, что он оказал огромное влияние на весь ход современной истории. Он означал зримый рубеж между биполярным и однополярным миром. «Еще вчера, — пишет Г.Шахназаров, — Белому дому нужно было согласовывать с Кремлем едва ли не каждый свой шаг в районе конфликтов, однако после 1991-го года (конечно, это началось заметно раньше, основы такой политики были заложены М.Горбачевым и Э.Шеварднадзе. — К.Н.) в Москве стали только поддакивать. Так продолжалось не день-два, а годы, и у американского истеблишмента созрела мысль: а чего нам, собственно, носиться с этой Россией, и вообще, почему мы должны отказываться от заслуженного Америкой права стать наставником и лидером мирового сообщества и права повести его в XXI век?»(1)

Именно в Боснии был создан прецедент фактического игнорирования мнения России. Именно в Боснии США сделали первый заметный шаг к упрочению своего мирового господства. Второй шаг к мировому господству делается США уже в связи с конфликтом в Косово. На этот раз никакого даже формального разрешения Совета Безопасности ООН не запрашивалось. Более того, на юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 г. под агрессию НАТО против Югославии подведена доктринальная база. В новой стратегической концепции Североатлантического альянса закреплена возможность применения силы за пределами зоны ответственности военного блока, причем все не обязательно с согласия СБ ООН.

Можно сказать, что, постоянно вмешиваясь в югославский кризис, США планомерно разрушали всю систему международно-правовых отношений, сложившуюся после окончания второй мировой войны. Сегодня роль и значение Организации Объединенных Наций ослаблены как никогда за всю ее 50-летнюю историю. Фактически вместо всеобъемлющей системы европейской безопасности складывается новая — вокруг НАТО. Сам термин «объединенные нации», все разговоры о глобальной безопас-

ности теряют свой смысл. Понятно, что это может свергнуть мир в невообразимый хаос.

Борьба за мировое господство прикрывается в США разговорами о правах человека, моральной ответственности «цивилизованного мира» и т.п. Морализаторство, особенно при демократах, было возведено в ранг государственной политики. Более того, с высоты своего временного военного, финансового, технологического, информационного и иного превосходства США стали утверждать, что их система ценностей не только единственно верная, но и обязательная для всех. По словам, помощника американского президента по национальной безопасности С.Бергера, приоритетной задачей США остается укрепление «американских интересов и моральных ценностей, идет ли речь о Боснии и Герцеговине или Ближнем Востоке»(2). На практике это означает, что всех недовольных силой загоняют в «демократию по-американски», подгоняют под так называемый «новый мировой порядок». К чему приводит такое мессианство, хорошо знают народы, которых не так давно загоняли в «светлое коммунистическое будущее». Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад.

Характерным и чреватым опасными последствиями изменением в мировой политике стал отход от принципа равного участия государств в принятии важнейших для них решений. Говоря иначе, произошло своеобразное второе издание «имущественного ценза» на право голоса. Этот феодальный, далекий от демократии принцип неожиданно возродился в самом конце XX в. Инициаторами такого процесса стали США. Стимулируя, в том числе и неплатежами, кризис в ООН, они повели дело к отказу от практики международного финансирования миротворческой деятельности по мандату всемирной организации. Особенно ярко это проявилось в ходе урегулирования того же боснийского кризиса. Миротворческая операция на деньги ООН была заменена там на операцию многонациональных сил под управлением НАТО, где каждый участник уже должен был платить за себя сам. Прикомандирование к миссии ОБСЕ в Боснии необходимых специалистов, наблюдателей за выборами и т.д. также происходило за счет направлявших их стран. Другой характерный пример — Международный трибунал в Гааге. Его деятельность фактически оплачивается исламскими странами и США. А, как давно известно, кто платит — тот и заказывает музыку.

В целом Босния стала родиной «миротворчества нового типа», когда миротворческие войска имеют тяжелое вооружение, танки и авиацию; когда их ввод навязывается ультимативно, под угрозой применения силы; когда они вводятся не в буферные зоны между враждующими сторонами, а занимают всю площадь подмандатной территории, на которой являются фактически верховной властью. Все это больше напоминает оккупацию, нежели классическое миротворчество. К тому же решение о миротворческой операции сначала явочный путем разрабатывается в недрах региональной организации (в данном случае НАТО), а затем лишь проштамповывается Советом Безопасности ООН.

Начатый США геополитический передел мира имеет и более частные последствия. Так, одним из результатов боснийского конфликта стало заметное усиление мусульманского фундаментализма. При американской поддержке резко выросли также турецкие амбиции. Вновь стали раздаваться разговоры о «Великом Туране», о создании протурецкого пояса влияния от Боснии через мусульманские районы балканских государств, постсоветские Азербайджан и Среднюю Азию до китайского Синьцзяна. Это начинает беспокоить и западных мыслителей. Так, широкую известность получила статья С.Хантингтона об исламской угрозе, о XXI веке как веке борьбы между христианской и исламской цивилизациями. Но гораздо больше отношения с исламом должны беспокоить все православные страны, в непосредственной близости от которых проходит так называемая южная «дуга нестабильности». В большинстве этих стран существуют значительные районы с компактным проживанием мусульманского населения.

Маниакальная, в чем-то даже иррациональная враждебность к сербам со стороны США и возглавляемого ими блока НАТО не ослабевает. По-видимому, целью американцев является окончательно сломить волю сербов к сопротивлению. В ход идет все — от уничтожения Республики Сербской в Боснии до военной интервенции против Югославии. Причем всех сербских соседей в той или иной степени заставляют участвовать в этом неблагоприятном деле. Но, по-видимому, напрасно строят иллюзии о вступлении в НАТО, а через нее в западный мир бывшие югославские республики — ныне независимые государства. Кроме Словении, шансов на это у них практически нет, как и незначительны такие шансы у Болгарии, Румынии, не говоря уж об Алба-

нии. Принимать в Североатлантический альянс страны из «покрохового погреба Европы» с их многослойными и застарелыми проблемами никто не хочет.

Как можно судить, цель НАТО другая — создание из всех балканских государств, скажем, во главе с Турцией, своего рода дочернего филиала, балканского мини-НАТО. Прецеденты подобных союзов в этом регионе мира уже были. Достаточно вспомнить существовавшую в период между двумя мировыми войнами Балканскую Антанту. Кстати, Вашингтон уже выступил с «Инициативой о сотрудничестве в Юго-Восточной Европе». В будущий «конгломерат» пригласили 12 стран, включая две натовские — Турцию и Грецию и даже одну постсоветскую — Молдавию. После экономического сотрудничества в качестве следующего шага может стать и сотрудничество в военно-политической сфере. (3).

В такой ситуации насущной проблемой для Сербии является выбор стратегического курса, который будет способствовать ее выживанию. И здесь прежде всего необходимо учитывать геостратегическое положение страны, изменившееся кардинальным образом. Даже географически она переместилась с Запада на Восток. Сербия по существу оказалась отброшенной к началу XX в., а то и в еще более ранний период. На западном направлении, кроме маленькой Республики Сербской, потенциальных союзников и перспективной деятельности на сегодня нет. С Хорватией у Югославии после уничтожения Республики Сербская Краина спорных вопросов почти не осталось. Но не может быть и стратегического союза. Остается лишь бороться за права сербских беженцев и тактически взаимодействовать в Боснии в плане недопущения мусульманского доминирования. С боснийскими мусульманами — еще хуже. Исторически их союз с православными сербами был бы, наверное, более естественным, чем с католиками-хорватами. Но мусульмане, невзирая на множество противоречий, уже интегрированы с хорватами в Федерацию Боснии и Герцеговины. Кроме того, союзу сербов с мусульманами мешает наличие сильного мусульманского сепаратизма в самой Сербии.

Одним из результатов Дейтона была потеря Сербией выхода к морю через Боснию. За этот выход боролись боснийские сербы, а о его крайней необходимости в сербских правящих кругах говорили еще в середине XIX в. Выход к морю через Черногорию

не может его заменить в силу малой пропускной способности горной железной дороги Белград-Бар и в силу отказа хорватов решить проблему Превлаки. Нельзя забывать и о возможном сепаратизме части черногорского руководства. Остается, как перед Балканскими войнами, вновь задумываться о выходе к морю намного восточнее — через транзитную Македонию и греческий порт Салоники. Этому мешает наличие спора между Грецией и Македонией вокруг названия последней, а главное — то, что НАТО уже прочно обосновалась на сербско-македонской границе. Тем не менее, Сербии, если она хочет остаться самостоятельной, все равно придется двигаться на восток и юго-восток, пытаться выстраивать не только ось Белград-Скопье-Афины, но и улучшать отношения с Румынией, Болгарией и далее — вплоть до исторически дружественной России(4).

Неожиданно актуальной становится идея союза «духовно близких народов», наследников византийской, восточно-христианской традиции. Важно, что эта идея базируется не только на культурном и духовном родстве, но и на объективном совпадении политических интересов. Ведь в свою очередь для России, особенно в свете расширения НАТО на Восточную Европу и, в частности, после вхождения в военный блок Польши, Чехии и Венгрии, ничего не остается, как тоже двигаться по тому же «восточно-христианскому» маршруту, но с другой стороны.

И даже не только политические, но и конкретные экономические интересы позволяют говорить о возможности новой оси в Юго-Восточной Европе. Речь идет, например, о проблеме транспортировки каспийской (казахстанской и особенно азербайджанской) нефти. Пути ее доставки во многом определяют будущее Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа и России в целом. Естественно, что путь через Грузию к турецкому порту Джейхан на Средиземном море резко уменьшает политический и экономический вес России. Этот маршрут, который при поддержке США всеми силами лоббирует Турция, превращается и в своего рода новый «шелковый путь» для «Великого Турана». Другим шагом Турции, подкрепляющим этот маршрут доставки нефти, стало одностороннее решение об изменении режима судоходства в проливах Босфор и Дарданеллы. Отметим, что новый регламент явно противоречит положениям доктрины Монтре 1936 г. о свободе судоходства в черноморских проливах.

Ответом России может быть только маршрут доставки нефти Баку-Новороссийск, далее морем до Бургаса в Болгарии и по новому нефтепроводу до Александруполиса в Греции. В таком варианте объективно заинтересованы не только Болгария и Греция, но и другие примыкающие к ним православные балканские страны — Румыния, Македония, Югославия. В этом ряду — весьма активная и перспективная работа во всех этих странах российских нефтяных компаний и газового монополиста «Газпрома». Появление у России нового балканского пути транспортировки нефти уменьшит, кроме всего прочего, возможности Украины злоупотреблять своим транзитным положением для российского нефтяного экспорта(5).

Естественно, что подобные теоретические построения не имеют ничего общего с конфронтацией России с остальным миром. Российско-американские отношения, потеряв прежнюю значимость для всего мира, в обозримом будущем все равно будут оставаться важнейшим элементом международных отношений. Россия является неотъемлемой частью Европы и интеграция в общеевропейские структуры — также важнейшая ее задача. Тем более, что Европа постепенно освобождается от американского диктата и становится все более самостоятельной. Кстати, подобная задача интеграции в европейские структуры стоит и перед Югославией, другими балканскими странами. Но одно не противоречит другому. Скорее — наоборот.

Тенденция к однополярности еще не стала необратимой. В сегодняшнем мире сосуществуют две основные тенденции — глобализация международного развития (часто означающая американизацию) и его регионализация. Наряду с тем, что в мире осталась одна сверхдержава — США, что он становится все более тесным и взаимозависимым, экономически и информационно единым, в нем одновременно полным ходом идут процессы образования региональных объединений и центров силы. Это, в частности, получило свое развитие в концепции многополярного мира. Причем одни и те же страны могут свободно входить в разные региональные и субрегиональные объединения. Для России это особенно актуально в силу ее исторического развития, географического положения, этнического разнообразия и т.п.

Культурно-экономическое и даже политическое сближение стран византийского наследия не может быть направлено про-

тив кого-либо, а только внесет необходимый противовес и разнообразие и в Европу, и в современный мир в целом. Любая монополия — губительна. Международные отношения — не исключение. В этой связи югославский кризис потенциально имеет очень опасную тенденцию выталкивания из Европы православных народов. Демонизация сербов, во многом ориентированных в предыдущий период на европейские ценности, продемонстрировала это особенно ярко. Подобную тенденцию заметили наиболее дальновидные западные политологи. Так, Д. Плеш, директор базирующегося в Вашингтоне Британо-американского центра информации по вопросам безопасности считает, что в Боснии «возникла угроза создания прецедента, когда страны с католическим и протестантским вероисповеданием относятся к европейским государствам, а страны с православной религией — нет»(6).

В то же время под грубым и непрекращающимся давлением Запада в России и других православных странах после краха коммунизма вновь заметно выросли ряды сторонников особого, третьего пути. Этот путь не только отличается от западного, но и прямо ему противостоит. Часто в таких построениях во главу угла ставится православие. Причем оно не только занимает свою законную нишу в мире и Европе, но и открыто противопоставляется либерализму(7). С другой стороны, православие часто противопоставляется исламу.

Несмотря на общее поражение демократии и либеральных ценностей в годы югославского кризиса, на наш взгляд, было бы глупо противопоставлять себя Западу, передовым достижениям современной цивилизации. Понятно, что речь идет не о копировании, а об адаптации этих достижений к собственным условиям. И, конечно, важнейшая задача — научиться жить в согласии с исламским миром, не дать себя втянуть в безумную борьбу с ним. Нужно четко понимать, что вопрос взаимоотношений с исламским миром для большинства православных стран не столько внешний, сколько внутренний. Им следует, опираясь на весь свой богатейший опыт многовекового соприкосновения с исламом и современные подходы в отношении прав национальных меньшинств, выработать гибкие, уважительные отношения со своими гражданами, исповедующими мусульманство, и взаимовыгодные отношения с исламским миром в целом. При этом необходимо давать жесткий отпор исламскому экстремизму, учитывать и использовать то, что исламский мир неоднороден, что

в нем действуют различные силы с различными интересами(8). Именно в этом — наши национальные интересы, и их надо научиться жестко и последовательно отстаивать. Только тогда на них обратят внимание и другие.

Таким образом, и у России, и у Сербии беды и задачи во многом схожи. Это, помимо этнического, культурного и духовного родства, подталкивает их к объединению усилий. Идея присоединения Югославии к Союзу России и Белоруссии — не настолько фантастична, как кажется на первый взгляд. Конечно, это — процесс, который предполагает ряд этапов. И сегодня, по-видимому, правильнее говорить о союзнических отношениях, чем о каком-либо более тесном объединении. Но идти в этом направлении надо без сомнения.

К сожалению, за годы, прошедшие после Дейтона, активизации российской политики не произошло. Практически она мало в чем изменилась. Осмысленной программы действий по отношению к Югославии, Балканам, Юго-Восточной Европе в целом до сих пор нет. Попытки ее сформулировать остались на бумаге. Достаточно сказать, что даже после снятия антисербских санкций так и не была организована ни одна официальная российско-сербская встреча на высшем уровне. Были лишь плохо подготовленные рабочие встречи ввиду каких-либо форс-мажорных, экстренных обстоятельств.

Бездействие и чрезмерная уступчивость не проходят даром. Они превращаются в пособничество. Кризис вокруг Косово с точки зрения внешнего вмешательства развивался точно по боснийскому сценарию, по апробированной в Боснии схеме. И в нем также нетрудно было заметить многие прежние недостатки российского внешнеполитического ведомства. Например, можно напомнить о голосовании России в Совете Безопасности ООН весной 1998 г. за эмбарго на поставки вооружений Югославии. Именно после этого кризис в Косово начал быстро набирать обороты. И ровно через год, 24 марта 1999 г. блок НАТО развязал войну против Югославии.

Косовский кризис многим и в России, и в других странах открыл глаза на то, что произошло в мире за последние десять лет и, в частности, на то, что случилось в Боснии. Думается, что без косовских событий такого понимания не было бы еще долго. Повторим, события в Боснии и Косово — явления одного порядка, хотя в первом случае сербов объявили «сепаратистами», а во втором — они боролись против сепаратизма. И агрессии НАТО

против Югославии в связи с ситуацией в Косово можно было избежать, если бы урегулирование в Боснии происходило иным образом и прежде всего более активной и самостоятельной была бы роль России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шахназаров Г. — Америка — «четвертый Рим». А пятому не бывать? // Итоги. 1996, 13 августа.

2. Сводки ИТАР-ТАСС, 1996, 9 декабря.

3. См.: Мошечков С. Сценарии балканских пожаров пишутся одним автором // Комсомольская правда, 1997, 5 февраля.

4. См.: Морозов А. НАТО в бывшей Югославии // Независимая газета. Приложение Независимое военное обозрение. 1996, 14 ноября.

5. См., например: Кандель П. Балканские интересы России: подлинные и мнимые // Россия на Балканах. М., 1996. С. 23-29; Цехмистренко С. Россия — Греция: формирование новых моделей отношений // Там же. С. 76, 84-89.

6. Обзор откликов СМИ на пресс-конференцию Б.Ельцина...

7. См. Нарочницкая Н. Русский путь: православие или либерализм? // Москва, 1995, № 11; она же. Балканы и поствизантийское пространство в центре духовного и геополитического соперничества на рубеже XXI столетия // Ислам, Балкан и Великие силы (XIV-XX век). Београд, 1997.

8. См. Морозов А. Ислам на Балканах. Проблемы международной безопасности // Ислам, Балкан и Великие силы (XIV-XX век). Београд, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	2
Введение	8
Глава I. Начало и развитие югославского кризиса	14
Глава II. План контактной группы	33
Глава III. Признание равных прав	71
Глава IV. План действий «рабочего совещания»	86
Глава V. Декларация Государственной Думы	123
Глава VI. Варианты действий президента России	141
Глава VII. Американская инициатива	164
Глава VIII. Дейтон	203
Глава XIX. Дейтонская Босния	226
Заключение	252

Никифоров Константин Владимирович

Между Кремлем и Республикой Сербской
(Боснийский кризис: завершающий этап)

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 21.07.99. Формат 60×84/16.
Усл.печ.л. 15,25. Тираж 2000. Заказ 360.

Отпечатано в типографии ЗАО «Академический печатный дом».
127550, Москва, ул. Прянишникова, 2а.

Раздел Боснии и Герцеговины согласно Дейтонским соглашениям

